

НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
РЕСПУБЛИКИ
БУРЯТИЯ

ISSN 2500-0276

Северо-Муйские ОГНИ

Авторский литературный журнал

№2 /108/ 2025

Если даже всего два человека, разные – по возрасту, призванию, религии и духу, приходят к одной идее, то эта мысль уже заслуживает внимания. /В. Кузнецов/

ISSN 2500-0276

Северо-Муйские ОГНИ

Авторский литературный журнал

№2/108/ март-апрель 2025

Учредитель и издатель – Виталий Кузнецов
Основан в 2008 году
С 2010 г. выходит 6 раз в год
Издаётся при финансовой поддержке ООО Артель старателей «Западная»

Главный редактор: Виталий Кузнецов (Северомуйск, Бурятия)
Секретарь-референт: Елена Зяблова (Усолье-Сибирское, Иркутская обл.)
Зам. гл. редактора по связям с общественностью: Татьяна Логинова (Северомуйск, Бурятия)
Зам. гл. редактора по литературной критике: Александр Шерстюк (Москва)
Зав. отделом прозы: Анжелла Седых (Киренск, Иркутская обл.)
Редактор отдела прозы: Дарья Фомина (Балашиха, Московская обл.)
Редактор отдела публицистики: Ирина Резник (Омск)
Редактор отдела поэзии: Александр Балтин (Москва)

Литературный экспертный совет

Байборodin Анатолий Григорьевич, прозаик, публицист, член Союза писателей России /Иркутск/.
Бильтрикова Елизавета Михайловна, поэт, член Союза писателей России /Улан-Удэ/.
Брагин Никита Юрьевич, поэт, член Союза писателей России, доктор геолого-минералогических наук /Москва/.
Ерёмин Николай Николаевич, поэт, член Союза российских писателей (член Союза писателей СССР – с 1981 г.), Русского ПЕН-центра всемирной ассоциации «Международный ПЕН-клуб» /Красноярск/.
Нечипорук Иван Иванович, поэт, член Межрегионального союза писателей, Союза писателей России, действительный член Славянской литературно-художественной академии (Болгария) /Горловка, ДНР/.
Новиков Андрей Вячеславович, поэт, прозаик, публицист, секретарь правления Союза писателей России /Липецк/.
Орлов Максим Томасович, поэт, прозаик, публицист, член Союза писателей России /Братск, Иркутская обл./.
Румянцев Андрей Григорьевич, поэт, публицист, член Высшего творческого совета Союза писателей России, Народный поэт Республики Бурятия, действительный член Петровской академии наук и искусств /Москва/.
Рябчиков Лев Анатольевич, поэт, прозаик, публицист, председатель Правления Крымского РО ЛСПР, президент Крымской литературной академии им. Ю. В. Бондарева /Симферополь, Крым/.
Скиф Владимир Петрович, поэт, секретарь правления Союза писателей России /Иркутск/.
Чепров Сергей Васильевич, поэт, публицист, член Союза писателей России /Темрюк, Краснодарский край/.
Ячеистова Наталия Изяславовна, поэт, прозаик, член Союза писателей России /Москва/.

Информационные партнёры:

- Литературный журнал «Приокские зори» /г. Тула/.
- Альманах «Тарские ворота» и лит. журнал «Иртышъ-Омь» /г. Омск/.
- Литературные сериальные издания «Крылья», «Параллели» /г. Самара/.
- Литературный журнал «Аргамак. Татарстан» /г. Набережные Челны/.
- Издательство «Союз писателей» /г. Новокузнецк/.

Журнал «Северо-Муйские огни» является авторским литературным изданием, ставящим себе целью духовное и творческое объединение свободных мыслителей и художников, творящих в духе любви к природе, людям, во имя процветания мирового экологического сообщества.

Редакция вступает в переписку только с теми авторами, материалы которых приняты к публикации.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Фото на страницах обложки: из архива редакции.

Подписано в печать 16.04.2025.
Формат А4. Стр. – 88.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Тираж 500 экз.
Отпечатано в ООО ПЦ «КОПИР»,
г. Новосибирск, улица Ленинградская, 102.

© Северо-Муйские огни, 2025

Адрес редакции и издателя:
671564, Бурятия, Северомуйск, улица Геологическая, 2.
Тел.: 8 (902) 458-28-89; 8 (908) 595-72-30

Сайт: <https://smogni.ru/>
Е-мэйл для общих вопросов: catalog3@yandex.ru
Связь с главным редактором: vitalicatalog3@yandex.ru

Содержание**Критика**

- Нина Ищенко. «Энеида» Александра Сигиды: ожесточённое перемирие Минских соглашений в поэзии...3
 Лариса Кеффель-Наумова. «Калиновка и её обитатели» как воплощение русского образа жизни.....8

Публицистика

- Александр Балтин. Звёзды мирового кино глазами поэта.....12
Привал на поэтической тропе
 Словесные ленты Любови Новиковой.....15

Проза

- Наталья Ячеистова. Рассказы.....17
 Татьяна Белявская. Баба Лида. Рассказ.....20
 Ирина Резник. Среди множества троп. Рассказ.....22
 Наталья Каретникова. Валюха-горюха. Рассказ.....25
 Наталья Мавроди. Квитанция. Из серии рассказов «Картинки памяти».....28
 Вера Сытник. Анюта. Рассказ.....29
 Светлана Донченко. Чудеса случаются. Рассказ.....33
 Наталья Лосева. «Мы едем дальше...». Эссе (из времени пандемии).....34
 Дарья Фомина. Паксил. Рассказ.....37
 Светлана Чернышёва. Рассказы из цикла «Камушки желаний».....38
 Тамара Селеменова. Положительные моменты. Рассказ.....41
 Галина Стеценко. «Надо успеть!..» Рассказ.....42
 Лидия Пащенко. Чёрный кот на зелёном ясеню. Рассказ.....45
 Татьяна Медиевская. «ROZENKRANZ». Рассказ.....46
 Ирина Соляная. Розовый жемчуг. Сказка.....49
 Екатерина Лимонова. «Страха больше нет». Рассказ.....51
 Лидия Гусева. Плацкарта. Рассказ.....58
 Татьяна Романенко. Как Жорик дом искал. Сказка-быль.....59
 Татьяна Миронова. Из серии «Для чтения детям 5+».....64
 Елена Зяблова. «Любовь к Родине – то же, что чувство к матери...» Эссе.....65
 Анжелла Седых. Впереди духовная весна. Холстинка (из цикла «Господне Лето»).....67

Поэзия

- Ольга Борисова. «Тайнопись звёзд...».....68
 Юлдуз. «Во дворе теперь играют внуки...».....69
 Светлана Донченко. «Любви божественной и вечной...».....70
 Елена Заславская. «...будет напутствием...».....71
 Вита Пшеничная. «А мы... предполагаем жить...».....72
 Николь Воскресная. «Без точности простого снимка...».....73
 Татьяна Собошанская. «Всё запомню...».....74
 Наталья Окенчиц. «Новая весна...».....75
 Ольга Наркевич. «Кто там – за нами?...».....76
 Алла Елисеева. «Верю я, найдём весеннюю тропинку...».....77
 Дарья Гандина. «Человек из прошлого».....78
 Юлия Пучкова. «Под защитой синих небес...».....79
 Екатерина Грушихина. «Но нет...».....80
 Екатерина Большакова. «Улыбкой солнце в окнах расцвело...».....81
 Елена Козырь. «Не привыкая быть одной...».....82
 Кристина Денисенко. «Лирики вьюнок».....83
 Светлана Казакова. «Остановиться, оглянуться...».....84
 Елена Диченко. «Только Бог нас один различает...».....85
 Татьяна Высоцкая. «Свободной стану ныне я!».....86

Обратная связь

- Слово о Журнале.....87

- Творческий совет журнала.....88

КРИТИКА

...всякий читатель – критик, и всякий критик – читатель.
поэт Саша Чёрный (1880–1932)

Нина ИЩЕНКО

г. Луганск, ЛНР – Россия

Ищенко Нина Сергеевна (р. 1978) – кандидат философских наук, культуролог, литературный критик. Член Союза писателей ЛНР. Редактор сайта новостей культуры «Одуванчик». Член Философского монтеневского общества Луганска, доцент кафедры философии ЛГАУ. Автор книг «Докусы и фокусы современной литературы» (2020), «Книжная полка Татьяны Лариной» (2020), «Город на передовой. Луганск – 2014» (2020), «Борьба цивилизаций в “Отблесках Этерны”» (2021), «Южный фронтир: Россия – Украина – Донбасс» (2021). Редактор-составитель семи сборников Философского монтеневского общества Луганска.

«Энеида» Александра Сигиды: ожесточённое перемирие Минских соглашений в поэзии

Жизнь культуры часто включает создание новых смыслов во время интерпретации классических текстов. Интерпретатор пересказывает многократно рассказанный сюжет, чтобы повысить доверие читателя к истории, и в то же время подчёркивает важные для самого автора детали или убирает лишние. Для этого используются наименования частей текста, создание новой композиции, организация повествовательной многоголосицы, литературная игра с жанрами. Рассмотрим адаптацию «Энеиды» Вергилия донбасским поэтом Александром Сигидой в 2022 году, где использованы все эти приёмы.

«Энеида» Вергилия – имперский идеал

«Энеида» Вергилия более двух тысяч лет живёт как в римской, так и в новых европейских литературах. В «Энеиде» сформулированы основы римской гражданской идентичности, и в этом качестве поэма оказывает влияние до наших дней.

Вергилий творил в эпоху принципата Августа. Для героического изображения судьбы Рима и личности Августа поэт выбрал миф о происхождении Энея, троянского царевича, перенёсшего своих богов в Италию. Эней, как сын Венеры, является предком Юлия Цезаря, возводившего свой род к этой богине, а соответственно и Августа, племянника Цезаря.

Идеалом римлянина в поэме выступает Эней, постоянным эпитетом которого является «pius», «благочестивый». Это сделало поэму популярной, поскольку нашло отклик и у тогдашней публики, узнавшей завещанный предками идеал благочестивого и стойкого римлянина, и у строителей империи, нуждавшихся в идеологии, задающей матрицу восприятия событий и позволяющей ориентироваться в социуме, опираясь на традиционные образцы поведения.

Поэма написана по завершении многолетней гражданской войны, сотрясшей всё Средиземноморье. Римская республика, покорившая мир, едва не погибла из-за внутренних конфликтов. Борьба Цезаря и Помпея, Антония и Августа вылилась в ряд войн, продолжавшихся около двадцати лет, и закончившихся переустройством Рима на новых началах. В эпоху Вергилия и Августа Республика превратилась в империю.

Поэма Вергилия повлияла на переосмысление роли Римской империи в христианской Европе. В эпоху конфликтов христиан с римской властью из-за требования последней обожествлять императора в знак политической лояльности христиане резко отделяли церковь от государства. Когда же начинается христианизация империи, на первое место выходят идеи о том, что и Церковь, и государство созданы Богом. Римская империя занимает особое место среди государств. Империя полагается вечной, поскольку она упомянута в Апокалипсисе, где описывается конец света, и что гораздо важнее, в Римской империи родился Христос, поэтому возникновение и рост Римской империи имеют провиденциальное значение в христианской философии уже в эпоху гонений.

«Энеида» хтоническая и истерическая

Наряду с имперской идеологией поэма имеет и другое содержание. Философ Алексей Лосев обращает внимание на хтонизм «Энеиды», то есть отражение в поэме всего иррационального, эмоционального, даже истерического и болезненного. По словам исследователя, поэма наполнена безумными аффектами, экстатическим разгулом и анархическим своеволием героев, которые охватывают не только Дидону, Креусу, Низа и Эвриала, Палланта, Турна, Мезенция, но и самого благочестивого Энея. Сам Эней, прославленный основатель Римской империи, величественный герой, предок римских царей, всё время плачет, стонет, пугается, ужасается, у него холодеют члены, поднимаются от ужаса волосы и хрипит голос, он часто волнуется, столбенеет и цепенеет, и даже бывает непочтителен к богам.

Лосев считает, что таким образом Вергилий показывает в поэме рождение империи, порядка и соразмерности из хаоса человеческих иррациональных эмоций, и что движение к порядку происходит спонтанно, вслепую, наощупь и с большими проблемами.

Тем не менее этому хаосу человеческих воль и эмоций противостоит чёткая концепция римской империи, изложенная Анхизом в шестой книге «Энеиды», когда Эней встречается в Аиде со своим покойным отцом:

Смогут другие создать изваянья живые из бронзы,
Или обличье мужей повторить во мраморе лучше,
Тяжбы лучше вести и движенья неба искусней
Вычислят иль назовут восходящие звезды, – не спору:
Римлянин! Ты научись народами править державно –
В этом искусство твоё! – налагать условия мира,
Милость покорным являть и смирять войною надменных!

Как всякий миф, эта концепция является и моделью поведения, и программой действий, и идеологией. Влияние этой идеологии на европейские теории империи является решающим.

Спуск в Аид у Вергилия и Данте

Особую роль в христианских культурах сыграло изображение Аида у Вергилия. Именно Вергилий первым из авторов ввёл в литературу изображение внутреннего пространства Ада. Также в поэме Вергилия задан образец изображения грешников в аду, посмертного воздаяния и меры.

Важнейшие идеи Вергилия были восприняты Данте. Вергилий в католической Европе – это не только поэт, но и глубокий мыслитель. Философские идеи о сущности имперского этоса и о посмертном воздаянии он облакает в замечательную художественную форму. Данте, возрождая античные представления в католической Европе, выбрал себе в проводники именно Вергилия, а посредством Данте Европа создала свой миф о Вергилии, поэте империи и Ада, в Новое время он распространяется по всей Европе и играет важную роль в литературе вплоть до наших дней.

Вергилий на русском: поэт, которого нет

На русский язык поэма Вергилия переводится с XVIII века. В нашей литературе существует русский Гомер (перевод «Илиады» Николаем Гнедичем и «Одиссеи» Василием Жуковским), но русский Вергилий не состоялся. Первый перевод «Энеиды» сделан Василием Петровым в 1770 году, следующий – перевод Иосифа Шершеневича в 1868 году, в следующем десятилетии выходит три перевода: Соснецкого (1878 г.), Фета (1888 г.) и Квашнина-Самарина (1893 г.). В 1933 году появляется перевод Валерия Брюсова и классический перевод Сергея Ошерева под редакцией Фёдора Петровского. Эти переводы не вошли в русскую культурную память, не стали источником образов и цитат, а также литературных моделей в поэтическом творчестве. «Энеида» Александра Сигиды является исключением на общем фоне.

«Энеида» Котляревского: начало национальной литературы и этос ада

Автор адаптации Александр Сигида творит в Донбассе, который до 2014 года входил в состав Украины и подвергался мягкой украинизации. В частности, во всех школах русского Донбасса изучался украинский язык и украинская литература, которая традиционно начинается с поэмы Ивана Котляревского «Энеида» (1798). Интерпретация «Энеиды» на русском языке на бывшей украинской территории вступает в творческий диалог с поэмой Котляревского, поэтому рассмотрим вкратце особенности украинской интерпретации.

Современная исследовательница из Санкт-Петербурга Александра Тоичкина занимается «Энеидой» Котляревского не один год и утверждает, что поэту удалось воплотить миф Украины и её народа. По её мнению, оригинальный этос украинского народа Нового времени определяется главой об аде.

Тоичкина утверждает, что на основе христианских фольклорных источников Котляревский дал художественное переосмысление мифа Вергилия. Для Вергилия понимание мира строится на идеях пифагорейцев о бессмертии души и о цикличности истории. В поэме Котляревского даётся иная интерпретация пути героя: путешествие Энея от разрушенной Трои к Риму осмысливается как путь к Новому Иерусалиму.

Как уже ясно читателю из вышеизложенного, эта концепция не является достоянием и изобретением украинской культуры, а стала общим местом во всех христианских культурах, усвоивших представление о Римской империи как исходной точке преобразования человечества, поскольку там родился Христос.

Ещё одной специфической чертой украинской культуры в «Энеиде» автор считает изображение грешников в христианской и общечеловеческой (просветительской) религиозно-философской системе координат. Автор, очевидно, полагает, что просветительская философия и христианство совпадают, поскольку далее указывает, что «понятие греха Котляревский выводит за рамки его конфессионального определения». Такой подход типичен для просветителей, но не для христианской традиции. В христианстве существует общечеловеческая мораль, в соответствии с нормами которой судятся люди всех конфессий, но эта мораль христианская, а не просветительская.

Таким образом, в украинской «Энеиде» просветительские идеи с помощью фольклорных и христианских элементов переносятся на южнорусскую почву. Традиционно важное место имперской

идеи и изображения ада сохраняются. Рассмотрим, как освещены эти топосы в поэме Александра Сигиды «Энеида».

Александр Сигида – поэт Донбасса

Александр Сигида-старший проживает в Молодогвардейске, ЛНР. Родился в 1963 году в Донбассе. Историк по образованию. Основатель творческого объединения СТАН. Организатор фестиваля «Муза Новороссии». Печатался в сборниках СТАНа, журналах «Склянка Часу», «Радуга», «Свой вариант», «Северский Донец», «Территория слова», антологии «15 веков русской поэзии» (Москва). Автор более десяти книг, среди которых: «Путешествие», «Каменный угол», «Месторождение», «Непочатый край», «Легенда о карте», «Ключевые слова», «Сон при солнце». Лауреат фестиваля «Веничкина радуга», фестиваля «Пушкинское кольцо», VIII всеукраинского фестиваля поэтов «Летающая крыша» (Черкассы) и других. С 2014 года живёт и работает в ЛНР. Член Союза писателей России, Союза писателей Луганской и Донецкой Народных Республик, Межрегионального союза писателей, является лауреатом литературных премий имени Михаила Матусовского и «Молодой гвардии», литературно-общественной премии «Гранатовый браслет» имени А. Куприна (2022).

«Энеида» Сигиды: стратегии интерпретации

Поэма «Энеида» занимает большую часть авторского сборника «Мечты печатного станка» (2022), опубликованного в Луганске. В предисловии под названием «Адаптация текста» автор описывает свои цели и теоретические подходы к интерпретации классического произведения. Цель обработки художественного произведения – приблизить классику к современному читателю; поддерживать классические традиции; интегрировать в текст разные пласты первоисточника: исторический, мифологический, религиозный, героический и так далее; использовать для этого новейшие достижения литературы. Важность Вергилия для современного читателя поэт обосновывает сходством исторического контекста (эпоха гражданской войны), а также важностью имперской идеологии в этих сходных ситуациях. Подводя итоги, поэт говорит, что для него адаптация классических текстов – шаг к мирному созиданию и один из способов творческого преображения действительности. Посмотрим, как поэт адаптирует «Энеиду».

Поэтический размер и дословные цитаты

Для адаптации поэмы автор использовал не латинский текст, а классический перевод Сергея Ошерова. Поэма имеет двенадцать книг, как в оригинале, однако значительно меньший объём. Так, в издании АСТ 2009 года «Энеида» Вергилия занимает 262 страницы, в интерпретации Сигиды – 121 страницу. Название поэмы «Энеида» сохранено, однако к нему добавлен ещё один заголовок, причём более высокого уровня: «Это важно...». В целом название выглядит так: «Это важно... Энеида». Эта текстовая стратегия позволяет услышать авторскую речь, собственные слова создателя адаптации, акцентирующие значимость поэмы для современного читателя.

Ошеров переводил «Энеиду» гекзаметром, сохраняя античную традицию. Сигида пересказывает поэму рифмованными стихами. Замена гекзаметра на рифмованный стих вовлекает в текст нашего современника, начитанного в рифмованной поэзии, но непривычного к классическому гомеровскому поэтическому размеру.

Некоторые словосочетания из русского перевода Ошерова в адаптации Сигиды повторяются дословно, но комбинируются в новые предложения. Так, эпизод спасения Анхиза Энеем из горящей Трои, несение отца на спине, описывается у двух авторов следующим образом:

Вергилий: «Вымолвив так, я плечи себе и склоненную спину
Сверху одеждой покрыл и жёлтою львиною шкурой,
Поднял ношу мою»;
Сигида: «Плечи покрыл я тут львиною шкурой, ношу свою я поднял».

Описание тризны по Анхизу:

Вергилий: «Так говорил он – и вдруг появилась змея из гробницы:
В семь огромных колец изогнув упругое тело,
Холм семь раз обвила, с алтаря на алтарь проползая»;
Сигида: «Вдруг появилась змея из гробницы, кожа на солнце горит».

Описание встречи с Сивиллой перед спуском в Аид, когда Сивилла рассказывает Энею, как добыть оберег – золотую ветвь:

Вергилий: «Взглядом кроны дерев обыщи и ветвь золотую
Рви безоружной рукой: без усилия стебель поддастся,
Если судьба призывает тебя; если же нет – никакою
Силой ее не возьмешь, не отрубишь и твердым железом»;
Сигида: «Если призвала судьба,
Ветка достанется вам без надреза, ибо природа слаба...».

Примеры можно умножить. Во всех случаях современный автор сокращает Вергилия, сохраняя смысл, говорит то же самое короче, проще и яснее для современного читателя.

Новая композиция поверх старой: подзаголовки и подразделы

Для создания собственной структуры текста и донесения своих идей до читателя Сигида создает подзаголовки, которых нет в оригинале. В рамках двенадцати песен донбасский поэт выстраивает собственное повествование, акцентируя важные для него моменты. Разные песни имеют разное количество структурных элементов: первая книга разделена на 23 подраздела, вторая – на 17, третья – на 16, четвертая – на 17, пятая – на 13, шестая – на 11, седьмая – на 11, восьмая – на 7, девятая – на 4, десятая – на 8, одиннадцатая – на 10, двенадцатая – на 13.

Пример разбиения на подразделы самой длинной первой книги:

Мечь царицы богов.
 Попытка бури. Юнона.
 Противостояние.
 Противоборство.
 Силы природы.
 Гнев Нептуна.
 Заложники.
 Запасы.
 Забота.
 Угрозы и просьбы.
 Воля Юпитера.
 Юпитер.
 Мечты о мире.
 Встреча Энея с Венерой.
 Венера.
 Вид Карфагена.
 Картины битвы.
 Посольство.
 Дидона.
 Первая встреча.
 Внимание.
 Стрелы Амура.
 Самая короткая девятая книга делится так:
 Вестница.
 Ночь перед битвой.
 Вылазка.
 Жаркая битва.

Длина подраздела примерно одинаковая – от одной до трёх строк. Соответственно, самой длинной является первая книга (13 страниц), самой короткой – девятая (3 страницы), а в среднем одна книга занимает около десяти страниц. В первой самой длинной книге описывается прибытие Энея в Карфаген из Трои и божественный план всех событий. В самой короткой книге – нападение Турна на троянский лагерь в Италии, а также вылазка Низа и Эвриала в лагерь италийцев и гибель их в бою. Во всех случаях автор сокращает и укорачивает описание битв, сражений, военных событий. Взаимоотношения и беседы между людьми и богами излагаются хоть и кратко, но точно, во многом следуя оригиналу.

Авторская концепция сюжета: не воля богов, а конфликт братьев

Тем знаменательнее случаи, когда автор не сокращает, а удлиняет исходный текст. Самым ярким из таких случаев является зачин поэмы. Начало поэмы, конспективно описывающее весь сюжет, у Вергилия выглядит так:

Битвы и мужа пою, кто в Италию первым из Трои –
 Рокм ведомый беглец – к берегам приплыл Лавинийским.
 Долго его по морям и далёким землям бросала
 Воля богов, злопамятный гнев жестокой Юноны.
 Долго и войны он вёл, – до того, как, город построив,
 В Лаций богов перенёс, где возникло племя латинян,
 Города Альбы отцы и стены высокого Рима.

Это начало первой книги. У Сигиды же книга первая начинается со стиха восьмого первой книги Вергилия, о гневе Юноны, а знаменитые слова о переносе богов в Лаций – это начало предисловия, выделенного соответствующим подзаголовком.

В предисловии Сигида также даёт конспект поэмы, и тут же меняет её смысл. У Вергилия двигателем сюжета является воля богов. Формально сохраняя этот приём, Сигида меняет его смысл, о чём и говорит в самом начале: двигатель сюжета – противостояние людей, братоубийственная война, начиная с Ромула и Рема, конфликт братьев как основа римской имперской традиции. При всех политически неоднозначных толкованиях Вергилия, такой мысли у римского поэта нет. Эта интерпретация отражает реалии войны в Донбассе, которую переживает Александр Сигида с 2014 года. Поэт понимает войну между Украиной и Донбассом как гражданскую и братоубийственную, и это понимание передаёт в своей адаптации.

Имперский этос и призыв к миру

Как мы уже видели, два важнейших топоса Вергилия, повлиявшие на мировую литературу, это призвание римлянина управлять народами и изображение ада.

Знаменитая в веках формулировка имперского этоса у донбасского поэта звучит так:

Дети! К войне ваши души привыкли! Грозною мощью своей
Зря вы терзаете тело Отчизны! Богов потомок, Эней,
Меч опусти и о милости вспомни, в этом искусство твоё!

Вместо требования повелевать народами Анхиз зовёт к прекращению войны и к миру. Это призыв подкрепляет изложенную в зачине поэмы версию создания римской государственности через братоубийственную войну. Современные события повторяют римскую историю, страна, в которой идёт война, выступает как новый Рим. Свой призыв к миру Анхиз обращает и к украинцам, и к русским. Этический императив смирять войною надменных в поэме сознательно не приводится. Поэма создавалась до СВО, в период Минских соглашений, которые длились с 2014 года по 2022 год и постоянно нарушались украинской стороной. Призыв к миру обращён в первую очередь к украинской политической нации, направившей военную машину своего государства против русских Донбасса, отстаивавших своё право на язык, культуру и мирную жизнь. В этом контексте требование к Киеву смирять войною надменных звучит неадекватно, и поэт от него отказывается, заменяя его на призыв к миру. После начала СВО, когда призыв к миру стал штампом антирусской пропаганды, слова Анхиза получают иной смысл. Их можно понять как мир любой ценой, то есть интерпретировать в духе проукраинской военной пропаганды, но также в этом призыве можно видеть указание на важность мира для обеих сторон конфликта, идущего на южнорусских территориях из-за вражды братьев.

Пустой и невидимый Ад

Второй важнейший топос, отражающий украинский этос, то есть описание Ада, предстаёт в поэме Сигиды самым удивительным образом: его нет. Спустившись в Ад, Эней видит там страшных чудовищ, Харона, перевозящего души, а также души, ожидающие перерождения. Эней не заходит в Ад, не продвигается дальше, не видит прославившую поэму в веках топографию ада и распределение грешников по разрядам мук. Внутреннее пространство Ада закрыто для героя и читателя – такова текстовая стратегия образцового автора. Убрав из поля зрения Энея и читателей подземное царство мертвых, современный поэт тем самым показывает, что Ад пуст: там нечего искать, все бесы здесь, на земле, устраивают братоубийственную войну, разрушающую большую Родину. Хтоническая стихия в адаптации ярче всего воплощается не в картинах разоряемой Трои и не в безумствах влюблённой Дидоны, а в битвах троянцев и италийцев в Италии, на новом месте, где троянцы должны обрести дом и заложить основы Римской государственности. Прекратить эти битвы всеми способами – основная мысль новой поэмы.

Новая «Энеида»

Итак, для вовлечения читателя в текст Александр Сигида уточняет заглавие поэмы, подчёркивает важность темы; переписывает текст рифмованным стихом вместо гекзаметра; не меняет количество книг, но все они разбиваются на подзаголовки, акцентируются важные для автора моменты; сокращает и уточняет сюжет, уменьшает количество батальных сцен, но сохраняет отношения между людьми и богами; создаёт предисловие к поэме, где конспективно излагает историю создания римской государственности как братоубийственной войны, и такое понимание переносит на современную войну в Донбассе; призыв к римлянам повелевать народами заменяет на призыв опустить меч и прекратить войну; упрощает изображение Ада, не показывает читателю его внутреннюю топографию, чтобы подчеркнуть хтонический характер войны, идущей на земле и пробуждающей всё самое злое в человеке.

Поэма «Энеида» – призыв к творчеству посреди войны, попытка увидеть моральную сторону событий, прославление мира как основы совместной жизни людей в едином государстве. Несмотря на следование сюжету, порой дословное, ключевые топосы Вергилия в поэме Сигиды противоположны. Вергилий истолкован Сигидой произвольно, но в своей адаптации донбасский поэт задаёт строгие рамки понимания, в которых читатель постигает его замысел.

Лариса КЕФФЕЛЬ-НАУМОВА

г. Майнц-на-Рейне, Германия

Лариса Кеффель-Наумова – прозаик, поэт, член Союза писателей России, Содружества русскоязычных литераторов Германии. Финалист литературной премии памяти С. А. Есенина «Русь моя» (2022), победитель конкурса «ЛитКузница» (Самара, 2023). Награждена медалью «За мастерство и подвижничество во благо русской литературы». Публикуется в ряде российских альманахов и журналов: «Притяжение», «Новое слово», «Параллели», «Московский вестник», «Аврора», «Невский проспект». Член редколлегии и один из авторов двух сборников о Великой Отечественной войне: «Военкорь» и «Дороги жизни»: (М.: «Фелисион». – 2022, 2023). Лауреат премии «За верность русской культуре и литературе» им. И. А. Бунина. В 2024 году в издательстве «У Никитских ворот» была издана вторая книга Ларисы Кеффель – роман «Снег на Рейне», который принял участие в книжных выставках-ярмарках «Красная площадь» и ММКЯ в Экспоцентре в Москве.

«Калиновка и её обитатели»¹ как воплощение русского образа жизни и национального культурного кода России

Что такое русский национальный культурный код? Какие понятия он включает в себе? Как его расшифровать? В Германии, где я, в силу сложившихся обстоятельств, нахожусь уже немалое количество лет, русского человека не понимали, не понимают и не хотят понимать. От расхожего клише, что в России медведи ходят по улицам, наши западные «партнеры» ушли за несколько веков вперёд.

И какой там ещё код разгадывать? Смурные, неулыбчивые, несколько застенчивые. В толпе свой «русского свояка видит издалека», хотя мы вроде и белые. По громкости голоса, особому произношению с твёрдой «р» (немцы грассируют), построению фраз на немецком, о котором немцы выражаются «*fliegend falsch*». Мол, русские говорят свободно и неправильно. Когда русские разговаривают при них на своём языке, так «будто рядом машина функционирует». Если немцы слышат русскую речь, их начинает потрясывать, недовольно куксятся. А ещё, и это основное в отношении к русским, помнят, что русские их победили. Что они сильные и воевать умеют.

О каких собственно русских я говорю? Об этнических казахстанских и сибирских немцах, евреях, казахах, украинцах... Мы для них раньше все были русские. Правда, с начала СВО стали допытываться, *украиниш* вы или *русиш*? «Откуда вы родом?» Говорю, что из Москвы. «Из самой Москвы?» Поджимают губы в «куриную гузку». Дискутировать не решаются. Чёрный юмор иногда проскальзывает: «Надеюсь, что не из Кремля?» или «Вы русская или русская немка?» Говорю, что чистая русская. Это правда. Предки мои по папиной линии происходят из Московской области, а с маминной – с Рязанщины.

Итак, на западе любят Достоевского, совершенно не понимая его, Анну Каренину, думая, что это роман об адюльтере, «Калинку» – потому что немцы любят ритмичные, почти маршевые песни. Про что эта «Калинка», в чём там суть, неважно. Это как в последние дни вдруг стала популярной песня наших девчонок: «Сигма-бой, Сигма-бой. Все девчонки хотят потанцевать с тобой». Ритмичная.

Русский человек, его внутреннее пространство, наполнение его души, остаются для мира за семью печатями. Советники по России любого государства очень плохо представляют себе национальный код русского человека. А что думаем о себе мы сами? В чём сила русского духа? Некто Григорий Померанц, философ, ныне покойный, помню, меня сразил наповал. Вот послушайте его рассуждения о русском человеке: «Русская удаль – в бою, русский разгул – в погромах. У кого есть сила, у того нет доброго Духа!». Между прочим, он фронтовик. Прошёл ВОВ 1941-45 гг. Вот что делает дзен-буддизм с человеком!

Ну, а если серьёзно? Какие качества вспоминаются, которые мы можем отнести к себе, к русским? Первое и главное – это, конечно, русский язык на котором мы все говорим и понимаем друг друга. Чувствуем себя вольно, дома, на одной волне. Можем выразить и сформулировать наши мысли и желания, свободно вести диалог. Можем писать письма и книги. Оказавшись же на чужбине, человек лишается отчасти этой коммуникации. И поверьте мне на слово, что это такая катастрофа, будто вам отрезали язык, лишили чувства твёрдой почвы под ногами. Ибо язык – это и инструмент самоидентификации, принадлежности к определённой культуре.

Ольга Михайловна Борисова. Её книга «Калиновка и её обитатели» – это воплощение русского образа жизни, традиционный её уклад, формировавшийся веками, дань уважения и благодарности автора к своей земле. «...у Калиновки есть прототип – село Владимировка (ныне г. Ахтубинск). Про них, моих земляков, эта книга. Она повествует о становлении их характеров, судьбах, их радостях и бедах. Через многое им пришлось пройти, но они всё выдержали, потому что у них есть крепкий стержень, состоящий из веры, надежды и любви!» – пишет О. Борисова.

Вот вам уже и некоторые из составляющих кода: ВЕРА. НАДЕЖДА. ЛЮБОВЬ.

Рассказы с первых строк уведят читателя в естественный и безыскусный мир, полный запахов цветов и сена, птичьего гомона, парного молока. И постоянного людского общения, неторопливого разговора, состоящего из шуток, прибауток, мудрости, искреннего интереса и сопереживания друг другу. Все на виду. Шила в мешке не утаишь. Всё: и хорошее, и плохое, – как одна большая семья. При народе и смерть красна. Женится ли человек, заболел, умер ли, помощь или совет кому нужны, соседи, односельчане, всегда откликнутся делом. Плетётся нить повествования плавно. От рассказа к

¹ Калиновка и её обитатели: сборник рассказов / Ольга Борисова. — Волгоград: Перископ-Волга, 2022. — 220 с.

рассказу мы узнаем больше о непростых, трудных судьбах жителей деревни, об их горестях и радостях, следим, затаив дыхание, как разворачиваются события и куда нас приведёт сюжет.

Не знаю, допустимо ли такое сравнение, но читаешь будто «семечки лузгаешь», уже не можешь оторваться.

Чем же так привлекают рассказы О. Борисовой? Они написаны, несомненно, талантливым писателем, крепким профессионалом, но, прежде всего, и это немаловажная деталь, хорошим человеком, с русской душой и православным взглядом на мир. Они полны доброты, радости жизни и какой-то кротости, сострадания, пронизаны евангелистскими мотивами.

Язык. Уклад

Видно, что писатель знает деревенскую жизнь не понаслышке: говор, название утвари, инструментов, расположение крестьянской избы, местное наречие. Она выписывает картины быта легко, не спотыкаясь. Ей веришь. «Домишко до утра тепло перестал держать. Видно, придётся завалинку за лето подправить», – читаем в рассказе «Крещение». «А ещё Анна Матвеевна держала несколько курочек и кабанчика Борьку, доставляющего ей немало хлопот. «Вот сдам тебя на мясокомбинат!» – в сердцах говорила Анна, когда он очередной раз делал подкоп или опрокидывал тяжёлое деревянное корыто», – из рассказа «Донна или вирус в короне». «Застреха», «подворье», «катанки», «печь-голландка», «парубки», «хата» – все эти старинные слова органично вписаны в современное житьё-бытьё героев.

Есть в сборнике и смешные, курьёзные случаи. Грешат деревенские мужики выпивкой. Кое-кто из них с ленцой. И местные ревнивцы имеются. Некоторые из сельчанок любят посплетничать, сунуть нос в чужую жизнь. Ничто человеческое, как говорится, им не чуждо.

Соборность. Взаимопомощь

В рассказе «Калиновка», открывающем сборник, есть такие слова: «Цивилизация не испортила людей, живут они по-прежнему всем миром: и в беде, и радости. «Люди должны друг дружке помогать». Всем селом ищут пропавшего Фильку в рассказе «Така любовь»: «Но Филька не вернулся. «Утоп!» – быстро разнеслось по селу. Потянулись соседи к дому Колыбановых, решать, значит, что делать дальше. Мужики гурьбой отправились к участковому!»

«Свет ночью в окне Анюты – тревожный сигнал и спешит утром к ней соседка Клава. Что-то видно случилось.

– Анюта, что случилось? – послышался встревоженный голос на другом конце провода. – Видела, свет в окне ночью горел!

– Клава, сходи в аптеку. Сумки вчера тяжёлые несли, сустав разболелся. Ступить на ногу не могу».

Сегодняшняя беда с Украиной очень ненарочито угадывается во внутреннем монологе пожилого Тимофея из рассказа «На завалинке»: «Ах, Натаха! Вышла замуж за военного и осела на его родине в Харьковской области. Не доедешь теперь. Разорвали нашу Родину».

Православная вера

Рассказ «Крещение» о том, как вера, хоть и нежеланная в советское время, никуда в годы социализма не делась. Жила где-то глубоко в народе. Тихонько детей крестили, венчались, стариков отпевали, куличи на пасху освещали... А потом снова вернулась вера, затеплилась, оттаяла, будто и не было восемьдесят лет её забвения. Полны церкви в воскресные дни. Исповедуются люди, причащаются. Крестят детей, поминают близких. Как и сто лет и двести лет назад.

«– Николай, я тут давеча подумал и решил вас с Ольгой в крёстные взять. Дочка уже большая, а мы что-то всё не соберёмся.

– Да я не против, но вот только сам некрещёный. Строго в те времена было, родители могли работы лишиться, вот так и живу нехристом.

Задумался Степан. По привычке почесал затылок, ещё одну рюмаху водочки налил. Выпили за веру православную, за праздник, закусили.

– Вот что! Я стану твоим крёстным! Завтра утром идём креститься!»

И о запоздалом Крещении этот рассказ. О возвращении к вере.

Справедливость. Прощение

Рассказ «Две сестры» особенно мне запомнился. Он повествует, в том числе, и о том, что надо уметь прощать и понимать, даже если человек оступился. Нарушил закон. Это тоже совсем-совсем русское свойство души.

Бабушка рассказывает внучке давнюю историю. Родители привезли их с сестрой на совхозной машине с хутора, а сами вынуждены были уехать обратно. Две сестрёнки – Марья и меньшая Меланья, остались одни. Шофёр грузовика, на котором привезли детей, решил ночью обворовать их дом, но был пойман и осуждён.

«– Бабуль, а что с тем шофёром стало?

– Посадили его. Большой срок дали.

– А я бы его, – Варя замолкла, пыталась придумать, что бы она с ним сделала.
 – Не горячись, внученька. Надо уметь прощать. Время нелёгкое было, голодное. Вот и пошёл на кражу, ради своих детей. Говорят, что Пилепенковы бедствовали сильно.
 – Прощать?!
 – Да, Варя! Нельзя зло держать на сердце. Не от хорошей жизни фронтовик воровать пошёл. Много лиха на фронте он хлебнул, много раз ранен был. От мамы слыхала, что жили они до войны в Херсоне. А как фашисты на эту землю пришли, всю его родню расстреляли, а дом сожгли. Жена с малолетним сынишкой чудом живы остались. Она к брату на Кубань уехала за пару дней до немецкого нашествия. После войны он их там и нашёл. А потом его к нам в колхоз направили. Домик плохенький дали, туда он семью перевёз. Вскоре у них ещё два пацана народились.
 – А что с его детьми стало?
 – Не бросили их. Помогали всем селом, кто чем мог. Папа сразу им мешок муки отнёс да тыквами поделился».

Удивительный рассказ. Пробирает до мурашек.

Уважение к страшим, воспитание доброты. Помощь братьям нашим меньшим

Вовка подобрал котёнка на дороге и принёс в школу. Получил неуд по поведению. Дед Игнат утешает мальчика.

«– Ты, сынок, не мямли! Давай, как мужчина, – честно и громко. Годков мне много, глухой стал.

– Когда я шёл в школу, – повторил громко Вовка, – на дороге увидел маленького котёнка. Он сидел никому ненужный и тихо плакал. Утро сегодня холодное, его худенькое тельце дрожало. Взял я малыша на руки и так жалко его стало! Пропадёт ведь. Снял с себя шарф, закутал в него котёнка и в портфель положил. Вместе с ним в школу пришёл. Один урок котёнок проспал, а вот на втором – вылез из портфеля и отправился гулять по классу. Что тут началось! Все с мест повыскакивали и давай его ловить. Урок сорвали.

– Ты правильно поступил! Молодец! По-мужски. В беде никого нельзя оставлять, – он погладил мальчика по голове. – А учительницу не вини. Ей надо было всё честно рассказать, она бы поняла и что-нибудь придумала. Ты же не сказал, где его нашёл?

– Нет. Она не спросила, а я не стал объяснять.

– Поэтому так и получилось.

– Дедушка, а правду говорят, что ты на войне был? – вдруг спросил Вовка.

– Был, сынок.

– А страшно было? Я бы, наверное, не смог. Ты, дедушка, герой!

– Страшно, Вова! Не приведи Господь вам это испытать! А смог или не смог... Смог бы! Когда враг твою землю топчет, когда сёла да города сжигает, когда детей и стариков убивает – всякий встанет на защиту своей Земли. На том Русь стояла и стоять будет!

– А у тебя медали есть?

– И медали есть, и ордена. На пиджаке в шифоньере.

– Мне семнадцать годков исполнилось, когда на фронт забрали. В сорок третьем это случилось. На уроке мы сидели и вдруг Клавдию Степановну вызвали в учительскую. «Ребята, сидите смирно. Скоро приду!» – строго сказала она и ушла. Вскоре вернулась заплаканная: «Игнат, Михаил и Степан, собирайтесь. На фронт вас забирают!» Сначала нас отправили в учебку, а через два месяца – на фронт. Первое боевое крещение получил при освобождении города Великие Луки, а в боях за Невель меня контузило».

Жители Калиновки от мала до велика очень уважительно относятся к старшему поколению: к старикам, ветеранам.

Уклад жизни. Философия. Самокритика

У калиновцев есть своя философия. Своё мировоззрение. Прочитай любой русский человек вот этот отрывок ниже, и он согласно покачает головой. Копаться в себе, критиковать, бичевать самое себя – это тоже русское.

«– Вот, живёшь, суетишься, а потом – бац, и нет тебя! – вздохнул Федька Косой.

– Не говори, Федька, – вступил в разговор Семён Сазонов, мужчина серьёзный и немногословный. – Всё чего-то нам мало, не хватает, жилы рвём. А кому наше добро нужно?! Дети в город уехали, у них там другая жизнь. Приезжают редко, да и внуков почти не видим, – он сокрушённо покачал головой. – Вот и Алексей, видно, тоже надорвался. Трудолюбивый мужик был. Для семьи жил, всё в дом тасил. Что они теперь, горемычные, без него делать-то будут...

– Всё хапаем, – добавил кто-то из толпы. – А нам-то и надо два метра земли.

– Бога забыли! Законы его попрали, жить малым разучились, – тут уже присоединилась к разговору Татьяна, Федькина жена, женщина богомольная и тихая. – А раньше люди добрее были, миром жили и друг другу во всём помогали. Последним куском делились.

– И то правда. А нам сейчас машины подавай, да чтоб круче, чем у соседа! А дом, чтоб двухэтажный, под красной крышей, и чтоб кричал всем своим видом о богатстве хозяина. Бахвальство одно! Обмельчал народ. Ох, обмельчал! – покачала головой Серафима Петровна,

учительница начальных классов сельской школы. – Доброты да человечности в нас мало осталось. Все за богатством погнались да за вольготной жизнью...»

Другой мотив

А это совсем другой мотив. Какая история!

Девушка-чеченка спасла наших солдат, которых окружили боевики-дудаевцы. Провела их по подземному лазу из своего подвала.

«Вскоре селение освободили от боевиков. Часть их убили, других взяли в плен и отправили в Москву, некоторые смогли скрыться. Пётр осторожно пытался найти девушку, спасшую ему и его товарищам жизни, но попытка не увенчалась успехом. А когда бригада, выполнив свои задачи, уходила из села, он услышал знакомый голос. Девушка пела красивую чеченскую песню:

Хаза ю ламанца буйьса,
Батто стиглахь нека до,
Ойла ю тоелла тховса,
Безам кийрахь ийбалю.

И последние рассказы в книге Ольги Борисовой, объединённые названием «Городские мотивы», заставляют сглатывать ком в горле.

Лихие 90-е. Спасённая врачом Адой Семеновной чеченская девушка Амина. Её семья укрывала у себя в доме трёх российских солдат. За что дудаевцы расстреляли всю её семью, а сама Амина чудом осталась жива. Девушка стала для Ады Семеновны вроде дочери.

«Подарок осени»

Может показаться, что этот сюжет стоит особняком в череде рассказов, заканчивающихся хеппи-эндом.

«Лера потеряла в катастрофе родителей и росла в детском доме. Был у неё друг – Кирюха, тоже детдомовец.

– Давай с тобой дружить! – предложил он, подсев к Лере на скамейку во время прогулки на улице. – Я тебя защищать буду! Меня Кирюхой зовут.

После детдома стали они жить вместе, и вдруг... Кирилл пропал. По телефону незнакомый голос сообщил Лере, что Кирилл погиб. Неожиданно, через три месяца, раскладывая в магазине товар, Лера услышала позади его голос. Он был с женой.

«Жестоко!» – скажет Лера, сидя на заднем дворе магазина, куда она выбежала после встречи с вдруг «воскресшим» возлюбленным. – Видимо, боялся сказать мне правду...

Да... И так бывает. Лера поняла. Простила».

Хочу отметить замечательные иллюстрации к книге художника Павла Ураткина. Они помогают лучше проникнуть в сюжеты, раскрывая их суть. Не дублируя, а именно раскрывая, дополняя, аукаясь, перекликаясь из какой-то своей живописной вселенной с героями. И его картины тоже есть наш Русский национальный культурный код!

Так мне не хотелось выныривать из добрых рассказов Ольги Борисовой, разрисованных зрелым, самобытным талантом автора, словно большая русская шаль в трешницу, в мою объективную реальность, прагматичное мое житие. И вспомнились мне песня:

Деревня моя деревянная дальняя,
Смотрю на тебя я, прикрывшись рукой,
Ты в лёгком платочке июльского облака,
В веснушках черёмух стоишь над рекой.
/В. Гундарев/

Вот таковы наши люди, наша Россия!

Книгу эту хорошо бы прочесть деятелям Запада, советникам по России в Ленгли, всяким там МИ-6 и всем остальным любопытным, пожимающим плечами и разводящим руками в абсолютном своём непонимании России, её стержня, её ценностей, наконец, её действий в этом последнем конфликте с Украиной. Тогда бы они хоть чуть-чуть приоткрыли завесу над этим непонятным им явлением – РУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ КОД. Однако думаю, что они читать не будут.

«И в страхе бежал разбитый Главный Буржуин, громко проклиная эту страну с её удивительным народом, с её непобедимой армией и с её неразгаданной Военной Тайной» (А. Гайдар «Сказка про Военную Тайну, Мальчиша-Кибальчиша...»).

Наш Национальный код – наша Военная Тайна и чужеземцам её никогда не разгадать. И в этом наша сила! А сами-то мы его знаем! Подтверждение тому – изумительная книга Ольги Михайловны Борисовой.

Публицистика

Западники были неправы потому, что они отрицали своеобразие русского народа и русской истории.
Николай Александрович Бердяев (1874–1948)

Александр БАЛТИН

г. Москва

Член Союза писателей Москвы, автор 84 книг и свыше 2000 публикаций. Редактор отдела поэзии журнала «Северо-Муйские огни».

Звёзды мирового кино глазами поэта

Настасья Аглая Кински – как символ любви

Её переполняют любовь и нежность, лучащаяся нежность, переходящая в трагедию, взрывающую реальность; но всё равно – любовь, словно соткавшая Настасью Аглаю Кински, выплёскивается с экранов, вливаясь в сердца и души поколений, завораживая, покоряя, открывая нечто, чего не знали раньше...

Настасья Аглая: ни ту, ни другую она, названная так, поскольку скандально-знаменитый её отец слишком любил «Идиота», не сыграла, увы, – сыграла Наташу из «Униженных и оскорблённых», и сделала это так, будто ей ведом код женской «русскости»: ведом настолько, что любовь-сострадание начинают вибрировать в мозгу, впитывающим фильм...

Она идёт по снегу...

Она идёт так, будто космос в себе несёт, и крылья незримо развеваются за спиной; а трагедии, бушующие у Достоевского каждые пять минут, взрываются что гранаты (как вообще его герои умудряются выживать?), передаёт всем: неповторимыми голосовыми интонациями в не меньшей мере, чем удивительным лицом своим... с очаровательно нависающей верхней губой – над нижней, со струением тициановских волос, сложно определить их цвет, столько отливов, но главное – сиянием глаз...

Озёра тайны – глаза актрисы...

В них – космос любви, переливающийся оттеночно, вдруг углубляемый ненавистью, снова становящейся любовью, опять солнечно сияющей...

Кински – совсем девочка – почти соблазняющая – впрочем, всегда сам готов соблазняться – пожилого Мastroяни-архитектора; Кински, врывающаяся в элегантно-утончённый, чувственно-эстетский фильм А. Латтуады «Оставайся собой»; Кински... возможная дочь растерянного от такого поворота событий Мastroяни; Кински – уже вся, несмотря на двадцать лет словно пропитанная субстанцией любви, убеждающая его в обратном, да и вообще – неважно это: ведь отец тот, кто растил, присутствуя ежедневно, а у неё есть такой.

Любовь должна завершиться на самой высокой, сквозной, изводящей пронзительностью ноте: Кински исчезает из кинотеатра, где что-то смотрят с Мastroяни: как сделала её мать – гирлянду лет назад...

Пожилой М. Пикколи, играя врача, безнадёжно отравленного любовью к ней, Настасье Аглае, говорит: «Любовь – это когда лицо становится важнее тела».

Глядя в лицо Кински, понимаешь, насколько он прав.

Глядя в её лицо – понимаешь, что такое бесконечная нежность.

Лучащаяся.

Облучающая миллионы посторонних зрителей (все зрители посторонние, но и отчасти – свои).

Длится фильм «Болельщик любви», Кински между двумя врачами: старым и молодым, Кински, вдруг узнающая о смертельной болезни своей, и оба... становятся ЕЁ врачами.

Её нельзя вылечить.

Она больна любовью – слишком большая доза одной приводит к физической непоправимости; об этом хорошо бы написал Ангелус Силезиус, знавший потаённые корни мира – интересно, как бы Настасья Аглая прочла его мистические перлы?

Со сцены, с экрана, с пьедестала любви: неважно...

Финал фильма открыт: может быть, она выживет, героиня Кински, там, за пределом сюжета, хотя с её диагнозом не бывает подобного в жизни.

А в кино?

...иногда кажется, актёрское мастерство настолько растворено в ней, что и не играет ничего актриса: врывается в жизнь, переворачивая чужие, делая мужчин счастливыми, отбирая это счастье, будто хрустальный шар его принадлежит только ей.

Она играет – и: сердце лопаётся от любви и нежности.

И у неё также, наверно.

Она много играла в русской классике: Тургенев, Достоевский... чувствуя её, настолько далёкую от многого-европейского, настолько пронизанную токами всеобщности...

«Любовники Марии» исполнены А. Кончаловским по мотивам А. Платонова – и, хоть от Платонова там можно найти пару эпизодов от силы, хоть немыслимая его фраза в принципе не переводима на язык кино, после фильма... сознание само заливают слёзы.

Она светла.

Она лучится ангельством: такую чистотой, что даже опытный обаятельный развратник с гитарой, лишаящий её героиню девственности, ощущает сие.

Зачем в «Париже, Техасе» бежала?

От мужа...

От сына.

Но там такой крутой вираж сюжета, что и в вину ей не поставить бегство, как и работу в сомнительном заведении...

Ей, вероятно, её героиням, ничто вообще не поставить в вину, поскольку Настасья Кински – великолепный, живой и трепещущий символ любви...

Шаровая бездна Шарлотты Рэмплинг

Резко-заострённая внешность её! как бы интересно исполнил портрет Ш. Рэмплинг Э. Шиле? Необычная, красивая, интригующая...

Лицо – как бушевание экспрессионизма: жалко не видел Э. Мунк, Рэмплинг остро вписалась бы в его картину «Смерть Марата»...

Вот – Новый Орлеан распускается экзотическим цветком жары, праздника, мистики, страха: длится «Сердце Ангела»: фильм, предупреждающий предельно красивой образностью об опасности заигрывания с силами, противостоящими свету...

Первое появление мадам Крузмарк – в старом трамвайчике – когда Ангел ещё не знает, что это она, уже не стандартно: видим её сзади, как поднимает роскошные волосы изящной рукой.

Обстановка её роскошной квартиры выверена до детали, и вся их согласованность действует на сознание, как нечто потустороннее: будто предметы даны в новых взаимодействиях...

Роль тяжела.

Сыграна виртуозно: как и всё, что сделала Рэмплинг в кино...

Как – возможно пик её блеска – «Ночной портье»: любовь, перемешанная с такими субстанциями, что становится жутковато.

Но – именно любовь: Рэмплинг играет её в большинстве случаев: ломаную, отчасти – заострённую, как и её внешность.

Завораживающую.

Готовую на всё.

Смерть окажется предпочтительней, чем расстаться.

Острота и чистота словно переполняют актрису: сколь бы не захватывала страсть её героинь.

Как в фильме «Плоть орхидеи», где от развлекательного Чейза – в основу фильма положен его роман – не остаётся ничего, но и – от мира привычного: всё будет перевёрнуто с ног на голову, всё вращается, и нож в руках героини Рэмплинг, как необходимый шип защиты от враждебности всего, предложенного вокруг.

...она начинала моделью: но это было слишком легко для её дара и темперамента; Лондонская актёрская школа открылась...

Поначалу шли роли в комедиях: Англия не видела в ней большего.

Увидела Италия: Л. Висконти снимает её в эпохальной «Гибели богов» – жуткой и великолепной саге о чёрной тьме фашизма, расползающейся по миру.

Здесь всё сложно.

Здесь узлы взаимоотношений завязываются столь туго, что разорвать их может только смерть.

С тех пор все роли Рэмплинг – сложны, насыщены, психологической изощрённостью дающие такой не простой орнамент личности, что, кажется, играя, она расширяет представление человека о человеке.

Яркость её лучевидно облучает сознание.

Обаяние и своеобразная красота соединяются в феномен тайны: которая должна остаться, не подлежит расшифровке, как и великолепие, с которым исполнены лучшие роли.

Градус горения Гражины Шополовски

Горем изойдёт, изольётся героиня Гражины Шополовски в фильме «Без конца», фильме, исполненном великим К. Кесьлёвским столь естественно, что границы яви и экрана становятся полупроницаемыми, или – кино вдруг выплёскивается в жизнь, почерпнув материал из оной, и алхимически сотворив новую, свою – но и всеобщую! – реальность.

Монолог мужа в начале: он умер: он здесь, в своей квартире, рядом со спящей, лучший способ уйти от горя, женой, и он – повествует в кадр, в души всем зрителям, как видел собственные похороны, видел, как мальчишка-сын впервые заплакал, когда закрывали гроб, а потом вернулся в квартиру.

Было бы хоть так...

Очаровательная, смятая горем, как бумага чей-то властной рукой, Гражина сидит на скамейке – он сидит рядом, умерший муж, но не могут, не могут обратиться друг к другу...

Естественность её, актрисы, растворения в образе (так сахар растворится в воде): играть не надо: надо прожить – в том числе горе.

Горе проживает её.

Равно прожигает.

Она перебирает бумаги мужа, чувствуя, как жизнь, несмотря на маленького сына и прекрасную, выполняемую по высшей шкале, работу, обесценилась.

Опустошилась – вывернули мешок: изнанка неприглядна.

Гражина играет, не играя, вызывая такое сострадание, что зрительская душа (нечего щадить!) рвётся, вибрируя струнами соответствующих воспоминаний – каждый терял близких.

Тонкая Гражина, чьё красивое, иногда строгое, иногда лукавое лицо словно перекипает вымпелами нежных эмоций...

Гражина, вмещённая в мистику «Медиума» – странного, сложного, таинственно-пугающего фильма-мифа: она словно раздваивается там: Гражина – современная учительница, подпавшая под власть сверхсильного медиума, которому нужно повернуть время вспять и себя возвратить в четырёхлетний возраст; и – Гражина – в пышном платье далёких лет: уже роскошная, вся соблазнительная, от лица до тела, до гривы льющихся, сияющих волос...

Старинная живопись.

Кто бы прекрасно сделал её портрет?

Эль Греко?

Но авторство его немногочисленных, вполне мистических женских портретов под вопросом.

Гражина – жертва из «Медиума»: сияющее медово тело, рассечённое адским топором жутковатой фантазии фильма.

Ей идёт играть роскошь: как в «Ханнусене», где Валери де ла Мер словно окутана сложным облаком избранности.

Не говоря о таинственности.

Венгерский фильм «Глядя друг на друга» цветком человеческой сложности раскрыл блистательные возможности Шаполовски предельно: события, последовавшие за венгерским восстанием 1956 года, оставляли мало простора для оптимизма.

Драма логична, как похмелье после выпивки.

...опасная связь: только одна, в отличие от пароксизмов порока, столь мощно живописанных Шодерло де Лакло; опасная тяга женщины к женщине, осуждаемая социумом, как правило, осложнит жизнь обеим: если оставит вообще возможности для дальнейшей жизни.

Разумеется, Гражина Шаполовски играет любовь: или – её отсутствие, как в фильме «Без конца».

Она играет Магду – Магдалину, в сущности: в двойном аккорде Кесьлёвского: сначала в «Коротком фильме о любви» затем в 6 части «Декалога», более краткой вариации фильма; она играет Магду, вдохновенно не верящую в любовь, интересующуюся только физической стороной восхитительно-захватывающего действия; она играет Магду, влюблённость в которую девятнадцатилетнего, не оперившегося юноши, переворачивает её психику...

Он режет себе вены.

Она понимает нечто, настолько остро, что в момент становится другой Магдалиной, будто соприкоснувшейся с тайной подлинной любви: когда молодой человек и дотронуться-то до неё боится, как до хрупкой драгоценности.

До неё: такой плотской и сочной, лёгкой и эротичной, манкой и умелой...

Продолжения не будет – но молодой человек выживет: хочется фантазировать финал – так, чтобы поражал светлой прелестью жизни.

Гражина сама – сгусток света, даже если играет всепобеждающее горе.

Не «все», впрочем.

Для любви всегда остаётся пространство.

Великолепной любви – в исполнении Гражины Шаполовски.

Привал на поэтической тропе.....

Словесные ленты Любви Новиковой

Любовь Новикова родилась 23 октября 1959 г. в с. Надежда Ставропольского края. В 1979 г. по окончании Ставропольского строительного техникума приехала в Ярославль. Работала мастером на заводе стройконструкций, библиотекарем в педагогическом университете им. Ушинского, корреспондентом газет «Городские новости», «Золотое кольцо». В 1988 г. окончила Литературный институт им. Горького (факультет поэзии, семинар литературоведа, критика Валерия Деметьева). Стихи печатались в журналах «Наш современник», «Волга», «Звезда». «Юность», «Дон», в коллективных сборниках изд-ва «Современник», в антологиях современной поэзии. Лауреат премии им. Некрасова «Гражданская лирика» (2015). Награждена медалью Года Литературы в РФ «За особый вклад в развитие книжного дела» (2015). Имя Любви Новиковой включено в Малую литературную энциклопедию «Русская литература сегодня» (2010, сост. С. Чупринин). Автор 8 книг стихов. Член Союза российских писателей. Живёт в Ярославле.

Белизна и чернота... закручиваются вихрями над Россией, играя жизнью и смертью совершенно всерьёз, и лики разорванных чёрных деревень, противопоставляемые белизне древесной, действуют на читательское сознание вариантами потусторонних созвучий:

О, эти белые деревья,
Печалющие сумрак ночи.
О, эти черные деревни
Страны, что разорвали в клочья.

Хотя лирика Любви Новиковой земная, тёплая, нервная, вибрирующая натяжением-напряжением строк...

Мудрость прорастает кроткими растениями – сквозь опыт, пропущенный через фильтры дара и превращённый в стихи:

Меся ногами злую слякоть
И глядя в старческие лица,
Уже мне хочется не плакать,
Уже мне хочется – молиться.

Чистота душевной снежности мерцает за строчками Новиковой.

...шаровое-звонкое-расейское разрывается шарами отчаяния: и приходится принимать – поэту, не слишком вписывающемуся в реальность, поэту – который всегда, по сути, небесный осколок: отсюда и одинокость его, возведённая в квадрат, если не в куб; и – часто – жизненная неприкаянность поэта требует небесного умиротворения...

Мне б ни ваших и ни наших.
Мне со всеми страшно тут.
Наши – плачут, ваши пляшут.
Все едино – водку пьют.
А как досыта напьются,
Что тут надвое гадать –
Непрременно подерутся,
А подравшись, разойдутся,
Черной кровью отплюются.
Да помирятся опять.

Что-то от ярко-яростной живописи Машкова просквозит; нечто древнее замелькает, становясь современностью – слишком требующей человеческой пустоты – для своего удовлетворения.

И кровь черна... и снег бывает чёрен, и вьюга, играя серебряной, живой сканью, замечает следы:

Мои слова мне душу не облегчили.
Моя любовь уже почти прошла.
Мои следы, оставленные вечером,
Полуночная вьюга замела.

...жажда веры берedit недра мозга... Или души?

Как они соотносятся?

Какими дугами соединены?

...попытка объяснять человека исключительно через физиологию, биологию, химию не укладывается в созвездия поэтических созвучий...

Не пойти ли мне за верою?
Мне без веры здесь – никак.
Были в небе птицы серые.
А теперь и вовсе – мрак.

Песня Новиковой легка – внешне: и – насыщена сложным прохождением жизненного лабиринта поэтом, свершающим путь – часто не броский внешний, налитанный светом подлинности внутренне. Серая птица, мелькнувшая мигом, противоречит густоте мрака, а вера... Вдруг ослепит? Всегда чревата – ничего не проверить, и даже убедиться в правильном векторе пути не получится. Вибрирует мощь: эмоциональная мощь находит точное воплощение в ракурсах слов:

Кричи, кричи. Пока не скомкан рот.
Пока не передавлено дыханье.
Пока души великое страданье,
Как горлом кровь, в слова твои течет.

Пёстрые строки – разрозненные перья жар-птицы, не дающие успокоения; крик силён, но, свидетельствуя о жизни, не подтверждает правильность одной.

...горловое напряжение – как следствие лент боли, перевивающих сердце: лент огня, но и кротости, соли спокойствия и... состояний, когда собственную боль не объяснить.

...рифмы Новиковой просты – изощрённости не требуется, поскольку за такими рифмами сила: чувств, мысли, ощущений:

Вот и осень прошла. И, наверно, уже не успеть.
Моих слов не слышать. Кончен бал мой и козыри биты.
Но пока еще есть во мне силы не тлеть, а гореть.
Но пока я жива, я беру этот мир под защиту.
Может, скажет мне кто, что мое ненадежно крыло.
И что я в одиночку всемирного зла не осилю.
Значит, вам все равно. Значит, вам ни тепло, ни светло.
Значит, вы никогда никого не любили.

Альфа человеческих чувств – любовь: столь сильно пропитывает поэзию Л. Новиковой, что излучения от её стихов вполне способны сложиться в щит световой защиты, и, хоть поэзия не играет существенной роли в жизни современного социума, Новикова опровергает эту ситуацию – возможностями будущего, которое никому не известно.

Александр БАЛТИН

/Член Союза писателей Москвы, редактор отдела поэзии журнала «Северо-Муйские огни»/

Любовь НОВИКОВА

Наплакалась – и снова петь.
Огню – гореть. Траве – шуметь.
А птице, ей – летай да пой.
У птицы нет судьбы другой.

Её гнездо – на всех ветрах.
На всех снегах. На всех дождях.
В нём вряд ли кто найдёт приют –
С чужими птицы не живут.

Крыло с крылом, как с тьмою свет.
Другой судьбы у птицы нет.
А вскинешься о том жалеть,
То не летать тебе, не петь.

Всё – радость, боль, беду, тоску, –
Всё – в Слово. А потом – в строку.
Потом – в размер. Потом – в Судьбу.
Всё – перекладной к столбу.

И столб – уже не столб, а крест.
От сердца к сердцу благовест.
А если Слово – не в Судьбу,
Пойдёшь к позорному столбу.

Другой судьбы у птицы нет.
Всё, что не в Слово, – под запрет,

Коль два крыла тебе в Судьбу
На перекладину к столбу.

Да свою ли я судьбу прожила.
Своего ли я коснулась креста.
Если б душу мне отмыть добела.
Добела её отмыть, дочиста.

Ничего-то у меня не сбылось.
Ни кола-то у меня, ни двора.
Кроме всклень осеребрённых волос,
Никакого у меня серебра.

Призадумашься – быть ли, не быть,
Как начнёшь свои копейки считать.
Хочет время проучить, приручить.
Хочет время мне хребет заломать.

Только зря оно заводит игру.
Ни к чему его бездарная месть.
Я и руки-то сложу – не умру.
Я и в землю-то уйду – буду здесь.

Никому я не доверю свой свет.
Он на тысячу веков только мой...
А за свой за несломимый хребет
Посеребряной плачу головой.

Проза

Расскажите любую жизнь, и вы расскажете мир.

Юлий Айхенвальд

Наталья ЯЧЕИСТОВА

г. Москва

Член Союза писателей России. Окончила МГИМО и Курсы литературного мастерства при Литературном институте им. Горького. Автор книг художественной прозы и поэзии – «Туманган», «Голландские изразцы», «Пути земные и небесные» «Тонкая грань», «Вечное лето» и др. Лауреат ряда международных литературных конкурсов. Награждена специальным призом издательства Сретенского монастыря по итогам конкурса духовной литературы (2022). Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни».

Рассказы

Детская молитва

Моё детство в значительной мере проходило у деда и бабушки на Шаболовке, к взаимной нашей радости. Родители были заняты на работе, так что я возвращалась к ним только на выходные. К нашей новой квартире, которую дали отцу в большом светло-кирпичном доме на Таганке, я привыкала с трудом – гораздо больше мне были по душе и сама тихая зелёная Шаболовка, и уютная комната дедушки и бабушки в коммунальной квартире – в том историческом квартале Москвы, который спроектировал в двадцатые годы XX века известный архитектор Николай Ладовский; рука мастера чувствовалась во всём: дома были построены и расположены таким образом, что это было и красиво, и удобно.

Горячо любимый мой дедушка Иван Иванович, прошедший всю войну до Берлина, после работал в планетарии, куда я с ним довольно часто с огромной радостью ходила. Наше общение с ним было всегда необычайно интересным и весёлым. Благодаря деду я поняла, что любовью нельзя испортить человека: любовь порождает только любовь. Дед часто был занят на работе, поэтому много времени я проводила с бабушкой. С ней мы любили совершать прогулки по округе – по длинному Хавско-Шаболовскому переулку, по Мытной, по Шаболовке к Шуховской башне. Довольно часто бабушка водила меня в находящийся неподалёку Донской монастырь, превращённый в советское время в музей архитектуры, но сохранивший своё величие и красоту. Мне нравилось идти широкой липовой аллеей вдоль высокой краснокирпичной стены с красивыми резными башнями, бродить по акрополю, рассматривать старинные надгробия с мраморными купидонами и печальными девами, склонившимися к саркофагам. Бабушка подводила меня к огромным горельефам в нишах монастырской стены и объясняла значение изображений. Уже, будучи взрослой, я узнавала в них ветхозаветные сюжеты – «Мельхиседек встречает Авраама», «Мириам, воспевающая победу своего народа», «Встреча Давида, победившего Голиафа»...

Бабушка никогда не говорила со мной подолгу о Боге, но сама была, безусловно, человеком верующим и умела простыми словами объяснить, что всё в мире сотворено Господом и Им движется, что, когда встаёшь утром и ложишься вечером спать, надо поблагодарить Бога: «Слава Тебе, Господи!». Остальные члены нашей семьи были, увы, далеки от религии, как большинство советских граждан. Остаётся теперь только уповать, что Господь упокоил их души в Своих обителях по Своей милости к их добрым сердцам и делам. Однажды бабушка показала мне небольшую круглую коробочку, в которой хранился мой крестильный крестик и прядка волос – так я узнала, что я крещена и что это значит для человека. От бабушки узнала я и про Ангела-хранителя, который даётся каждому человеку по крещению для сохранения его души и тела. Бабушка, видимо, и крестила меня тайно в церкви; родители вряд ли бы на такое решились: за это могло последовать серьёзное взыскание по работе, особенно у отца, работавшего в военном ведомстве. На стене в комнате на Шаболовке висела большая икона святителя Николая в позолоченной раме, перед ней всегда горела лампадка. Не исключено, что эту икону во время начавшихся гонений на церковь могла забрать из какого-то храма мама бабушки Екатерина, бывшая глубоко верующим человеком. Моя бабушка рассказывала мне иногда из жития святителя Николая, я слушала со вниманием и интересом; со временем Святой угодник стал восприниматься мной как наш близкий родственник. Через бабушку вошло в мою жизнь понимание того, что, помимо материального мира, есть ещё и мир духовный, что над всем находится Всесильный и Всевидящий Бог. Сама бабушка была человеком скромным, честным и простым, я не помню, чтобы она когда-то сердилась или кого-то осуждала – всегда она пребывала в ровном, спокойном расположении духа, проявляла милосердие и любовь, являя собой пример истинной христианки.

В школьные годы я всё больше времени стала проводить в родительском доме, и меня всё больше охватывал дух пионерского задора, дворовых игр со сверстниками, просмотры кинофильмов – советских, зачастую прекрасных, но совершенно бездуховных. Отец был членом партии, ему приходилось по вечерам то и дело конспектировать труды классиков марксизма-ленинизма, над его письменным столом висел в овальной рамке небольшой портрет Ленина палехского письма. Никаких

икон у нас в доме не было. Мама внимательно следила за моим «правильным» воспитанием: выписывала мне «Пионерскую правду» и журнал «Пионер», которые я с большим интересом читала, разучивала со мной патриотические стихи и песни.

Когда не стало бабушки, родители съехались с бабушкой, поменяв две квартиры на одну, большую по размеру. Отдалённый новый район и квартира мне совершенно не нравились, но зато мы теперь жили вместе с бабушкой – и это было для меня большой отрадой. Бабушке тогда шёл шестьдесят восьмой год. После смерти деда она сильно сдала, и чувствовалось, что на новом месте ей очень сложно приживаться. Что могло сравниться с родной Шаболовкой? Что могло её заменить?! Со старой квартиры она взяла с собой только икону святителя Николая и большой розан в горшке, который так любил дед.

У моих родителей работа была весьма ответственная, в отпуск можно было пойти только тогда, когда отпустят. И за многие годы никак у них не получалось поехать куда-то вместе, о чём оба сильно мечтали. Но вот как-то раз такой случай представился – родителям дали отпуск в июне, и они смогли приобрести путёвки в санаторий на Чёрном море! Всеобщей радости не было конца! Начались приятные хлопоты, сборы и увлекательные разговоры про чудесное море. Мне шёл тогда четырнадцатый год, я росла послушным ребёнком, поэтому родители спокойно оставили меня почти на месяц вдвоём с бабушкой. К тому времени я уже успела побывать пару раз на море в пионерском лагере – поэтому вполне понимала приподнятое настроение родителей и их энтузиазм. Все мы пребывали тогда в некоторой эйфории, и никто не позаботился о том, чтобы оставить нам адрес и телефон санатория.

И вот родители уехали. В квартире сразу стало как-то тихо и пусто. Бабушка обычно читала в своей комнате – на улице она выходила редко, ни с кем из соседок за несколько лет жизни на новом месте так и не подружилась. Я то гуляла, то была занята многочисленными занятиями: рисовала, лепила, читала, смотрела телек. К счастью, тогда ещё не было никаких гаджетов, поэтому действительность казалась более живой и выпуклой. И вот однажды, когда я сидела в своей комнате, вдруг услышала будто бабушка тихо позвала меня. Я зашла в её комнату и увидела, что она лежит неподвижно на постели, очень бледная. Одна её рука, показавшаяся мне очень худой, безжизненно лежала поверх одеяла. Бабушка посмотрела на меня и, едва разомкнув губы, слабо промолвила: «Наташа, кажется, я умираю». Невероятный ужас охватил меня. Мне казалось, что бабушка будет жить вечно, и невозможно было представить, что в нашу спокойную, мирную жизнь вдруг ворвётся нежданная смерть! И что делать, если бабушка умрёт? Как связаться с родителями?

В полном отчаянии я бросилась в свою комнату и, упав на колени, стала неожиданно для себя не просто молиться, а вопить ко Господу: «Господи, Боже! Не дай умереть моей бабушке! Господи, помилуй! Господи, помоги!» Слезы градом лились из моих глаз, горло сдавливало рыдание. Немного успокоившись, я кинулась на улицу к ближайшей телефонной будке, чтобы вызвать «Скорую». К счастью, врач приехал довольно быстро и, диагностировав у бабушки прединфарктное состояние, забрал её в больницу. Я поехала с ней в машине неотложки, забыв выключить суп на плите. Но и тут помиловал Господь: к моменту моего возвращения суп не успел выкипеть – пожара не случилось. И что-то изменилось во мне с тех пор.

В акафисте «Слава Богу за всё», составленном митрополитом Трифоном (Туркестановым), есть такие слова: *«Когда я в детстве первый раз сознательно призвал Тебя, Ты исполнил мою молитву, и душу осенил благоговейным покоем. Тогда я понял, что Ты благ и блаженны прибегающие к Тебе. Я стал призывать Тебя снова и снова...»* Каждый раз, когда я читаю этот акафист, то, доходя до этого места, вспоминаю тот случай с моей бабушкой. Я глубоко убеждена, что именно Господь, услышав мой детский, обращённый к Нему из глубины сердца вопль, не дал тогда бабушке умереть.

Бабушка прожила после этого ещё почти три года и мирно почилла дома, среди своих родных на праздник Благовещения.

Тихий уголок

Когда наш дачный посёлок только начинал строиться и обретать первые жилые черты среди недавно выкорчеванного леса, я любила в свободную минутку прогуляться через лесок до соседнего дачного кооператива под названием «Минерал». Был он уже в то время добротным, устоявшимся, со сложившимися традициями и особенностями. Деревянные дома – преимущественно одноэтажные, с мансардами и резными балкончиками под шиферными крышами – смотрелись скромно, но весьма симпатично. Над калитками свисали красные кисти рябин, сквозь деревянный штакетник просматривались аккуратно постриженные газоны, развесистые яблони, кусты жасмина, клумбы с яркими цветами. От всего веяло уютом и покоем.

Мы же, приезжая на нашу «новостройку», не знали, за что хвататься: надо было корчевать и вывозить оставшиеся на участках пни, заказывать стройматериалы, договариваться о строительстве – сначала небольшого сарайчика, а потом и дома. Всё было в то время сложно и неотлажено. Поначалу меня охватывало отчаяние от прорвы необходимых дел. Но когда я обратилась к своему духовному отцу с вопросом, не бросить ли мне эту дачную затею, он запретил и думать об этом. «С молитвою, – сказал он, – легко преодолеваются любые трудности. А дача –

это прекрасно!» Я последовала его совету – и, действительно, работа пошла легче. Да и вся природа вокруг, дивный хвойный лес, окружавший место нашего поселения, заставляли забывать о трудностях, наполняя сердце радостью, лёгкие – чистейшим воздухом, а глаза – первозданной синевой и зеленью. И всё же так хотелось поскорее оказаться среди домашнего уюта, устроиться с книгой и чаем в шезлонгах в тени деревьев! За этими ощущениями мы и ходили в ту пору в соседний дачный кооператив.

Посёлок «Минерал» располагался в довольно глухом месте, вдали от железнодорожных и автомобильных трасс, упираясь тремя боками в смешанный лес, а четвёртым – в небольшое озеро с илистыми берегами. В одном месте на нём были сделаны мостки, чтобы было удобно спускаться в воду. На берегу рядом с молодыми разлапистыми ёлочками и тонкими берёзками стояли самодельные деревянные лавочки. Порой я присаживалась там, чтобы окинуть взглядом озеро с отражающимися в его глади облаками и жёлтым домиком, стоящим у самой кромки воды. На природе как-то особенно остро чувствуешь близость Бога. Бесконечное разнообразие и красота нерукотворного мира проникают в самую душу, являют собой живой гимн Премудрости Божьей. И здесь, в этой тишине и покое, среди вековых лесов, мне хотелось без конца петь и славить Господа.

Посёлок «Минерал» был достаточно большой – около ста домов на пяти широких просеках. Когда я приходила туда, то всегда видела тамошних дачников, занятых своими делами. Работали на своих участках взрослые, бегали по улицам дети, прохаживались кошки и собаки; всё производило впечатление какой-то умиротворяющей слаженности и целостности, как в большом улье. «Неужели когда-нибудь будет так и у нас? – думала я. – Невозможно представить!»

Как-то раз, прогуливаясь по «Минералу», я остановилась у крайнего домика, примыкавшего к озеру. Был он так опрятен и невычурно красив, что я, стоя у забора, невольно залюбовалась им. Клумбы с яркими, прямо стоящими георгинами, растущие пышными охапками флоксы, аккуратно подстриженный газон с вкраплением розовых кустов и солнечных бархатцев – всё было гармонично и веселило душу. «Как же тут хорошо!» – подумала я, разглядывая красочное хозяйство. В это время из-за угла дома, обшитого рыжей вагонкой, неспешно появился кокер-спаниель с умной вытянутой мордой и вислыми ушами. Заметив меня, он беззлобно, предупредительно тявкнул пару раз. Дверь в доме отворилась, и на пороге появилась хозяйка – женщина лет шестидесяти в светлом льняном платье.

– Вот, любуюсь вашим участком, – ответила я на её вопросительный взгляд. – Такая красота!

– Да, хорошо здесь, – согласилась она, спускаясь с крыльца. – Мы с мужем с ранней весны сюда из города приезжаем, в наш тихий уголок, – она мягко улыбнулась и показала мне в тот миг органичной частью своего солнечного сада и окружающей природы.

– Но и труда, видимо, приходится вкладывать много! – предположила я.

– Это конечно! – ответила она. – Но такой труд – в радость, потому что имеешь дело с землёй и с Божьими созданиями, – она с любовью оглядела свой цветник. – А как тут спится! Утром просыпаешься под весёлое пение птиц. Блаженство! Это наше спасение.

И долго ещё потом вспоминала я этот «тихий уголок» с его приветливой хозяйкой, аккуратным домиком и садом.

На следующий год в нашем дачном посёлке распространилась тревожная весть: неподалёку от наших кооперативов предполагалось строительство автомобильной трассы, связывающей два соседних города. «Минералу» приходилось гораздо хуже, чем нам: ожидалось, что дорога пройдёт совсем рядом с их дачами. Такое строительство было необъяснимо! – ведь за подлеском тянулось широкое поле – до самого дальнего леса, и почему бы не проложить дорогу там, на отдалении? Мне так и виделась тупая физиономия бездушного чинуши, который сидит в своём кабинете, уныло уставившись на карту местности, потом берёт в руки карандаш и проводит прямую линию – по кромке дачного посёлка.

Наша общественность начала писать письма в разные инстанции, но изменить ситуацию, по правде говоря, никто не надеялся: всем известна непреодолимая сила бюрократии. Когда я однажды выбралась навестить свою знакомую, то увидела, что подлесок, находившийся за её дачей, уже вырублен, брёвна распилены и увезены, а на их месте с грохотом ездят трактора, расчищающие дорогу.

Я прошла в калитку и, встретив хозяйку, разговорилась с ней. Участок её был по-прежнему красив и аккуратен, но сама она выглядела грустной. И понять причину было нетрудно.

– Какая досада – эта автомобильная трасса под боком! – посочувствовала я.

– Да уж! – вздохнула она. – Мы, когда об этом решении узнали, прямо плакали. А теперь уж смирились.

Терпелив и бессловесен наш народ – и потому, что исправить ничего не может, и потому, что готов довольствоваться малым, и потому, что полагается на Господа. За это, наверное, Господь нас ещё и терпит.

А строительство на наших дачах набирало силу и занимало всё свободное время. Мне стало уже не до прогулок к соседям: собственные хозяйственные и садовые хлопоты не отпускали. Потом последовала длительная командировка, так что дачные дела пришлось на время оставить.

Прошло несколько лет, и наш дачный посёлок постепенно приобрёл жилой, ухоженный вид. Выросли новые домики, зазеленели лужайки, заперестрели газоны. И вот уже к нам стали приходиться из

«Минерала» посмотреть на наши хозяйства. Дачные заботы хоть и оставались многочисленными, но сделались гораздо более приятными. Появилось время для прогулок в лесу и отдыха с книгой в гамаке.

Как-то раз, в конце августа, я решила прогуляться по старой памяти в «Минерал» – и была удивлена первым впечатлением: кооператив показался мне сильно постаревшим, он как бы уменьшился и обветшал. Я дошла до озера, там было совершенно безлюдно; водная гладь покрылась тинистой ряской, мостки покосились и частично ушли в скользкую глину. Берег был усеян неровными берёзовыми пенками, оставшимися после «разделочной» работы бобров.

Я вспомнила про «тихий уголок» и пошла по направлению к нему. Дойдя до знакомого домика, в нерешительности остановилась. За густыми зарослями орешника, тянущимися вдоль забора, в каких-нибудь двухстах метрах то и дело проносились с гулом машины! Это было так неожиданно, так несовместимо с окружающей природой, что я не могла поверить своим глазам и стояла какое-то время в полном недоумении. Медленно подошла я к дому – он казался нежилым. По инерции ещё цвели на участке розы, алели флоксы, горели яркими огоньками бархатцы, но давно не кошенная трава, лежащее на боку у крыльца пустое ведро, поросли крапивы вдоль забора придавали участку почти трагический вид. Как давно хозяева не приезжали сюда? Что заставило их бросить свой «тихий уголок», к которому они были так привязаны? Может, что-то случилось с ними? Или причиной отъезда стал этот невыносимый постоянный шум?

Печально стояла я у калитки, на которой висел проржавевший замок. И всё казалось: сейчас выскочит из-за угла симпатичный умный пёс и пролает беззлобно пару раз, откроется дверь – и на пороге появится хозяйка, спокойная и приветливая. Но всё было тихо – и тут, и вокруг. Не видно было людей, не слышно голосов – будто этот посёлок вместе с его обитателями постепенно погружался в вечность. И только небо было всё тем же – высоким, светлым, безмятежным. Я стояла и смотрела в него, и мне вдруг подумалось – или почувствовалось, – что обитатели этого дома уже переселились в небесные обители, где Господь уготовил им новый «тихий уголок» – ещё более красивый и радостный.

Татьяна БЕЛЯВСКАЯ

г. Ангарск, Иркутская обл.

Белявская (Стрельникова) Татьяна Андреевна. Родилась в городе Орск Оренбургской области. Окончила Иркутский педагогический институт иностранных языков. Публиковалась в литературных журналах «Сибирь», «Иркутский альманах», «Северо-Муйские огни», «Метаморфозы» (Беларусь), альманахах «Российский колокол», «Образ», в коллективных поэтических сборниках и антологиях. Автор 5 книг стихов и прозы. С 2010 года руководит студией юных литераторов «Метафора». Член Союза писателей России.

Баба Лида

Рассказ

Всегда далёкая однотонно-неясная Луна сегодня осветлела ликом. На нём даже можно различить разновеликие глаза, растянутый любопытной гримасой рот и туманное родимое пятно на правой щеке. Хозяйка ночи приблизилась к Земле на непозволительно близкое для небесного тела расстояние – вот-вот сорвётся, хорошо, если зацепится за один из столбов, что несут на себе провода, по которым якобы текут свет и тепло в ещё совсем недавно богатый, а ныне вымирающий посёлок глухого сибирского края. Что хочет разглядеть она среди тёмных улиц в домах, чьи окошки закрыты ставнями или шторами, или густой живой изгородью, а то и высоким забором? Кому освещает дорогу?

Полночь. Бабе Лиде сон бы уже, сбиться со счёта какой, смотреть, а она, маленькая, сухонькая, благородно-седая, неприкаянно бродит по большому пятистенку. Дом старше Лидии Прокопьевны всего на два года, но он ещё очень крепкий, не то что хозяйка. Девяностолетние лиственничные полы не скрипят, русская печь топит, печёт, а зимой греет так, что и к утру дом не выстывает.

Пятистенок рубили отцу бабы Лиды всей таёжной деревенькой, когда он, красноармеец Прокоп, женился... Здесь четвёртой из шестерых детей родилась крикунья Лидушка. Здесь выросла в красавицу-певунью, замуж вышла после войны за Лёню. Он лечился у них в поселковой больнице, превращённой в госпиталь, – да, поселковой, потому что за несколько советских лет деревня обернулась богатым районным посёлком.

Ранение серьёзное, лечился лётчик долго. Лида служила медсестрой и крепче всех прикипела душой к замкнутому, одинокому, опустошённому войной раненому, старше Лиды на десять лет. Да и как не прикипеть?! У Лиды на фронте погибли старшие братья, младшие сестрёнки во время войны подцепили какую-то заразу и, как тонкие льдинки, истаяли всего за неделю. А у Лёни на глазах разбомбили дом – погибли мать с отцом, жена с дочкой. И случилось это в последние дни блокады

Ленинграда. Лёня оборонял родной город; единственный раз выпал момент проведать родных, а тут такое... Где бы Лёня потом ни воевал, летящая «с неба» груда камней, оседающая, как песок, махина каменного дома, пыль стеной, стоны не оставляли его.

...Баба Лида подходит к старомодному, но словно вчера поселковым краснодеревщиком слаженному из цельного дерева письменному столу. Скольких же школьников, сколько тетрадок, учебников помнит он! А теперь на нём стоят фотографии в красивых берестяных рамках... Вот старший сын. Обнимает жену и двух мальчуганов-малышей – сейчас они, однако, отца переросли. Сын улыбается открыто, радостно, словно говорит:

– Здравствуй, мама! Как ты там?

– А вот приезжай, увидишь! – шепчет баба Лида и, поздоровавшись со снимками ещё двух сыновей-погодков, берёт в руки фотокарточку дочери, самой младшей из детей:

– Какая же ты красивая да ладная у нас получилась! Очень уж Лёня хотел, чтобы дочка родилась. А ты вот даже, где могилка его, не знаешь. Как ты могла замуж за немца выйти? – баба Лида проводит сухой ладошкой по глянцевої щеке дочери, потом по своей, влажной, ставит карточку на место, отворачивается, идёт на кухню.

«Молочка бы сейчас с мёдом попить, глядишь, и усну, да кто бы за ним на пасеку сходил. Лёня только такой мёд почитал, и я другого не хочу. Эх, Лёня, Лёня, плохо мне без тебя. Совсем обезножила. Вот, видишь, по дому хожу с трудом, по огороду с костыльком лазаю. Спасибо, соседка в магазин с моими поручениями ходит, самое необходимое приносит. Забрал бы ты меня к себе поскорее», – разговаривая с мужем, баба Лида наливает на донышко старой, отчищенной «до серебра» алюминиевой кружки из пластмассовой бутылки воды «Байкальская глубинная», выпивает её мелкими глотками, словно через силу, или время тянет. Замирает на мгновение, и, приговаривая что-то, пришлёпывая, потихоньку, придерживаясь стен, проходит из кухни в спальню через прихожую, и слышит: будто кто-то скребётся снаружи.

«Помнілось, что ли? А может, Васька с гулянок вернулся? Да нет, он через подпол возвращается... Кто-о там?» – ожидая всё же чего-то необычного, а вдруг из детей или внуков кто приехал, баба Лида подходит к двери.

– Бабушка, это Вера с дочкой, – слышит она слабый женский голос.

«Какая Вера? С какой дочкой? Моя что ли Вера с дочкой, внученькой моей сероглазой? Откуда они так поздно?» – мысленно засыпав себя вопросами, баба Лида торопливо и, на удивление, проворно отворяет дверь в сени; шаг, другой, третий, и вот она распахивает входную дверь. На крыльце ярко освещённая луной стоит невысокая женщина неопределённого возраста. Из-за спины выглядывает девочка лет семи-восьми. «Нет, моя внучка старше... и Вера эта не моя, – с сожалением незаметно вздыхает Лидия Прокопьевна. – Слишком странно по нынешним временам одеты. С чужого плеча. Как беженцы во время войны. Неужто снова началось? Свят, свят, свят!.. Или погорельцы», – зорко, без очков, подмечая всё, волнуется про себя баба Лида и сердобольно спрашивает:

– Кто вы? Откуда такие?

– Бабушка, – просит женщина, – дайте хоть краюшку какую поесть и воды попить. Мы со станции пешком два дня шли. Почти ничего не ели. У вас изба крайняя, свет в окошке. Вас увидели. Мы – беженцы. С Украины. Там бомбят. Одни мы из семьи живы остались. Еле выбрались, – женщина говорит обрывками, видно, за дальнюю дорогу устала объяснять людям, почему молодая, сильная, она побирается.

– Да что ж мы на крыльце-то стоим? – глухо шепчет баба Лида. – Проходите в дом.

По-за околицей идут в новых опрятных одеждах мама и дочка. Дорога легка и приятна: солнышко ещё не успело как следует проснуться, ещё не жаркое, ещё не томит путников раскалёнными лучами; ветерок утренней прохладой ублажает этих двоих одиноких, кажется, во всей Вселенной. Мама идёт спокойно, а дочка то вперёд убежит, то отстанет и догоняет. Но вот она берёт маму за руку, размеренно шагает рядом, долго так не выдерживает и, не отпуская надёжной руки, забегает снова на чуть-чуть вперёд, заглядывает маме в глаза и сыплет словами:

– А баба Лида нас не выгонит? Правда же, она похожа на нашу бабушку Нину? А баба Нина нас никогда бы не выгнала. Она нас любила.

– И баба Лида нас любит, – тихо и медленно, словно вернувшись из какого-то далёкого своего мира, говорит мама. – Мы её тоже любим, правда, ластонька? Мы ведь привыкли к ней за месяц? И теперь всегда будем жить вместе.

– А баба Лида ста-аренькая... А она не умрёт? А давай мы ей всегда-всегда будем за мёдом ходить. Он же лечебный? Пусть она его много-много ест. Только пусть не умирает.

Ирина РЕЗНИК

г. Омск

Резник Ирина Ивановна. Родилась в Казахстане. Окончила художественно-графический факультет Омского государственного педагогического института им. А. М. Горького. Член Союза Писателей России, кандидат философских наук, член творческого Союза художников России. Автор 14 книг стихов и прозы. Публиковалась в российских литературных журналах (Омск, Москва, Санкт-Петербург и др.). Лауреат ряда поэтических и художественных конкурсов. Участница творческого объединения «Рисовальные понедельники» при Омском музее Народного художника РСФСР К. П. Белова. Руководитель учебно-исторического культурного центра Омского государственного университета путей сообщения (ОмГУПС). Учёный секретарь Омского регионального отделения Петровской академии наук и искусств (ПАНИ, Санкт-Петербург). Редактор отдела публицистики журнала «Северо-Муйские огни».

Среди множества троп

Рассказ

*Посвящается моим родителям –
Ивану Емельяновичу и Александре Григорьевне*

Не так уж много мест в России – более красивых, чем Подмосковье. Шура там родилась и дальше Москвы уезжать никогда не хотела. Она окончила семь классов сельской школы, когда началась война. Ей, четырнадцатилетней девчонке, грозила отправка в Германию, но она была настолько худа, что соседки давно говорили Шуриной матери: «Лукерья, Шурка-то у тебя больная, наверно – сильно худая. Вон подружки у неё такие справные – прямо невесты уже!» А когда пришли немцы, эта худоба и спасла её от угона на чужбину. Немецкие солдаты заходили в дом, забирали всё: надоенное молоко, яйца, масло. Детей в их семье было шестеро, Шура старшая. Для рабских работ не подходила по комплекции (так немец и сказал: «Du bist so dünn – du bist krank?»²), а остальные – мелкие, так что в их доме остались все, кроме отца, который ушёл на фронт ещё в июле 1941-го. Став уже взрослой, Шура не любила говорить об оккупации, но помнить – помнила, особенно, как над полями пролетал немецкий самолёт и что-то сыпал на зреющую пшеницу. Провокаторы говорили: удобрение, но все понимали, что это отравы. Надеялись, что дождями её смоеет, осенью собрали урожай, смолоти муку, испекли хлеб, и многие, особенно дети, стали страдать от болей в животе. Самые старые и дети, кто послабее, – умерли. Шура тоже болела, и потом всю жизнь страдала от болезни желудка и сердца. Во время приступов всплывал в памяти тот немецкий самолёт. Ближе к концу войны Шура с подружкой, уже семнадцатилетние, отправились в райцентр, в военкомат, где прошли трёхдневное обучение на регулировщиц. Через много лет после войны она решила рассказать дочери-школьнице, которой в шестом классе задали написать сочинение об участнике войны – как дежурила на перекрёстке с флажками – жёлтым и красным, как солдаты бросали ей полевые цветы или ветки сирени, а ей брать нельзя – не положено. Несколько раз офицеры бросали шоколад. Ночью стояла с фонарём, и однажды какой-то нетерпеливый лихач чуть не сбил её своей «полторкой». Дежурства были частыми, иногда очень хотелось спать. Это сочинение очень впечатлило учительницу литературы, она даже отправила его на конкурс, говорила о нём на родительском собрании, на общешкольной линейке.

Сразу после окончания войны Шура поехала в Москву – позвала тётка (сестра матери), одинокая и бездетная. Отец погиб на фронте, вот сестра и решила помочь матери, оставшейся с пятью детьми. Тётка через знакомых помогла Шуре устроиться домработницей к большому чиновнику, а у того четыре сына, один, правда, погиб на фронте, а второй, одного года рождения с Шурой, сразу стал оказывать ей знаки внимания. Она к тому времени стала красавицей: тоненькая, а лицо уже не худое, с пухлыми, красиво очерченными губами, глаза карие с жёлтым, чуть-чуть раскосые. Платили ей хорошо, и Шура каждый месяц отправляла чуть не половину зарплаты домой, маме. У тётки была швейная машинка, и Шура шила себе платья из недорогих тканей, причём получалось очень аккуратно, и вкус у неё был прекрасный. Сын чиновника влюбился в Шuru по самые уши, предлагал жениться, но ей он несколько не нравился, да она и понимала, что если своего высокопоставленного отца он сумеет уговорить и тот разрешит жениться на простой деревенской девушке, то мать никогда не позволит ему возвысить простую домработницу до уровня их невестки.

Тётке Шура не говорила про ухаживания хозяйского сына, хотя чувствовала, что рано или поздно сказать придётся и работу надо искать другую, а вообще Шура мечтала учиться в медицинском училище. Но судьба повела её по другому пути. Однажды с подружкой Татьяной, приехавшей в Москву из одного села и работавшей на стройке, они решили по комсомольским путёвкам поехать на Дальний Восток. По радио и в газетах объявили призыв к молодёжи, убеждающий, что на Дальнем Востоке очень нужны рабочие руки. В молодости долго не раздумывают, и вот уже путёвки у них на руках, место назначения – Владивосток. К Шуре с Таней присоединились ещё две девушки, тоже получившие путёвки по призыву, только в Комсомольск-на-Амуре. И они решили ехать вчетвером. Тётка поплакала, но Шурочку отпустила, сказав в напутствие, что будет её ждать, что она ей стала, как дочь, и, если на этом Дальнем Востоке что-то не понравится, пусть она немедленно возвращается обратно.

И вот уже девчонки смотрят в окно поезда, как уплывает Московский вокзал, дома, пригородные постройки, уже Москва осталась где-то позади, но их почему-то не пугала неизвестность.

² Ты такая худая – больная? (нем.)

Им казалось, что они едут делать что-то важное для страны, раз страна объявила призыв для молодёжи, и требуются рабочие кадры на различные стройки Дальнего Востока. Им было интересно ехать через всю страну, смотреть на леса, реки, города. В купе, помимо Шуры и Тани, ехали те две девушки, их новые знакомые. На станциях тётки с корзинами чего только не предлагали: овоцы, пирожки, картошку, ягоды. Девчонки покупали помидоры с огурцами, варёную картошку, хлеб, иногда пирожки с капустой, а больше им ничего не надо было, да и денег – только-только доехать до места.

Однажды, на третьи сутки пути, когда поезд тронулся после долгой стоянки в небольшом городе, Шура задержалась в тамбуре у открытого окна, высунув руку наружу, ощущая прохладный поток воздуха, – она любила так делать – и вдруг у неё в руках оказалась офицерская фуражка. Она схватила её, сама не понимая, как это произошло: наверно, ветром сорвало с чьей-то головы, значит, человек выглядывал в окно из того же поезда. Но с какого вагона? Вскоре нашёлся хозяин фуражки, так что зря она беспокоилась. В их купе заглянул молодой человек в военной форме и сказал, что в городе П. он сел в поезд, и когда стали отъезжать, высунул голову в окно, крикнув матери и сестре, чтобы не скучали, а то они обе всю расплакались. Военный сказал, что ищет сорванную ветром фуражку, которая улетела в соседний вагон, и ему показалось, она поймана женскими руками. Девушки со смехом стали предлагать парню отгадать, чьи руки спасли его фуражку, и все дружно их протянули. А он, закрыв глаза, как потребовали насмешницы, брал по очереди пальцы девчонок своими крепкими руками, пока не испачкал их чем-то мокрым и липким. От этих мокрых пальцев исходил какой-то необъяснимый поток – тёплый и приятный. Ему не хотелось отпускать их, и он слегка сжал эти невидимые пальцы. Их обладательница вырвала руки, слегка вскрикнув: наверно, он сжал их слишком сильно, сам того не сознавая, и открыл глаза. Девушка, встряхивавшая руками, была настоящая красавица, в чуть-чуть раскосых глазах необыкновенного жёлто-коричневого, какого-то чайного цвета отразились одновременно лёгкая досада и смущение. Она взяла полотенце, сказав, что резала арбуз, и все руки в арбузном соке. Парень, представившийся Иваном, взял из рук красавицы с «чайными» глазами кусок арбуза, с удовольствием съел его и вытер руки полотенцем, протянутым Шурой (этой красавицей, как вы, наверно, догадались, была именно она). Шурины подруги отдали Ивану фуражку и пригласили заходить в их купе почаще, можно с друзьями. Иван сказал, что приглашение принимает, но вот едет он один – возвращается из отпуска на службу, в город Корсаков.

На следующее утро он, приведя себя в порядок и выпив чаю, зашёл в купе к новым знакомым. Две девушки лежали на верхних полках, одной не было, у столика стояла Шура и резала помидоры в эмалированную миску – готовила салат на всю компанию. Затем стала резать лук и от слёз зажмурила глаза, продолжая резать его прямо на столик, так как Иван, вздумав пошутить, потихоньку взял миску в руки. Промокнув глаза краешком полотенца, Шура обнаружила на столике кучку лука, а миску в руках гостя, невинно улыбавшегося, с весёлыми искорками в глазах. Недолго думая, она вдруг замахнулась на него полотенцем, а он, со смехом закрываясь руками, выскочил в коридор. Она вдогонку запустила в него этим полотенцем, тоже смеясь и немного смущаясь. Выглянув из-за своих ладоней, Иван увидел, как в Шуриных глазах отразилось солнце, и тут же почувствовал, что влюбился.

Им предстояло ехать ещё почти трое суток, и каждый вечер, ложась спать, Иван гладил свою фуражку, указавшую ему дорожку в соседний вагон, где он встретил такую необыкновенную девушку.

Шура тоже постоянно стала думать о симпатичном и весёлом Иване, удивляясь, что, когда она с подругами садилась в поезд ещё в Москве, ей совсем ничего не было известно о нём, а он в тот день ещё находился в своей родной деревне Полтавке, затерявшейся в Северо-Казахстанской лесостепи, и тоже ничего не знал о ней – Шуре. Вечерами, под стук колёс, девушки на своих полках думали каждая о своём, и Шурины мысли уходили и в родную деревню, где осталась мама и младшие братья и сёстры, затем переносились в Москву, её жизнь у тётушки, она вспоминала свою работу, ухода за хозяйского сына Владимира, невольно сравнивая его с Иваном. Иван, конечно, проще, но, хотя он парень деревенский, в нём была какая-то природная интеллигентность, он мог быть весёлым и серьёзным, остроумным и вдумчивым, рассудительным.

Шуре было приятно думать, что из всех девушек Иван выбрал её, и, конечно, не только потому, что именно она поймала его фуражку, хотя это случилось неспроста, как будто знак судьбы. Ей представлялось множество разных пересекающихся троп, среди которых Шурина тропинка, выходящая из её родного села и ведущая в Москву, а затем на восток через Сибирь к Тихому океану. А на территории Сибири её тропинка сливалась с другой, которая выходила из села, расположенного совсем в другом конце страны – в Северном Казахстане – тропинка Ивана, тоже ведущая на Дальний Восток. Шура засыпала с этими мыслями, и ей хотелось ехать на этом поезде бесконечно. А утром она и виду не подавала, что думает об Иване и что почти уже влюбилась.

Во Владивостоке они расстались. Шуре и Тане нужно было явиться в городской комитет комсомола, а Ивану в Советскую Гавань, а потом на корабле до Южно-Сахалинска и в Корсаков, в воинскую часть. Расставаясь, Иван и Шура обменялись адресами: Иван написал адрес воинской части, а Шура написала Ивану свой московский адрес, пообещав написать владивостокский, когда они устроятся. Потом были письма: Шурины короткие, а письма Ивана длинные, подробные, красиво разрисованные, написанные каллиграфическим почерком. Иногда она получала самодельные открытки к праздникам, нарисованные рукой Ивана. Из-за этого почерка и умения хорошо рисовать его сразу взяли писарем в штаб воинской части, в которой он служил по призыву, а потом предложили остаться на сверхсрочную службу. Иван съездил в отпуск, подумал и решил продолжить службу в армии. А когда возвращался из отпуска, ветер сорвал с его головы фуражку...

Поработав год, Шура с Татьяной вернулись в Москву. Иван узнал об этом из письма и сразу ответил, что предлагает Шуре стать его женой и что будет с нетерпением ждать её согласия. Когда Шура добралась домой, письмо уже ждало её в почтовом ящике, и она так и зашла в тётушкину квартиру с чемоданом, сумкой и письмом в руке. В коридоре, не раздеваясь, она села на чемодан и прочитала письмо. Тёте она тоже писала из Владивостока про своё знакомство, а тут в конверте оказалась фотография Ивана в военной форме, на которой он был очень красив. Тётя с первого взгляда определила, что парень надёжный, но вот красивый – это, по её мнению, скорее недостаток для мужчины – женщины будут «бегать» за ним, а устоит ли он?

Шура съездила домой, в деревню, показывала фотографию маме и подругам. Мама одобрила кандидатуру жениха, подружки ахали и охали, а Шура, хоть и была влюблена, никак не могла решиться дать согласие – ей не хотелось уезжать из Москвы, она собиралась поступать в медицинское училище, чувствуя в себе призвание медика ещё с детства.

Во Владивостоке зарплаты были не такие высокие, как обещали, поэтому те небольшие деньги, которые Шура заработала, были потрачены, да кое-что удалось привезти маме, младшим братьям и сёстрам, да ещё тёте. Шура написала Ивану, что она не против стать его женой, но денег, чтобы ехать к нему, у неё нет. Иван вскоре прислал ей достаточно большую сумму, после чего тётя почти приказным тоном сказала, чтобы Шура немедленно собиралась и ехала: раз прислал деньги, значит, любит и ждёт! И она поехала.

А Иван тем временем ждал с нетерпением. Деньги эти дал ему взаймы командир части, полковник, который относился к нему прямо по-отцовски. Однажды спросив, есть ли у Ивана невеста, получил ответ, что да, есть, живёт в Москве. Каждый день командир спрашивал, пишет ли она ему, просил показать фотографию, а когда увидел присланное Шурой фото, стал торопить Ивана с женой. Узнав, что у невесты нет денег на дорогу – всё-таки путь неблизкий! – тут же дал Ивану крупную сумму, сказав, что отдавать он может постепенно, по мере возможности, только пусть немедленно отправит деньги невесте, а то уведут такую девушку! Узнав, что деньги отправлены, командир интересовался, едет ли невеста к Ивану, а узнав, что едет, спросил через неделю, приехала ли во Владивосток, потом в Советскую Гавань, а когда стало известно, что Шура уже на корабле, командир дал Ивану машину, чтобы он заранее ехал на пристать, ведь девушка проделала такой длинный путь, и, сойдя с трапа, не должна ни о чём беспокоиться, а жених должен сразу посадить невесту в машину и везти в часть. Всё прошло по-военному чётко. Иван подхватил Шурины чемоданы, едва она, немного испуганная и уставшая, спустилась по трапу корабля. К вечеру они были уже в части, а через неделю сыграли свадьбу. Командир по-отцовски отнёсся и к Шуре, устроив её до свадьбы в недавно освободившейся комнате при части, долг Ивану он простил, предложив считать его подарком на свадьбу. Потом молодожёны поселились в доме неподалёку, через девять месяцев у них родилась дочь, а через два года Шура забеременела снова, но вскоре они уехали с Дальнего Востока к родителям Ивана, где Шура родила ещё одну девочку. Этой девочкой была я (а та первая – моя старшая сестра). Мне было чуть больше года, когда мои родители переехали в небольшой пыльный город Петропавловск и построили дом, прожив в нём одиннадцать лет. Но это уже другая история.

Мама не очень охотно отвечала на мои расспросы о том, как и где они познакомились с папой, а папа охотно рассказывал историю их знакомства: и про фуражку, и про Дальний Восток, и про свою службу, и про командира, и про то, как мама ехала к нему из своей любимой Москвы. А когда мне исполнилось пятнадцать лет, мы с мамой ездили в Москву и в её родное подмосковное село Дулово, где её все помнили, и помнили папу, с которым она когда-то давно тоже туда приезжала. Он тогда очаровал всех своим остроумием, приветливостью, обходительностью, умением петь, танцевать, играть на баяне и гитаре. В Дулово я первый раз в жизни вместе с мамой зашла в церковь – она была одной из немногих церквей, уцелевших в то безбожное время. Я долго стояла в каком-то восторженном оцепенении, и мне очень не хотелось уходить.

Иногда родители ссорились, и это были самые страшные дни моего детства. Но во время любых ссор папа всегда называл маму Шурочкой, и я ни разу не слышала ни одного грубого слова в её адрес. А дни их примирения становились самыми счастливыми, и мне хотелось прыгать от радости!

А ещё приводил меня в восторг волшебный запах масляных художественных красок и льняного масла! Папа писал пейзажи и делал копии своего любимого художника В. Д. Поленова, делал зарисовки людей и животных. Он даже учился заочно в «Народном университете» (кажется, так он назывался) на художественном отделении в Москве. Мама так и не поступила в медицинское училище, она воспитывала нас с сестрой, и мы никогда не ходили в детский сад. Но, когда мы переехали в Омск, она устроилась на работу сестрой-хозяйкой в железнодорожную многопрофильную больницу, в самое тяжёлое отделение – онкологическое. Иногда бывало так, что между ней и пациентами возникала дружба, а потом эти подруги умирали. Мама очень тяжело переживала и несколько раз писала заявление на увольнение. И каждый раз главный врач уговаривал её остаться – он очень ценил маму, её ответственное отношение к работе, аккуратность, исполнительность, сожалея, что она не врач и не медсестра. А однажды, придя с работы, мама с виноватой улыбкой сказала, что сам профессор А. Н. Кабанов, известный в стране хирург, встал перед ней на колени и просил, чтобы она не увольнялась. Она осталась и ещё несколько лет работала, пока не стали подводить сердце и высокое давление.

Мама первая ушла из жизни, папа сразу повесил на стену фотографию её молодой, из «московского периода», он прожил без неё двадцать два года, и не прошло ни одного дня, чтобы я не вспомнила о своих любимых родителях.

Господи, прости им все согрешения, вольные и невольные...

Наталья КАРЕТНИКОВА

г. Москва

Член МГО Союза писателей России.

Валюха-горюха

Рассказ

Младшая сестра моей бабушки – Марфа – была «не от мира сего», проще говоря, слаба на голову. Родные, однако, её любили и говорили о ней: «Марфуша, хоть и чокнутая, но красивая, добрая и работающая».

Как-то весной Марфа пропала. Искали её всем миром, но так и не нашли. Вернулась домой она ближе к зиме, и уже брюхатая. Её «благодетелем» стал бродяжка портной. Он появлялся в деревнях неизвестно откуда со своей ручной швейной машинкой за плечами и нехитрым скарбом. Его услуги очень ценились селянами. Обшивая крестьянские семьи, он жил подолгу в каждой деревне. Переходил он из дома в дом, выполняя заказы хозяек на шитьё мужских рубаш, женских платьев, сарафанов, юбок и детской одежды.

Марфуша работала в свинарнике. Очень она любила этих животных, особенно маленьких поросят. В свободное от работы время приходила к соседям и смотрела, как портняжка шьёт на своей машинке. Красивая и сильная, Марфа приглянулась неказистому мужичку, и он тайно её увёл из дому. Поселилась эта парочка – гусь да гагарочка – в дальней деревне за рекой Дёржей, в соседнем районе, в избе у старого бобыля. Сожитель Марфин ходил на заработки по деревням и однажды не вернулся. Его ограбили и убили, подкараулив на лесной дороге. Пришлось Марфе возвращаться беременной домой.

В студёном феврале Марфа родила девочку, которую при крещении назвали Валентиной, согласно святцам. Бабушка моя, Евдокия Михайловна Орлова, стала её крёстной матерью. Бродяжий дух оказался сильнее материнской привязанности. Марфа опять пропала и надолго. Уехала она в Москву. Разговорившись на Тишинском рынке с незнакомыми людьми, Марфа рассказала какой-то неподходящий анекдот. По политической статье психически больную женщину отправили по этапу в Карлаг (Карагандинский исправительно-трудовой лагерь – один из крупнейших в СССР в 1930 – 1959 годах). Никакие хлопоты родных об освобождении больной сестры не помогли. Только благодаря своему крепкому физическому здоровью Марфа выдержала все трудности лагерной жизни и вернулась домой через десять лет. Прожила на свободе Марфа недолго. Умерла, заразившись где-то дифтеритом. С той поры за её дочкой закрепилось имя Валюха-горюха.

Валюха росла в семье своей крёстной матери, где её все любили, и была жизнерадостной хохотушкой и большой выдумщицей. Она помогала моей бабушке растить детей и по хозяйству вместе с ней хлопотала. Окончив Раковскую школу-семилетку, Валюха уехала в Москву учиться на повара. Но не успела доучиться всего месяца, как грянула война. В июне 1941 года комсомолка Валентина Шлякова добровольцем отправилась на фронт в качестве повара. С войны Валюха вернулась вместе с мужем Сергеем. Молодой паре негде было жить. Дом крёстной подо Ржевом в селе Новое Устиново, где до войны жила Валюха, сожгли фашисты, когда отступали от Москвы. Бабушка моя со своей семьёй с осени 1942 года обосновалась под Москвой, в Лианозове. Там же и Валюха с мужем жили первое время, пока не устроились работать на трикотажную фабрику. Сергей работал там слесарем, а Валюха – поваром в фабричной столовой. Жили они в семейном общежитии при фабрике у станции Трикотажная Рижской железной дороги. С бабушкой я в детстве бывала у них в гостях.

Раньше я не знала, что такое семейное общежитие. Это был длинный барак, а в нём множество комнат и огромный коридор, с керосинками на табуретках около каждой двери. В комнате тёти Вали и дяди Серёжи было опрятно и уютно. У них были два волнистых попугайчика в клетке и ещё собачка Чарлик – белый шпиц. Тётя Валя обучила его нескольким забавным трюкам. Всё я уже не помню, но один остался в памяти. Тётя Валя кричала Чарлику: «Чарлик! Замри!» И он падал на пол и лежал там неподвижно, а она говорила нам: «Всё! Упал, сердце больше не билось!»

Потом хозяйка кричала пёсику: «Отомри, Чарлик!» И пёсик весело подбегал к ней и получал заслуженную награду: кусочек колбаски.

Дядя Серёжа любил рассказывать интересные истории. Как-то раз он у нас с бабушкой спросил: «Вы думаете, почему платформа наша именно так называется: Трикотажная? Потому что рядом с трикотажной фабрикой находится?» Мы так и думали. Но дядя Серёжа рассказал другую историю:

«Ничего подобного! В конце XIX века в долине реки Сходни на месте первых мануфактур стали появляться фабрики и заводы. Служил при заводе сторожем некий Евлампий Чушкин. С него всё и началось. Он кошек любил. И в сторожке у него естественно проживали целых три кота. Когда состарился Евлампий, на пост заступил его сын Никанор. Зародилась династия заводских сторожей Чушкиных. Коты тоже менялись: одни исчезали, и появлялись другие, – но что-то прямо-таки мистическое было в том, что котов всегда было ровно три! Ни больше ни меньше! Завод в 1917 году разорили, а Чушкины всё равно сторожили. И три кота всегда жили у них.

В 1928 году на месте старого завода возникла Тушинская чулочная фабрика. Никакая не трикотажная, а именно чулочная! Новые технологии осваивать стали на американских станках, а как назвать продукцию – ещё и понятия не имели! Выручил Поликарп Чушкин, правнук Евлампия. Как-то выносил один экспедитор через проходную тюк с новейшей продукцией, а накладную и пропуск забыл. Умолял Поликарпа: «Выпусти, мил человек! Я тебе потом документы занесу!». А Поликарп – не выпускает его ни в какую: «Вернись за документиками, а потом выходи!» – «Ладно, сбегаю, а ты тюк покарауль, тяжёлый уж больно».

Пока бегал, Поликарп только на минутку и отошёл, чайку вскипятить. Глядит – о, ужас! Порван тюк с одного бока. Должно какой-то из котов об этот тюк когти поточил! Экспедитор подлетает и на Поликарпа кричит: «Ты что ж натворил!? Вредитель! Это новейшая продукция! Можно сказать, секретная. Пробная партия!!! Да по тебе товарищ Маузер плачет, негодяй ты эдакий!»

А Поликарп растерялся, побелел весь и лепечет: «Разве за всеми углядишь... Я один, а их – три... Этих кота... Три кота ж... Разве за всеми углядишь, три кота ж!» – «Три кота ж!» – передразнил его экспедитор.

А мимо него в это самое время главный технолог идёт и спрашивает: «Где трикотаж? Какой такой трикотаж?». Экспедитор ему на тюк и показывает: «А вот он, полюбуйте!».

Так и назвали новую продукцию. А чуть позже и фабрику переименовали из чулочной в трикотажную. Позднее вокруг фабрики рабочий посёлок разросся. Его назвали Трикотажный. Вот и получается, что, по народным преданиям, и платформа Трикотажная, и фабрика названы в честь трёх котов!

Бабушка моя рассмеялась, не веря Серёге. А я поверила в эту историю, очень похожую на правду.

Так и жили Валюха и Серёга весело и дружно, в любви да согласии. И всё бы ничего, но две проблемы не давали покоя Валюхе. После войны у дяди Серёжи остался в теле рядом с сердцем неоперабельный осколок от вражеского снаряда. Да ещё дочка его непутёвая, Полина, заставляла отца и мачеху страдать. Вышла Валюха замуж за вдовца Сергея Васильева и приняла его дочку от первого брака как свою родную. Отличалась Полина от школьных подруг необыкновенной красотой. Видно, в мать пошла. Была она высокая и стройная. Правильные черты лица, пышные вьющиеся русые волосы и огромные голубые глаза были у Полины. Детей родных Валюхе Бог не дал. И она всю свою нерастрченную материнскую любовь отдавала Полине. Баловала она девочку, ни в чём ей не отказывала. А та подрастала и становилась всё капризней. Требовала новые наряды и украшения. Часто убегала в фабричный клуб на танцы, не выучив уроки. Еле окончила семь классов средней школы. Устроилась на фабрику работать, а потом связалась с плохой компанией и пошла по рукам. Отец не находил себе места от горя, и вскоре умер: осколок достал до сердца.

Без Сергея Валюхе и жить не хотелось. А тут ещё Полина забеременела неизвестно от кого. Когда у неё родилась дочка, забот у Валюхи прибавилось. Надежды на то, что Полина бросит разгульную жизнь и будет заниматься воспитанием ребёнка, не оправдались.

Маленькая Аллочка – белокурый ангелочек с голубыми глазками, стала обузой для родной матери. Полина бросила девочку и уехала с очередным кавалером в неизвестном направлении. Пришлось Валюхе отдать девочку в круглосуточные ясли, а потом и в детский сад на пятидневку. Добрая душа не позволила ей сдать ребёнка в детский дом. Аллочка была внучкой её любимого Серёги, а значит, и ей не чужая, рассудила Валюха. И решила удочерить девочку. Соседи отговаривали её, но Валюха своего решения не изменила. Хлопоты были долгими, но успешными. А вскоре радостную весть ей сообщили: Валюхина очередь на квартиру в новом доме подошла! Они с Аллочкой переехали жить в подмосковный город Красногорск. Квартира им досталась хорошая, хоть и однокомнатная, но просторная, со всеми удобствами. Это было настоящее счастье!

Дочка жила и училась в интернате. На выходные Валюха забирала дочку домой и обязательно заезжала вместе с ней к нам в Лианозово. И всё было хорошо, но нашлась одна «добрая» соседка и стала изводить девочку на детской площадке во дворе разговорами о том, что у неё неродная мать. Аллочка приходила с прогулки вся в слезах. Валюха не могла этого вынести. Не посоветовавшись ни с кем, решила уехать в город Волжский Волгоградской области. Валюхе там посулили за обмен квартиры хорошую доплату. Она и тронулась с ребёнком в путь-дорогу. Но, как водится, и тут не обошлось без обмана. Денег по обмену жилплощади Валюха получила меньше, чем ей обещали. Как раз хватило их только на переезд, на два пальто и обувь, да новую школьную форму для Аллочки. Хорошо, что хоть мебель и холодильник бывшие хозяева оставили в квартире.

Мама моя долго сокрушалась, получив от сестры письмо с известием о переезде в другой город. «Вот ведь Валюха-горюха! И что её туда понесло? Можно было бы найти другой вариант обмена и в Подмоскowie, чем ехать в такую даль!»

Первое время Валюхе некогда было скучать. Они с Аллочкой обустроивались на новом месте и были очень довольны своей жизнью. Окна и балкон их квартиры глядели на сквер. По утрам слышалось там птичье пение. Радовалась Аллочка близости реки Ахтубы, куда они с матерью летом каждый вечер по будням ходили, как только Валюха возвращалась с работы. А по выходным дочка целыми днями пропадала на реке, где загорала на тёплом песчаном пляже с новыми подружками.

Заскучала Валюха ближе к зиме, когда пошли нудные дожди и подули с Ахтубы сильные, холодные ветры. Письма от неё стали приходиться чаще, и были они грустными. Я жалела тётю Валю

и попросила маму отпустить меня летом к ней погостить. Мама согласилась. Тётушка ждала меня с нетерпением. Жарким летом 1969 года я в шестнадцать лет впервые одна прибыла в город Волгоград. Там тётя Валя с Аллочкой встретили меня. Из Волгограда мы на автобусе отправились в город Волжский. Потрясающее впечатление на меня произвёл комплекс на Мамаевом кургане с величественной скульптурой Матери Родины и огромная плотина Волжской ГЭС.

Замечательно мне жилось у тёти Вали. Она нас с Аллочкой так хорошо кормила, что я начала поправляться, а это никак не входило в мои планы. Мы решили, чтобы сбросить лишний вес, бегать в сквере по утрам и на речку тоже бегом отправляться. Как-то, вернувшись после пробежки все взмокшие и голодные, застали тётю Валю в радостном волнении. Ей прислали письмо из городского военкомата Волгограда с просьбой приехать туда с документами.

Вернулась тётя Валя из Волгограда с медалью «За отвагу», которую должна была получить ещё в 1942 году. Но, как часто бывало на фронте, награда не успела найти своего героя и затерялась. Мы стали расспрашивать тётю Валю о том, за что её наградили самой почётной солдатской медалью. И она нам рассказала свою удивительную историю. Когда она ещё училась на повара в подмосковной Перловке, преподаватели рассказывали будущим поварам о военно-полевых кухнях. И вот наша Валюха в 1941 году оказалась сама в районе боевых действий и стала поваром полковой военно-полевой кухни. Эта кухня предназначалась для приготовления пищи в походных условиях. Она размещалась на платформе грузового автомобиля. Имела четыре котла для разных блюд. Тётя Валя объяснила, что полевые кухни в годы войны были не просто выездными столовыми, а ещё и своеобразными «клубами». Солдаты возле кухни отдыхали и наслаждались едой, а ещё вспоминали о мирной жизни. Полевые кухни кормили не только солдат, но ещё и подкармливали мирных жителей и беженцев из сожжённых врагами деревень. Военные делились с ними, чем могли. Любимыми солдатскими блюдами, которые готовила молодая повариха, были кулеш – крупяной суп с мясом, борщ, щи, тушёный картофель, гречка или перловка с мясом. Солдатам перловка надоедала. Её варили чаще, чем гречку, ведь она была дешевле. Они её называли «шрапнелью». В тыловом хозяйстве солдатская кухня оказалась важнее денег, лекарств и обмундирования: ведь всем известно, что голодный солдат – плохой воин. О качестве его еды обязан был заботиться не только повар, но и командир части.

Вокруг полевой кухни всегда кипела жизнь, и все стремились к ней, чтобы хоть на короткое время вернуться в мирную обстановку. Вокруг весёлой поварихи Валюхи всегда было много молодых солдат. Она была доброй, никогда не жалела добавок для бойцов. Деды лишь посмеивались в свои усы, а молодёжь петушками вокруг похаживала. Кухня полевая Валюху и с будущим мужем Сергеем познакомила. Он тоже любил побалагурить и рассказывал девушке разные смешные истории. Приглянулись они друг другу и не стали откладывать оформление брака. А, поженившись, ещё больше стали дорожить своей любовью.

Между прочим, у тёти Вали был ещё и нагрудный знак «Отличный повар»! На нём было позолоченное изображение походной кухни. Награждение объявлялось приказом по части, армии, фронту. Запись о награде заносилась в красноармейскую книжку бойца. Под бомбардировкой и под артиллерийским обстрелом полковые повара исправно готовили горячую пищу.

Тётя Валя в далёком 1942 году действительно совершила настоящий подвиг. Она нам с Аллочкой так поведала об этом: «Однажды два фашистских самолёта, видимо, уже отбомбившись, кружили с противным воем прямо у нас с Петровичем над головами. Я не сбобела в отличие от водителя грузовика. Он на своей платформе перевозил полевую кухню. Этот «храбрый вояка» залез под машину, как будто там можно спрятаться от бомбы! А я схватила винтовку и ну лихорадочно стрелять по вражьи самолётам! И вошла в такой азарт! Стреляю и кричу во всю глотку: «Вот вам, гады! Чтоб вы все сдохли!»

Переживаю не за себя, а за солдат, которые могут остаться без обеда из-за этой самой бомбардировки. И вдруг я попадаю в один из самолётов. Он задымился и стал снижаться над соседним реденьким лесочком. Там упал и загорелся. Второй самолёт противника улетел – от греха подальше. Всё это видели на нашем командном пункте. Меня потом представили к медали «За отвагу». Но она где-то затерялась, пока я вместе со своей полевой кухней в составе нашего гвардейского полка продвигалась к Берлину.

Тётя Валя уже после войны рассказывала об этом военном эпизоде своим родным, а они только посмеивались над ней: «Ох, Валюха-горюха! С детства всё небылицы всякие сочиняешь! Это ж надо такую историю придумать!»

Никто ей не поверил. И лишь я одна из всей нашей родни в канун 25-летия Победы над фашистской Германией стала свидетелем настоящего триумфа нашей дорогой Валюхи! С той поры тётю Валю стали постоянно приглашать на все военные парады и торжества, проходившие в городе Волжском и в Волгограде. Она очень этим гордилась. В последние годы жизни, когда ей уже было за 80 лет, её туда сопровождала дочка Аллочка с мужем Юрой и двумя детьми, Павликом и Катюшей. Тётя Валя прожила долгую и трудную жизнь. Но, как она нас уверяла, жизнь её была счастливой! Может, потому что наша прекрасная Валюха-горюха всегда и всюду была на своём месте. Она побеждала трудности, как бы это ни было ей тяжело, и старалась помочь другим.

Наталья МАВРОДИ

г. Луганск, ЛНР – Россия

Председатель правления Межрегионального союза писателей, член Исполкома Международного сообщества писательских союзов (МСПС), шеф-редактор альманаха и сайта МСП «Свой вариант». Лауреат литературных премий им. Олега Бишарева, им. Михаила Матусовского и им. Владимира Даля. Автор 4 книг стихов и прозы, соавтор краеведческой книги «Гостиница «Украина» («Октябрь»). Ул. Пушкина, 3». Публиковалась в ряде литературных альманахов, коллективных сборников и периодических изданий Украины, России, Беларуси, Германии, Греции, Великобритании.

Квитанция

Из серии рассказов «Картинки памяти»

Сделав ещё несколько шагов, Женя оказалась на улице с многообещающим названием «Новая жизнь». Прошло пятнадцать лет, как она уехала отсюда, но, каждый раз приезжая, до сих пор испытывает щемящее чувство. Раздался гудок паровоза на шлаковой горе. «Дома!» – улыбнулась молодая женщина. Из ворот автобазы в конце улицы выехал грузовик. «А раньше выезжали подводы», – мелькнула мысль. Улица почти не изменилась, вот только конный двор, в дань времени, теперь стал автобазой.

Как хорошо дома! Аккуратные штакетники, огораживающие дворы, палисадники перед домами, сады. В том городе, в котором она живёт сейчас, дворы огораживаются высокими глухими заборами, отчего имеют неприветливый вид. Женя до сих пор не может принять новый город, не чувствует его своим. Она никогда бы не уехала. Но тогда... Тогда это было бегством. Бегством от несложившегося, от оскорблённой любви, душевной боли. Ей было всё равно, куда ехать. При распределении молодых специалистов в институте выбрала город, о котором совсем ничего не знала. Просто понравилось, что в названии значилось «град». Вот так и уехала. Новый город подарил ей семью, детей, отдельную квартиру, позже и мама переехала жить к ним. А здесь остались брат и две старшие сестры.

При малейшей возможности Женя приезжала в родной город. Сейчас подвернулась служебная командировка.

Вот и её дом. Сейчас в нём живёт семья брата, но он навсегда останется и её домом. Женя отворила калитку, прошла во двор. Дверь на веранду была заперта. Она не сообщила о своём приезде. Невестка и брат – на работе, племянник, наверное, у кого-то из друзей. Лето, каникулы... Если племянник скоро не появится, то, судя по времени, ближайшие пару часов ей придётся провести на свежем воздухе. Женя поставила вещи на лавку возле летней кухни и направилась в сад.

Сорвав несколько абрикосов, присела на качели. Прикрыв глаза, слегка раскачивая качели, Женя с каким-то особым удовольствием ощутила на себе солнечное тепло. Нежный аромат чайной розы, басовитое гудение шмеля убаюкивали. «Если есть рай, то там всё именно так», – подумалось ей.

Женя была самой младшей в семье. Детство... Это у её детей – детство. С бабушкой, читающей сказки, с ёлкой на Новый год, с цветными карандашами и яркими книжками, с мамой и папой. В её детстве была только мама. Папа ушёл к другой женщине, когда Жене было четыре года. Брат и сёстры были намного старше и хорошо помнили отца. Женя его почти не помнила. Отец построил этот дом. А потом ушёл, уехал в другой город.

В Женином детстве было голодно и холодно. Мама, боясь разбаловать её как самую младшую, была с ней очень строгой. Но брат и сёстры каждый по-своему баловали, исподтишка подсовывая ей конфеты-леденцы или кусочки сахара, что было редким лакомством в их семье. У каждого были свои обязанности. Мама зарабатывала шитьём и преподаванием на курсах кройки и шитья в городском клубе. Работала мама очень много: Женя помнит, как она строчила на машинке, иногда ночи напролёт, и часто засыпала прямо за машинкой.

Жениной обязанностью, в её шесть лет, была уборка дома и получение по квитанции керосина на конном дворе. Целых пять литров! Она помнит, каким тяжёлым был бидон с керосином.

Тогда, в тридцать третьем, керосинка их и согрела, и обед готовила. Точнее сказать, тепла особого от неё не исходило, но, когда готовился обед, создавалось удивительное чувство уюта. Денег на дрова или уголь у них не было, а керосин их семья получала бесплатно, так проголосовал жилищный кооператив потому, что они жили без отца.

Жене опять вспомнился тот удивительный случай с квитанцией на керосин, объяснения которому она не находила и сейчас, будучи взрослым образованным человеком, но в реальности произошедшего тогда – тоже не сомневалась.

...Был конец февраля. Мама, как всегда, дала Жене квитанцию на керосин и, уходя на работу, строго напомнила, чтобы не забыла получить. С утра Женя занялась уборкой, потом съела скудный обед, состоящий из одной кукурузной каши, запила водой и начала собираться за керосином. Надела валенки с галошами, шапку-ушанку и пальто, доставшиеся ей от двоюродного брата. С неодобрением, осмотрев себя в зеркале, положила квитанцию в карман. Женя очень не любила этот наряд потому, что многие в таком одеянии принимали её за мальчика. Она иногда хитрила и, будто бы невзначай, приподнимала полу злополучного пальто, чтобы показать юбку. Ещё раз взглянув на себя в зеркало и вздохнув, она взяла бидон и отправилась на конный двор.

Серая, дождливая погода, со снежным месивом под ногами, настроение не улучшила. Мимо неё проезжали подводы. Некоторые извозчики знали Женю, окликали её, приветствуя.

Очередь на конном дворе была небольшая. Она полезла в карман, но квитанции там не оказалось. В другой – то же самое. На всякий случай вывернула варежки. Потом ещё раз обшарила карманы. Квитанции не было! Может, выронила по дороге?

Женя медленно пошла назад, обследуя взглядом каждый сантиметр талого снега. Квадратик грубой пергаментной бумаги был для неё сейчас настоящим богатством. Что она скажет маме? Целых три недели им не на чем будет готовить еду. Она дошла до своей калитки, так и не найдя квитанции. Прошла весь путь ещё несколько раз. На глаза наворачивались слёзы, но Женя изо всех сил сдерживала их, чтобы не просмотреть так много значивший для их семьи клочок бумаги.

Извозчики и прохожие, видя расстроенную девочку, спрашивали, не нужна ли помощь. Но чем они могли помочь?

«Вот тот старичок, наверное, смог бы», – вспомнился Жене подслушанный недавно разговор мамы с крёстной, тётёй Леной.

Мама, сокрушаясь об их тяжёлой жизни, рассказала, что, когда они с папой только поженились и родилась Тася, ей встретился чисто одетый седой старичок и попросил у неё двадцать копеек. Мама дала ему двадцать копеек, а он признался, что просит на выпивку, болезнь у него такая, отвязаться от неё не может, а потом добавил: «Добрая ты девушка, хотел бы тебе приятное сказать, но не могу – вижу, тяжёлая жизнь у тебя будет, ох, доченька, тяжёлая». Повернулся и ушёл.

Вот бы Жене встретился тот старичок и сказал, куда делась квитанция.

Девочка была уже не в состоянии сдерживать слёзы. Она ещё и ещё раз ходила вдоль улицы. Снег попал в галоши, валенки совсем промокли, но она этого не чувствовала. Из-за неё погибли мама, Коля, Тася, Лёля. И никто не может ей помочь. Нос и глаза распухли от слёз, она ничего не видела.

И тут Женя вспомнила, как бабушка Женя, мамина мама, становилась у себя в комнате перед картинками, на которых были нарисованы красивый мужчина и женщина с ребёнком на руках, тихо что-то говорила и много раз потом повторяла: «Господи, помоги! Господи, помоги!»

На вопрос Жени «Кто это?», бабушка ответила: «Бог и Богородица с Младенцем». – «А они, правда, помогают?» – удивилась Женя. «Правда», – ответила бабушка.

Картинок перед Женей сейчас не было, поэтому она, закрыв глаза и мысленно представив их, начала просить: «Бог и Богородица, помогите мне, пожалуйста, я не хочу, чтобы мы умерли, найдите мою квитанцию».

Она шептала ещё что-то, что могло убедить невидимого Бога помочь ей. А потом, когда уже не знала, что можно ещё добавить, просто шла и повторяла, как бабушка: «Господи, помоги! Господи, помоги!»

Наконец, Женя остановилась, открыла глаза, и... не могла поверить увиденному: прямо у её ног лежала квитанция. Самым удивительным было то, что она была сухой и чистой. Даже чернила не расплылись!

...Женя ещё раз мысленно пережила тот ужас, который ей довелось испытать шестилетней девочкой. Прошло больше тридцати лет, но она отчётливо представляла и сейчас всё произошедшее тогда и, как и тогда, не находила объяснения.

Женя вспомнила, как она потом долго, несколько месяцев, благодарил Бога за спасение: вечером перед сном, накрывшись одеялом, или когда уходила в конец сада, а ещё – у бабушки перед картинками, но так, чтобы никто не видел. Это была её тайна.

«Да, и всё-таки что-то есть!» – выходя из задумчивости, произнесла Женя вслух и, сильнее раскачав качели, попыталась стряхнуть с себя нахлынувшие воспоминания.

Вера СЫТНИК

г. Ессентуки, Ставропольский край

Сытник Вера Владимировна. Родилась в г. Комсомольск-на-Амуре. Филолог по образованию (ОмГУ). Автор 21 книги прозы и публицистики. Лауреат ряда международных и российских литературных конкурсов, литературной премии журнала «Берега» (Калининград, 2024), журнала «Сура» (Пенза, 2023). Публиковалась в роман-газете, журналах «Берега» (Калининград), «Нижний Новгород», «Север» (Петрозаводск), «Южная звезда» (Ставрополь), «Новая скала» (Крым), «Перспект» (Москва), «ЛитОгранка» (Новокузнецк), «Православная радуга» (Самара), «Невский альманах» и «На русских просторах» (С.-Петербург), сотрудничает с издательством «Союз писателей» (Новокузнецк), постоянный автор газет «Завалинка» (Северодвинск) и «Литературный Крым» (Симферополь).

Анюта

Рассказ

Великим постом, в начале апреля, серым дождливым утром мать Анюты увезли на телеге в соседнее село – рожать. Накануне женщина громко плакала. То и дело хваталась за живот и приговаривала: «Ой, не могу больше! Сил моих нету! Наказал меня Господь, так наказал!» Анюте было непонятно, то ли мать плачет от боли, то ли по недавно появившейся привычке. Месяца два, как ушёл от них отец. Молча собрал рюкзак и ушёл. Мать, пока он укладывал вещи, ползала на четвереньках по полу, цеплялась за его ноги и редела благим матом. Её живот касался грязного ковра, казалось, ещё немного, и она рухнет пластом на него и раздавит того, кто находился внутри

неё. Отец, мрачный, со сдвинутыми бровями, отпихивал мать и ничего не говорил. Одно слово только и бросил на прощанье: «Шалава».

И даже мельком не посмотрел на дочку, спиной прижавшуюся к косяку двери и дрожавшую всем телом. Ссоры в семье были обычным делом, но сейчас происходило что-то ужасное, непоправимое, что должно изменить жизнь к худшему. Анята тогда страшно испугалась за мать, а ещё больше за неродившегося ребёнка. Ей подумалось, что младенец тоже напуган и, наверное, кричит там, в животе, но его никто не слышит. Она догадывалась о причине ссоры. Давно уже по деревне ползли слухи о том, что мать «нагуляла» ребёнка на стороне, когда ездила прошлым летом в город к сестре. Анята на время осталась с отцом и впервые почувствовала себя хозяйкой дома.

При матери она тоже мыла полы, выбивала половики от пыли, подметала двор, кормила кур и жарила яичницу, но делала это всё со страхом, опасаясь чем-нибудь разозлить мать, которая была не просто строгой – суровой. Особенно по отношению к дочери, которую называла не Анятой, как все в деревне, а Нюркой. Анята не понимала причину такого отношения. Возможно, потому что она больше тянулась к отцу? Он, хоть и выпивоха, но добрый. С полочки достанет, бывало, несколько сотенных купюр из кармана и протягивает со словами: «Вот, доча, возьми на помаду». – «Какую «помаду»? – разъярённо кричала мать. – Девке десять лет!» – «Ничего, пусть купит детскую, она девочка, ей надо».

Или потому что была похожа больше на отца, чем на мать? Такое же простодушное широкоскулое лицо с белёсыми бровями, с конопушками на щёчках, такие же жиденькие, не в пример материнским, волосы, такая же коренастая фигура, только худенькая и лёгкая. Да, сомневаться не приходилось в материнской нелюбви. Мать часто повторяла со смехом, чем заставляла трепетать бедное Анятино сердечко: «Это ж надо такому случиться! Ходить девять месяцев беременной, страдать от приступов тошноты, пережить сложные роды, едва остаться живой, и всё для того, чтобы родить совсем непохожую на тебя девочку! Ничего от меня нет! Одни уши! Стоило так стараться?»

Не в силах справиться с обидой, чувствуя свою ненужность, Анята убежала в курятник и плакала. Проплакавшись, шла в дом и, если отец был не на работе, подсаживалась к нему и, подогнув под себя худенькие ноги, тихонько сидела, вдыхая терпкий запах курева. Анята жалела себя, но ещё больше жалела отца. Мать была ласкова с ним, лишь когда он приносил зарплату со стройки. Сама она не работала, занималась огородом и курами. В начале осени отец на мотоцикле отвёз её в посёлок на базар, чтобы продать свежие помидоры, зелень и огурцы, а зимой – соленья.

Мать с недовольным видом садилась на заднее сиденье, придерживая рукой банки в коляске. Она люто ненавидела отцовский мотоцикл за то, что на нём отец частенько уезжал в степь и охотился там на рябчиков – особенно летом. Забайкальский край врос в его сердце, так отец говорил, когда мать звала его уехать куда-нибудь. «Куда я от этого солнца и степи? Нигде не смогу жить!» – повторял он. Возвращался же всегда по-особенному радостный, в приподнятом настроении, свободный, помолодевший. Глаза его гордо блестели, когда он доставал из мешка связанных вместе птиц, и кидал добычу к ногам матери: «На, ощирай! Приготовь на ужин». – «И не подумаю, – с чувством брезгливости отвечала мать. – Твоя забава, так и возись с ней».

Отец брал таз, садился возле него на табуретку и принимался сначала ощипывать рябчиков, а потом варить их в большой кастрюле вместе с картошкой и лавровым листом. Глаза его постепенно тускнели, лицо становилось упрямо-угрюмым. Анята старательно помогала ему – складывала перья в мешок. Она не испытывала сострадания к убитым рябчикам, хоть и с любопытством разглядывала пёрышки: на крыльях они были с рыжеватым оттенком. Будучи деревенской девочкой, привыкшей к простой и грубой пище, она рассматривала их как вкусную еду, поэтому легко, без чувства боязливости хватала цепкими пальчиками за тоненькие шейки и подавала рябчиков отцу.

«Пока вырастишь, – тихо, с видом заговорщика говорил отец, теребя птиц, – собираем тебе на перину. Будет приданое к свадьбе».

Сердце Аняты сжималось от жалостливой любви к нему. В ответ на отцовские слова она хитренько смеялась и ещё усердней собирала перья, которые летали по кухне. Приходилось лазить за ними под стол и на печку. К ужину, когда рябчики были готовы и все садились к столу, отец вновь делался радостным и свободным в своих жестах и словах: «Ну, как, вкусно? Ешьте, ешьте, пока горячее».

От тарелок шёл запашистый дух, ни на что не похожий, щекочущий ноздри и разжигающий аппетит. Отец крошил в тарелку хлеб и ел, дуя в ложку. В такие моменты он был красив красотой, идущей не от внешности, которая у него была самая простецкая, а от дела, которым он увлекался. Анята тайком любовалась им и гордилась, что у неё такой папка – настоящий охотник!

За это-то чувство свободы, которое отец приносил с собой из степи, мать и ненавидела мотоцикл, а вместе с ним и ружьё. Оно хоть на время, но делало из отца настоящего мужика, а не вялого подкаблучника. Мать ненавидела всё, чем занимался отец, помимо огорода. Ненавидела до онемения в кончиках пальцев, до истерики. Всё, что придавало отцу независимости, что отрывало его от неё, казалось ей низменным, поэтому она никогда не занималась рябчиками, хоть и с удовольствием ела их. Каждый раз, когда отец собирался на охоту, когда в радостном, предвкушающем свободу возбуждении доставал ружьё и патроны, она выдумывала предлог, чтобы задержать его, но будто натыкалась на каменную стену. Лишь однажды отец уступил и не поехал.

Анюта до сих пор помнит тот ужасный случай, оставивший отметину на её, Анютином, бледном личике. Это произошло год назад, летом. В тот день мать была особенно чем-то недовольна: так и вскинулась, когда отец взялся за ружьё.

«Не поедешь! – жёстко сказала. – Даже и не думай. Не поедешь!» – «С чего это вдруг? – спросил хмуро отец, вкладывая в патронташ патроны. – Конечно, поеду». – «А я говорю, не поедешь», – повторила мать и схватилась за ружьё. Дёрнула приклад и потянула на себя. Отец не ожидал столь яростной атаки и чуть было не выпустил из рук ружьё, но сумел удержаться.

«Отдай! Не пуцу!» – крикнула мать побелевшими от злости губами и с неожиданной силой принялась выкручивать из рук отца оружие. Между ними завязалась борьба. Они оба с ненавистью кричали друг на друга, и каждый рвал ружьё к себе. Анюта, затаив дыхание, смотрела на них из дверей кухни и чувствовала, как у неё холодеет спина. Испугавшись за мать, но больше за отца, что мать проткнёт его ружьём, она кинулась разнимать родителей, но те не замечали ребёнка.

В какой-то момент ружьё повернулось вбок и стволом больно ударило Анюту между бровей, чуть выше переносицы. Лицо её моментально залило кровью. С диким рёвом Анюта продолжала кидаться на родителей. Первым опомнился отец. Вырвав ружьё из рук матери, он убрал его в тайник и бросился к девочке. Ранка оказалась длинной, но неглубокой. Отец обработал её одеколоном и закрыл кусочком ткани, которую оторвал от чистой простыни. Мать, тяжело дыша, надменно наблюдала за ним, будто злорадствовала, что взяла верх, пусть и ценой раны на лбу дочери.

«Ничего, до свадьбы заживёт», – равнодушно произнесла, поправляя платье и приводя в порядок свои длинные, до пояса, тёмные волосы. Она связала их в пучок и отправилась в огород окучивать картошку. Отец остался дома. Весь день он не отходил от Анюты, а через неделю, когда ранка затянулась и покрылась корочкой, ранним утром разбудил её: «Поехали». – «Куда?» – не поняла Анюта. «Надо, поехали, вставай. Нам бы успеть, я отпросился до обеда».

Они попили чаю с бубликами и вышли во двор. Отец вывел мотоцикл из сарая.

«Куда это ни свет ни заря?» – подозрительно спросила мать, которая уже возилась в огороде. «По делам в посёлок, к обеду будем», – ответил отец, усаживая Анюту в коляску.

Ехали недолго, минут пятнадцать, но каким же счастьем было сидеть в коляске мотоцикла, жмуриться от ветра и вертеть во все стороны головой, чтобы разглядеть знакомую дорогу и успеть заметить по её сторонам растрёпанные головки красных маков, белые короны марьиных корней, шляпки синих колокольчиков и оранжевые кудри саранок, корешки которых так любят есть все забайкальские ребятишки! Любимая степь летела навстречу Анюте, обещая нечто неожиданно-приятное. Из коляски мотоцикла степь казалась особенно просторной. Её украшали маленькие шапки-сопки, на которых рос дикий чернослив и черёмуха. Всё это богатство Анюта не раз собирала вместе с друзьями. И сами наедались досыта, и домой приносили по целому бидончику – на компот.

В посёлке мотоцикл прямым ходом примчался к храму и остановился.

«Папа, зачем мы здесь?» – спросила Анюта, пока отец выключал мотоцикл, и они пошли к церковному крылечку. «Покрестим тебя». – «Как это? Зачем?» – «Священник покропит тебя водицей, прочитает молитву. Зачем спрашиваешь? Затем, чтобы ты была под защитой Бога. Не успела тебя бабушка покрестить, мне наказывала это сделать, а я, видишь, всё тянул».

Они вошли в храм, отец купил крестик, поставил Анюту рядом с группой из десяти человек, очевидно, тоже ожидающих крещения. На полу – огромная металлическая чаша, на столике – ковшик. Анюта разглядывала церковь и думала о том, что Бог, наверное, очень добрый, если к нему приходит так много людей и для него строят такие красивые церкви с расписными стенами и золотыми подсвечниками. Повсюду висели иконы, значения которых Анюта не понимала, но чувствовала, что в них присутствует что-то важное для людей, что-то нужное! С любопытством посмотрела вверх – под куполом увидела чьё-то грустное лицо с маленькой бородкой. «Наверное, это Бог, – размышляла она. – Смотрит на всех и ждёт, пока мы к Нему поднимем головы».

Таинство крещения продолжалось около часа. Анюта сосредоточенно слушала священника и ничего не соображала. Понимала только, что Бог где-то рядом и ждёт, чтобы она подружилась с Ним. Особенно запомнилось, как священник, наклонив её голову над чашей, облил водой из ковшика. Вода потекла по спине, рассмешив Анюту. Уже с крестиком на груди она вслед за отцом вышла из церкви. Остановились на крылечке.

«Ну, вот, ты – крещёная! – улыбнувшись, сказал отец. – Теперь молись Богу почаще, проси у него, что хочешь, да не забывай благодарить. Детские молитвы – сильные. Молись, дочка!»

Анюта носила крестик, но молиться забывала. Вспомнила, когда отец ушёл из семьи. Перед сном, спрятавшись под одеялом, горячо шептала: «Бог, слышишь меня, Бог? Сделай, пожалуйста, так, чтобы папа вернулся!» Потом выглядывала наружу и неотрывно смотрела в краешек окна, будто надеялась увидеть лицо Бога. Там, за окном, была холодная ночь, ошалело шумел ветер. Налетал на деревню из степи, неся в себе мощь и силу просторов. Ветер, привыкший гулять свободно и широко, не любил преград на пути. Он давил на дом, бил в стены, рвал крышу и стучал ледяными снежинками о стёкла. Анюте становилось жутко, и она снова зарывалась в одеяло.

Отец не возвращался. Раза два приходил к Анюте в школу, приносил конфеты, но ничего не обещал. Смотрел задумчиво, словно был где-то далеко-далеко, и вздыхал.

«Папа, папа, – тянула его за рукав Анюта, – ты вернёшься?»

Отец молчал. Целовал дочь в затылок и уходил.

Анюта страдала: сначала из семьи ушёл отец, а вчера увезли на телеге мать. Что ещё ждать от жизни? Мать сказала, что уезжает ненадолго, дня на три, и впервые добрым, умоляющим голосом попросила Анюту: «Ты похозяйничай тут сама. С печкой бабка Танька поможет, растопит, пока будешь в школе, а вечером придёт, посмотрит поддувало. Наварит щей, каши. Колбаса в холодильнике есть... Ты уж потерпи».

До посёлка, куда укатила телега с матерью, на самом деле, минут тридцать ходьбы. Анюта преодолевала это расстояние легко, незаметно для себя, когда каждое утро отправлялась в школу. В их деревне было дворов около двадцати, ребяташек раз-два и обчёлся, поэтому школу ещё до рождения Анюты закрыли и разобрали на кирпичи. Приходилось добираться самим до посёлка. Иногда подвозил отец, но обычно Анюта шла в компании одноклассников: рыжего Витьки и долговязой Нины. Неторопливо брели по накатанной дороге и разговаривали обо всём понемногу. Сегодня речь зашла об Анютином отце.

– Почему он с вами не живёт? – лукаво спросила Нина, намекая на всем известную тайну о нагулянном ребёнке.

– Твоё какое дело? – вспыхнула Анюта и не стала продолжать разговор, а побежала вперёд.

Слёзы стояли в её глазах. Захотелось побывать в церкви, чтобы ещё раз взглянуть на Бога, попросить, чтобы папа вернулся. Рискую опоздать на занятия, Анюта всё же завернула к церкви. В этот раз лицо Бога показалось ей жалостливым, почти плачущим. «Плачет, потому что все забыли Его», – подумалось ей. Она вспомнила, как отец перед уходом горько крикнул матери: «Бога ты забыла! Да не ты одна, все мы забыли, вот и получаем теперь... Эх!».

Махнул рукой и выбежал во двор, к мотоциклу, и вертелся возле него до первых звёзд. Теперь мотоцикла нет. Нет отца, нет матери. Анюта одна в доме. Вчера она места себе не находила: садилась за учебники и бросала, наливая чая и, не допив, отставляла кружку, смотрела телевизор, но ничего не видела. Неясные думы бродили в её голове. То про мать, которая «Бога забыла» и нагуляла ребёнка, то про отца, который тоже забыл, раз долго не крестил Анюту, то про школу, где таких, как она безотцовщин, было полкласса.

Сегодня, вернувшись из школы, поела щей, сделала уроки, затем навела порядок в доме. Поглядела вокруг себя, и, не найдя, чем бы ещё заняться, оделась, и вышла на улицу. Было холодно. Возле сарая лежал снег, а в середине двора, на солнышке, растаял. Анюта открыла калитку и побежала за дом. Там начиналась сопка, на чью вершину по весне они с отцом частенько без труда забирались, чтобы нарвать мангыра. Ей захотелось проверить, появились ли ростки дикого лука. Он такой вкусный! Стебельки плотные, сочные, ярко-зелёные! Совсем и не горькие, а даже сладковатые. Отец ест мангыр охапками, обмакивая в соль. А Анюта – по пёрышку, заедая хлебом.

Она стала медленно подниматься по протоптанной дорожке. С этой стороны сопка почти освободилась от снега. Кое-где пробивалась трава, а в проталинке Анюта увидела россыпь фиолетовых ургулков – забайкальских подснежников. Ветерок шевелил их шляпки, отчего те нежно трепыхались и кланялись до земли. Девочка присела на корточки, потрогала цветы, ощутив под ладонью приятную шелковистую мягкость, и пошла дальше, задумчивая, тихая. Мангыра Анюта не нашла. Долго бродила по сопке, но нигде не увидела стрелок дикого лука, который начинает вылезать из почвы малюсенькими острыми иголочками. Нигде ни одной!

Анюта ходила, смотрела и не заметила, как солнце ушло к большой сопке и уже норовило скрыться за нею. Без солнца в степи сразу наступает темнота и моментально холодает. Анюта почувствовала, что замёрзла. Усилившийся ветер подталкивал её в сторону дома. Спихотившись, побежала. Заскочила в дом, когда бабка Танька орудовала кочергой возле печки.

– Угли погасли, – проскрипела бабка беззубым ртом, – задвижку, смотри, не закрывай, а то угарный газ пойдёт.

Видя, как Анюта нарезает себе колбасы, ворчливо прибавила:

– Поди, большая уже. Попостилась бы, девонька. Великий пост идёт.

– А что это, баба Таня?

– Христос наш постился и нам велел. Молился и строгость в еде соблюдал. Ты пойдешь в школу при церкви, там батюшка добрый, хороший, всё объяснит. Научит молиться. Ну, оставайся. Али ко мне пойдёшь? Айда! Не хочешь? Тогда, бывай. Завтра мамка тебе братика принесёт.

Опираясь на клюку, старушка удалилась. Анюта задумалась, глядя на бутерброд. Что за «строгость в еде»? Что за «Великий пост»? Наверное, это про то, как наладить разговор с Богом, чего Анюте мучительно не хватало. Она хотела, но не знала, какие подобрать слова, чтобы Бог, наконец, её услышал и исполнил бы желание – вернул отца. С того момента, как он ушёл Анюта ощущала себя другим человеком. Повзрослевшим? Может быть. А сегодня к этому чувству прибавилась острая, щемящая душу жалость по отношению к матери, вдруг ставшей в глазах Анюты беззащитной и слабой.

Светлана ДОНЧЕНКО

г. Краснодар

Член Союза писателей России, Союза литераторов Европы, Международной ассоциации литературы, культуры и искусства. Автор 5 книг стихов и прозы. Публиковалась в российских и зарубежных альманахах и журналах. Кавалер ордена Серебряного Ора, ордена «Золотая Звезда». Награждена дипломом и медалью «Литературный Олимп», медалью им. Нобелевского лауреата Ивана Бунина, дипломом «Недаром помнит вся Россия» с вручением медали «М. Ю. Лермонтов». За заслуги в области литературы удостоена почётного звания «Заслуженный писатель Московии». Руководитель Южно-российского творческого объединения «Серебро Слов».

Чудеса случаются

Рассказ

В детстве летом я часто убегала в поле и, упав в душистую траву, могла часами лежать и смотреть в небо. Облака рисовали мне причудливые картины, молниеносно меняя их, как кадры киноленты. Сердечко в моей груди начинало трепетать и биться с невероятной силой, то вырываясь, то замирая в своём внутреннем пространстве. Какие бурные фантазии посещали меня в эти часы, какие волшебные фигуры проплывали перед моим взором! Я видела себя в других мирах, с восторгом разглядывая диковинные жилища, растения, водоёмы. Невероятные существа приветливо махали мне с неба руками, улыбались и посылали воздушные поцелуи.

Однажды я очень долго наслаждалась дивными картинами, и вдруг на небе словно кто-то раздвинул в разные стороны облачные шторы – совершенно чистое, голубое полотно предстало моему взору. На нём стали постепенно проявляться удивительные фигуры. Больше всего поразило меня то, что проступающая картина была цветной. Сначала проявился дивный, но невероятно грустный лик женщины с огромными, буквально в пол-лица глазами; потом чётко обрисовалась фигура в вишнёвом облачении; далее в её правой руке высветился младенец в рубашонке ярко-жёлтого, почти кирпичного цвета, украшенной вертикальной синей полосой с золотыми блестящими изломами. Младенец лицом прижимался к щеке женщины. Сияние, ослепительное сияние исходило от них, хотелось зажмурить глаза или прикрыть их рукой, но я смотрела не отрываясь, словно хотела запомнить каждую деталь этого видения. И тут младенец поднял правую руку и двумя пальчиками начертил какую-то фигуру. Картина мгновенно исчезла, и шторы сразу же задвинулись. По небу поплыли облака в образе птиц, зайчиков, медведей, цветов и раскидистых деревьев. Я ещё долго лежала в траве, пытаюсь осмыслить увиденное. Мне, советскому ребёнку, воспитанному в атеизме, никогда не приходилось видеть иконы, я совершенно ничего не знала о Боге, о Приснодеве Марии. Произошедшее ошеломило меня, изумило и восхитило! С детства обладая аналитическим складом ума, я подумала тогда, что, вероятно, уснула и мне приснился этот сказочный сон. Долго я вспоминала об этом, с восторгом восстанавливая в памяти каждую деталь увиденного. Потом память надёжно спрятала детские воспоминания где-то в своих потаённых уголках на долгие годы.

Как-то, уже будучи студенткой, проходя с подругами мимо Собора, мы решили заглянуть внутрь здания, как в музей. Посмотреть, что же туда так влечёт людей, почему веками сохраняют эти культовые сооружения. Любопытно было поближе рассмотреть архитектуру и декоративные внутренние убранства. Помню, как цыкнула тогда на нас горбатая бабулька за то, что в Храм зашли с непокрытыми головами; и мы, оробев от её пронзительного взгляда, молча надели косынки, которые она нам предложила.

На цыпочках, чтобы не стучать каблучками своих модных туфелек, зачарованные девчонки буквально замирали от изумления у каждой иконы. С куполов, сводов и стен на нас смотрели сотни изображений святых. В голове сами собой рождались вопросы: «Кто изображён? Почему? Как?» Вдруг моё внимание привлекли большие прекрасные глаза, полные печали; они смотрели на меня, и я понимала, что мне знаком этот взгляд, я уже встречалась с ним в своей жизни. В памяти всплыла давно забытая картина детства: девчонка, лежащая в траве, пристально глядящая в небо. Я так долго стояла у этой иконы, что строгая бабулька подошла ко мне и сунула в руку тоненькую свечку.

– Затеpli перед иконкой. Ишь, как тебя впечатлил-то образ Божией Матери Владимирской.

– Бабушка, а кто у неё на руках?

– Ах ты ж, Боже мой, племя безбожное. – Старушка перекрестилась и мягко, любовно так произнесла: – Спасителюшка у неё на руках, Отец наш небесный. Чудотворная эта икона, самая что ни на есть чудотворная. Э-хе-хех... Ты помолись, девонька, помолись, не тушуйся. Ничего постыдного в этом нет.

Возвращались мы молча, каждая размышляла о чём-то своём. Никому не рассказала я о том, что случилось со мной в детстве. Думала, засмеют или многозначительно покрутят у виска. Но, что было, то было!

Наталья ЛОСЕВА

г. Тверь

Лосева Наталья Владимировна. Родилась в Тихорецке Краснодарского края. Окончила Ростовский-на-Дону машиностроительный институт и Тверской госуниверситет. Работает в ТвГУ, кандидат филологических наук, доцент, тьютор «Литературного творчества». Автор 9 книг стихов, прозы и публицистики. Публиковалась в «Литературной газете», «Литературной России», «Нашем современнике», «Юности», «Слове», «Московском вестнике», «Русском слове» (Молдавия), «Индийском вестнике», «Подъёме», «Дону», «Ладоге» и других лит. изданиях. Лауреат Губернаторской премии, лауреат и дипломант ряда литературных конкурсов («Золотое перо», «Звезда полей», «Наше культурное наследие», «Академия. Детская литература» и других).

«Мы едем дальше...»

Эссе (из времени пандемии)

Череда отказов

День выдался необыкновенно светлым и радостным. В этом году осень слегка затяжная. Облетевшая листва приоткрыла небо, и теперь мы пьем эту чистую синь, смакуя каждый глоток, каждый час отпущенного тепла. Листья ещё не успели свалиться и шуршат под ногами, разговаривая с тобой, выдавая тайны только посвящённым. Под окном берёза уже наполовину скинула свой наряд, а клён ещё рядится в бордовое мантио. Пахнет сыростью и солёными грибами. И воздух, как упругий гриб, скрипит, источая лучинки, отражавшиеся в окнах соседних домов.

В этот последний октябрьский день хочется на природу. Бродить, ни о чем не думая, впитывая невесомость летящих мгновений жизни. Заблудиться в лабиринтах леса, будто ты находишься на другой галактике. Петь во весь голос, пугая птиц, «Листья желтые над городом кружатся...» – песню юности, которая не ушла, нет, она с тобой пребудет до конца жизни. Подбрасывать вверх «говорящую» листву и тонуть в ней, звенящей – от счастья. И пусть все думают что хотят! Это их дело. Хочется забыть, что было плохого в этом злополучном високосном году, выкинуть весь хлам прочь и в последний раз вдохнуть прозрачную свежесть, зарядившись лучезарностью на предстоящую длинную, колючую зиму. Какая она будет? И что ждёт всех нас?!

Но... я не могу себе этого позволить! Как часто отказывала себе и сейчас отказываю. Бродить одной по лесу – это точно не для меня. Да и когда? Вокруг столько дел!.. Пока выздоравливают домашние, я могу себе только позволить поехать на дачу и что-то сделать там полезное. В этом году всё не так, как обычно. Конец дачного сезона смазала коварная болезнь. И вот сейчас приходится наверстывать упущенное. Надо в последний раз свежим взглядом окинуть оставленные на зиму растения, своё нехитрое хозяйство, проверить, всё ли готово к приходу холодов. А вдруг чего-то забыли сделать?.. Всплываю в далёкую даль и с грустью понимаю: жизнь – это череда отказов! И я так и остаюсь вечной пленницей в плену у бесконечных «надо» и «должна».

Белый «чёрный воронок»

Спешу на автобусную остановку на Речном. Ранее легендарное здание речного вокзала было визитной карточкой города. Известный писатель Борис Полевой в повести «Доктор Вера» назвал этот архитектурный шедевр трёхэтажным тортом. Здание с высоким шпилем, который ранее служил маяком, успело обрушиться ещё до пандемии. И теперь никакая птица, сидящая там, наверху, уже не сможет спокойно наблюдать, что происходит в мире. Ей, Божьей птахе, и не понять, какое несчастье настигло всех нас. Почему закрываются школы, библиотеки, театры и даже храмы, работавшие во время чумы? Из-за чего отменили Олимпийские игры, которые не проводились только во время мировых войн? И что вообще происходит с людьми?! Почему они шарахаются друг от друга? Зачем прячут свои лица под маски? И почему так много карет скорой помощи мчатся по городу???

Микроавтобусов с красными крестами на боку действительно в нашем городе прибавилось, правда, они изменили свой цвет – из жёлтых превратились в ослепительно белые. Но я всё равно называю их «чёрными воронками», так как они забирают людей и увозят в неизвестном направлении. И, к сожалению, далеко не всегда их «жертвы» возвращаются назад.

Вот и сейчас на подходе к остановке дорогу мне переехала новенькая скорая с сигнальной трубой впереди и двумя мигалками сзади. Спеша по вызову, она громко гаркнула на переходящих дорогу пешеходов. Кто-то сейчас её очень ждёт. Кому-то сейчас позарез нужна её помощь. От её скорого прибытия в очередной раз зависит чья-то жизнь. Я невольно вздрогнула от этого резкого сигнала, и тепло от припекающего солнца растаяло в холодной, обжигающей белизне «чёрного воронка».

Продавцы счастья

Стеклянный зонт остановки фосфорится под лучами солнца, проникающими сквозь поредевшие гривы деревьев. Издалека это напоминает корабль пришельцев, уносящий пассажиров на другие планеты. Со всех сторон остановку облепили продавцы разных возрастов, которые не хотят отпускать странствующих в инопланетное плавание без подарка от щедрой Земли. На складных

столиках и обыкновенных деревянных ящиках разложены дары природы: развесёлая клюква, осанистые грибы, румяные яблоки, желтобокие груши. Здесь же и банки с домашними заготовками: варенье, соленья и прочие вкусности для застолья. А рядом – саженцы яблонь, груш, слив, кусты жимолости, малины, бодрые хризантемы, капризные розы с поникшими головками, которые чахнут без заботы и внимания своих будущих маленьких принцев и уже повзрослевших принцесс.

Но в этом году не до посадок, даже заготовки и те по минимуму. Банки под рассеянными бликами света, мерцающие разнообразной цветовой гаммой, притягивают внимание. Эх вы, мои любимые вершки-корешки! В вас сила и соль земли!!! Восходя от корешков к вершкам, мы постигаем мудрость жизни.

Огурчики, помидорчики, лечо, кабачковая икра меня не прельщают. Это мы и сами можем сделать. А вот баклажанная, на которую никогда не хватает ни времени, ни сил, – она просто манит к себе. За стеклом переливается фиолетовое марево, в котором показываются, дразня, красные языки перца и сочные бока помидоров. Всё это сдобрено зеленью, пересыпано чесноком.

А много ли надо человеку для счастья? Как часто, сбиваясь с пути, мы едем за ним на край света. А оно вот – рядом! Стоит только протянуть руку – и ты обладатель столь ценного дара. Уже ноздри щекочет запах разварившейся картошки с солёными огурцами. И я беру это нехитрое варево, светящееся изнутри, которое станет венцом деревенского стола. Отчего-то вдруг начинаю чувствовать необъяснимую радость и умиротворение, на миг оказавшись в далёком, позабытом детстве. Ветер, что дунул от Тверцы, треплет волосы, расправляя крылья за спиной. И кажется, что вот-вот и я встану на крыло от нахлынувшего вдруг счастья... Спасибо, неизвестные чудесники, вы делаете жизнь лучше! Мне улыбается продавщица – поседевшая женщина с рюкзаком за плечами. И здесь, за импровизированным столом, она его не снимает, по всей видимости, находясь в бесконечном путешествии по жизни.

– За три гроша вы подарили мне счастье! Вы – продавцы счастья!!!

Маскарад

Глотая голодную слюну, еле успеваю на заветный автобус. В салоне место, как всегда, достаётся спиной к водителю. Последнее свободное сиденье успела занять, растолкав других локтями, одна молодящаяся блондинка. Она успокаивает меня:

– Да вы не переживайте! Когда едешь спиной, зрение начинает работать.

Это она решила так успокоить меня, отметив для себя мои очки. Но мне не привыкать. Еду, обозревая всех пассажиров, и непонятно, кому ещё больше повезло.

Законопослушные дачники (а это в основном категория, как сейчас принято выражаться, переводя окружающее пространство в цифровой формат, – «65+») все едут в масках. Маска – это не просто веяние времени. Таково требование суровой реальности! Без этой тряпицы не впустят в магазин, в автобус, на работу. Без неё могут и оштрафовать! Маска – это твоё лицо в период повсеместной пандемии.

Но в то же время маска сделалась за столь короткое время модным аксессуаром и далеко не всегда выполняет первоначально назначенные ей функции. Для кого-то она как способ зарабатывания денег, своего рода бизнес. Дизайнеры, у которых сейчас самый пик творческой активности, припасли для потребителей самые разнообразные модели – от смешных до устрашающих. Маски из любых материалов, тех или иных фасонов и ценовой политики, от простеньких до навороченных – все как на подбор. Кому «За» (сокращаю по полной!), прибегают в основном к обычным – голубым или белым. Такие маски можно купить в любой аптеке (правда, в начале «первой волны» коронавируса и они были в дефиците). Кто помоложе, хочет обратить на себя внимание – оригинальничает. А оригинальную маску надо заказывать в Интернете. Есть маска-киска, маска-бабочка, маска-змея, маска-крокодил и т. д. На некоторых вообще рот залеплен иностранными словами. И не важно, что написано: «Люблю», «Ненавижу» или «Я – дурак», а может быть, это реклама запрещённых препаратов или призыв к насилию, – главное, что на другом, совсем ином языке.

На Западе ещё и не так выставляют себя. Один известный модельер разработал защитную маску из тонкого силикона, которую невозможно отличить от лица. На ней – полное подобие губ, усов, бороды. Другой придумал маску, к которой приделан галстук. Очень удобно – так уж наверняка не забудешь про важный аксессуар.

Отдельный разговор о масках, украшенных драгоценностями. Тут и сапфиры, и рубины, и бриллианты на любой вкус, а главное – кошелёк. Но для русских ходовой вариант – это, конечно же, стразы. И здесь вспоминаются слова Николая Рубцова:

Стукну по карману – не звенит.

Стукну по другому – не слышать.

Подобное говорил ещё в XII веке древнерусский писатель Даниил Заточник: «И покрыла меня нищета, как Красное море фараона».

Столь необходимая в ковидное время вещь раскрывает и внутреннее «содержание» владельца, давая тем самым понять, что за человек перед тобой. Маска-крокодил огрызается, маска-

череп угрожает, маска-бабочка улыбается и переносит тебя подальше от реальности в романтическую страну. Маски с иностранными буквами от А до Z кричат: «Я не такой, как все!!!..»

Иногда, правда, впечатления от внешности и сущностное наполнение человека расходятся, как это часто бывает с фантиком и конфеткой. Вот дама неопределённого возраста. На ней модные дырявые джинсы, ветровка и спортивная кепка. На лице – нелепая маска с лошадиными зубами. А рядом стоит девчушка, которая подходит ей и в качестве дочери, и в качестве внучки. На чёрном цвете маски – коварная змея. И уже ничему не удивляешься: ни ядовито-лимонным маскам у старушек, ни маскам с изображением черепа с костями у молодых. Главное – живы! Всё остальное наносное, вторично, отстоится и уляжется. Маскарад пройдёт.

И даже не маски главное в образе современного пандемийного человека. На первом месте – глаза. Именно они являются отражением души. На фоне маски, натянутой до глаз, взгляд особенно выразителен и красноречив. После «первой волны» маски всё больше стали носить на подбородке, но иногда их натягивают до самых глаз. И трудно за такой вот разглядеть человека. Стали расхожими выражения: «Сим-сим, откройся», «Гюльчатая, открой личико» или «Маска, маска, я вас знаю!». Но, несмотря на некоторую игривость, многим людям совсем не до смеха. И только глаза могут выдать всю глубину и горечь переживаний. Они действительно как шифр, как ключ к человеку.

Многие женщины, начиная с карантина, перестали пользоваться губной помадой, однако продажи туши и подводки для глаз выросли, впрочем, как и цена на эти косметические средства. Взгляд – это и бесшумный выстрел, и невидимая нить, которая соединяет сердца. Несмотря на то что театры, кинотеатры, рестораны, бары, кафе), глаза не перестают подавать импульсы и искать свою вторую половинку в толпе. Слышится безмолвное: «Я ещё жив!» или «Я ещё жива!!!»

И ты понимаешь, вопреки всему – жизнь продолжается! Сдаваться нельзя!

Красота спасёт мир

На последнем ряду, на самой галёрке автобуса, едет молодой мужчина с девочкой-подростком. Мужчине тридцать с небольшим. По всей видимости, он очень рано обзавёлся семьей и этот ребёнок – его дочь. Как в таком случае говорят: любовь накрыла. И это редкое во все времена чувство дало необыкновенное творение – дочку редкой красоты.

Во всём автобусе только у них одних нет масок. Что это, внутренний бунт или обычная безалаберность?! Многим сейчас трудно, не каждый верит в опасность происходящего. Даже появилось модное течение – «антимасочники». Но, тем не менее, родители должны быть ответственны за своих детей.

Поражает красота девочки. По возрасту ей лет тринадцать. В это время девочки только-только начинают раскрываться, как бутон, начинают делать первые шаги на пути перехода из гадкого утёнка в прекрасного лебедя. А она уже раскрылась, подарила миру свою редкостную красоту и свежесть. Синь неба сверкает в её миндалевидных глазах, льняные волосы собраны в пучок и рассыпаются по плечам водопадом, коралловые губы изогнуты в форме гор. Но не только внешность притягивает внимание; что-то светящееся чистотой делает этот образ неповторимым. Ловлю себя на мысли, что таких красивых ещё не видела. Нет, нашим эстрадным шоуменам и кинозвёздам с накаченными губами и другими частями тела далеко до тверской провинциалки, её первозданной внешности. Она не красивая, нет. Она невероятно красива! Это даже не красота, это огромное богатство в миллион каратов, которое она носит на себе открыто, на виду у всех.

Я смотрю на неё и не могу оторваться. А что говорить о мужчинах, которые встретятся на её пути? Как тяжело, наверно, носить такую красоту! Красота – это награда? А может, испытание? Или наказание? Как много вокруг будет алчущих этой красоты – этого богатства! Сколько разбитых сердец, поломанных судеб появится у её ног! Какое число завистливых женщин начнёт вставлять палки в колёса! А сколько соблазнов-мышеловок повстречается на пути этого хрупкого создания! И принесёт ли эта красота ей счастье, а душе – умиротворение? Позволит ли состояться этому цветку, наконец, как личности?..

Вспоминается известное: «Красота спасет мир». А может ли вот такая красота спасти мир? Или она способна только разжечь войну? Где найти то спасение, которое даст эта красота? Не обожжёт и не иссушит ли она саму обладательницу и окружающих её людей?

Мысли возвращаются ко дню сегодняшнему. Один телеведущий сравнил ковидную ситуацию с военной. Если так, то что может остановить на планете распространение «тихой» войны – войны коронавируса против человечества? И способна ли противостоять чуме двадцать первого века такая красота?!

Автобус мерно трясёт на колдобинах. Водитель старательно объезжает выемки на асфальте, при этом внутренне чертыхаясь. Эту дорогу уже третий год собираются отремонтировать, но воз, как говорится, и ныне там. Как тут не ругаться, не сжимать кулаки от гнева?!

За окном мелькают стволы сосен. Лучики солнца играют на коре, придавая ей янтарный отблеск. Тонкая берёзка, склонившись над дорогой, щедро осыпает проезжих золотом. В лесу ещё свежа зелень разнотравья, которая радует глаз, привнося умиротворение. И на душе от такого благолепия становится покойно, что-то незначительное теряется в дебрях негодования. Мы едем дальше...

Дарья ФОМИНА

г. Балашиха, Московская обл.

Фомина Дарья Александровна. Родилась 1 ноября 1986 года в городе Ногинск Московской области. Окончила факультет русской филологии Московского государственного областного университета, курсы литературного мастерства в Creative writing school: курс нон-фикшн Е. Ляминой и курс по написанию эмоционального рассказа М. Кучерской.

Член редакционной коллегии журнала «Северо-Муйские огни» (отдел прозы).

Паксил

Рассказ

Когда Димка уехал, Лера три недели лежала лицом в подушку, не ходила в универ, наплевав на возможное отчисление. Не спала, не ела. Иногда Лера открывала ВКонтакте Димкину страничку. Был час назад. Был двенадцать часов назад. Был вчера... В мессенджере «Telegram» двадцать сообщений от подруги и сестры... На телефоне пять неприятых – от мамы. От Димки – ни одного...

В субботу зашла подруга, упорно колотила маленькими изящными кулачками в дверь.

– Ууу, как тут всё запущено, – протянула Маринка, увидев расстеленную кровать, кучу нестиранного белья на полу и давно не мытые волосы подруги. – Знаешь что? Хорошо бы тебе начать принимать флуоксетин. А лучше паксил, – сказала она задумчиво и со знанием дела. Ещё бы, Маринка – дипломированный врач-психотерапевт как-никак.

Маринка собрала грязное бельё, по-хозяйски запустила стиральную машинку, включила робот-пылесос и ушла. Лера села на кровать и почувствовала невыносимый голод. Она не могла вспомнить, когда ела в последний раз. Вчера? Позавчера? На прошлой неделе? На нижней полке холодильника Лера обнаружила батон колбасы. Она схватила его, не глядя вспорола ножом упаковку и жадно впилась зубами, глотала почти не жуя. Немного насытившись, Лера подержала кусочек на языке. Колбаса была горькая и склизкая. Леру стошнило.

Во вторник вечером прибежала сестра, кричала, что не понимает, как можно не брать трубку сутки, как можно быть такой чёрствой и заставлять волноваться маму. Лера соврала, что сломался телефон.

– Кстати, зацени. Новые духи себе купила, – сказала сестра, немного успокоившись. Она приснула Лере на руку из стеклянного пузырька.

Этот запах Лера помнила очень хорошо: душный июль, бабушкин огород, полевая дорога, горькая лебеда, расстеленное на ней старое пальто, молодые кусты картошки, под солнцем казавшиеся янтарными... И на них маленькие полосатые арбузики – колорадские – и креветочно-розовые личинки с маковыми зёрнышками лапок. Лера с сестрой собирали их в банку с водой, потом выливали на землю и топтали. Оранжевая вонючая жижа лилась из их раздавленных брюшек... Вот так сейчас пахли духи – раздавленными колорадскими жуками. Лера почувствовала, как тошнота поднимается к горлу.

– Помнишь? Так пахло в детстве, – восторженно тараторила сестра. – Я не помню, что именно, но это точно что-то из детства...

Сестра убежала вниз по лестнице, стуча каблучками и оставив после себя шлейф из колорадского аромата. Лера отодвинула занавеску и посмотрела на улицу. За окном склонили головы с тёплым оранжевым светом фонари. Чёрные, белые, красные автомобили, как покрытые блестящим хитиновым панцирем жуки, медленно ползли по двору, шевеля дворниками-усами. Мокрый после дождя асфальт блестел, как чёрная паюсная икра. Панельная девятиэтажка напротив, днём всегда напоминавшая Лере плитку белого шоколада, в сумерках стала похожа на новогодний адвент-календарь – много квадратиков-окошек, одни уже вскрыты, светятся, зияют пустотой. А другие ещё закрыты, темны, хранят тайну, и внутри них лежат сладкие кусочки.

Лера открыла «Telegram». Димка был онлайн. Она не выдержала и набрала непослушными пальцами: «Дим, привет. Ты как?»

В животе зашевелился голод. Лера вздохнула и потянула ручку холодильника, стала внимательно рассматривать его содержимое. Молоко, селёдка, крабовые палочки, огурцы, батон хлеба, печенье, вафли, сыр с белой плесенью, сыр с голубой плесенью, соевый соус, яблоки, хурма, мандарины, девятипроцентный творог, пломбир, шоколадка с орешками, шоколадка без орешков... В животе заурчало, и перед глазами поплыло...

Через час Лера очнулась и огляделась. Она сидела за кухонным столом. На настенных часах стрелки устремились в полночь. Живот сводило от боли. Он был как туго надутый мяч – вот-вот не выдержит и лопнет. Не хотелось шевелиться. Не хотелось думать ни о чём.

Год назад Лера ехала в маршрутке-«букашке», смотрела в окно. Лучи солнца падали наискосок, как линеечки в тетради по русскому. На окне висело распечатанное на цветном принтере объявление с какой-то рекламой. Лера перечитывала в четвёртый раз одни и те же строки, но не понимала ни слова – мыслями она всё ещё оставалась на пыльной остановке, на которой её провожал Димка. На губах ещё оставался солоноватый, с запахом табака, вкус его губ, на коже – мускусный аромат его духов. В книжках про любовь, которых за первый курс филфака Лера перечитала целую гору, было что-то про бабочек в животе. Лера думала, что у неё будет так же. Но

никаких бабочек, да и других насекомых, в её животе не завелось. Зато мир вокруг стал ярче – как будто кто-то взял кисточку и раскрасил всё в яркие цвета.

Потом были ссоры, примирения, долгие прогулки по Москве. Лере больше всего запомнился день в конце августа. Было душно и солнечно, но внезапно небо потемнело, набухло, как хлебный мякиш. Провожая её до дома, Димка крепко сжимал её руку, целовал на ходу. Они не боялись попасть под дождь, но всё же невольно ускорили шаг. Возле помойки, подчиняясь порывам ветра, взлетал, падал и снова взлетал грязный целлофановый пакет. На фонарных столбах, как на перевёрнутых хоккейных клюшках, чернели вороны. Одна из них вертелась на месте, будто исполняла какой-то магический танец, и тревожно покаркивала. Наконец, ливануло, и капли со стуком повалились с неба, как сушёный горох. Лера прижалась к Димкиной груди, когда они с хохотом вбежали в подъезд. Они вдыхали запах прибитой к асфальту пыли, смотрели в открытую дверь, смеялись до колик в боку. Они ещё не знали, что закончится это жаркое лето, пройдёт безмятежная осень, наступит зима, а в феврале начнётся война.

– В Италию. Не в Рим, конечно, но и Триест сойдёт. Для начала. Квартиру на первые два месяца мне оплатят, – Димка подмигнул и показал язык. Они стояли на многолюдной улице, возле метро. Лера поёжилась – мокрый снег обжигал лицо и руки.

– Самолёт завтра в десять, с Шарика, – улыбался Димка. – Придёшь проводить?

Лера смотрела на лучики-солнышки по краям его глаз, на то, как Димка рассеянно крутил брелок с оранжевым бейсбольным мячом. Лера почувствовала, что мыслями он был уже там, на набережной Триеста. Не с ней. Ей хотелось сказать ему многое, но она всё никак не могла подобрать нужные слова и молча стояла, не зная, куда деть руки.

– Ну, всё, пока, – сказал Димка так легко, будто собирался отойти на минутку. Лёгкое объятие, еле уловимый табачно-мускусный аромат.

Февральский снег падал мокрыми овсяными хлопьями на Лерино лицо, таял, смешивался со слезами.

«Неужели вот так просто уйдёт?» – промелькнуло в её сознании.

Димкино длинное чёрное пальто всё удалялось, прыжками. Вскоре под снегом исчезла дорожка следов, будто здесь и не ступала Димкина 45-го размера нога. Вот он уже стал маленькой чёрной точкой посреди бельма на глазу Москвы и исчез за занавесом зимы.

Лера лежала на кровати и смотрела на Димкину страничку ВКонтакте. Был два часа назад. Её сообщение так и оставалось непрочитанным.

В дверь постучали. Потом ещё раз. И ещё.

– Ну кого там чёрт принёс? – пробурчала Лера. Пришлось вставать, тащиться в коридор. На пороге стояла Маринка, под курткой у неё что-то шевелилось.

– Я же говорила, что тебе срочно нужен паксил! – Маринка загадочно улыбалась, расстегивая молнию на куртке.

Из куртки вылезла короткошерстная ушастая головка. Глаза цвета горького шоколада смотрели на Леру внимательно и с любопытством. Розовый мокрый нос принялся активно обнюхивать воздух.

– Паксил!!! – Лера впервые за три недели рассмеялась, взяла на руки тёплое, мягкое, живое и прижала к груди.

Светлана ЧЕРНЫШЁВА

г. Вологда

Чернышёва (Чиркова) Светлана Николаевна. Родилась в 1979 году в селе Биряково Вологодской области. Окончила ВГПУ. В настоящее время работает в областной детской библиотеке. Публиковалась в литературных газетах (Вологда, Архангельск), в альманахе «Российский колокол», в журнале-студии «Листва», в журналах «Иван-да-Марья», «Детское чтение для сердца и разума», «Страна озарения», «Книжки, нотки и игрушки», «Простокваша», «Енисейка», «Новый Енисейский литератор», «Невский альманах», «Молоко», «Русская жизнь». Член Союза российских писателей.

Рассказы из цикла «Камушки желаний»

Без крыльев

Я решила залезть высоко-высоко. На крышу. Там самолёты с большими крыльями пролетают, над самой головой. Я бы им махала вслед и кричала: «С Гришкой не дружу! И с Петькой тоже!»

Вот так вот! Эти мальчишки ничего не понимают. Я им два часа доказывала, что птенцы в скворечнике ещё маленькие, летать не умеют, что крылья у них как пушок – торчат в разные стороны, не выросли, в общем. И кушать малыши ещё не научились, поэтому птица-мама им мошек в рот пихает, они только – ам! – и проглатывают.

Гришка с Петькой сначала со смеху повалились, а потом стали возражать:

– Как это они летать не умеют? Разве они не птицы?

Хорошо, что Петька только на земле валялся, зато Гришка на дерево полез – заглянуть, что там, в скворечнике, происходит.

– Свалишься и башку расшибёшь! – оглядывая огромную берёзу, предупредила я. – Вон как она на ветру качается, скрипит даже, что не стоит на неё залезать, да и внизу растёт жгучая крапива. И лопухи с колючками...

И вот, когда я так понятно всё объяснила, Гришка нарочно подпрыгнул и схватился за ветку, чтобы вскарабкаться на дерево. «Ой, – думаю, – плохое дело! Похоже, в скворечник ползет! Развалит, как медведь теремок из сказки. Из-за глупого своего любопытства...»

И стало даже страшно. С дерева послышался хруст веток.

– Ой! – завопил Петька, он оказался сообразительным. – Давай, спускайся, пока не поздно. Вдруг тебе птица в глаз клюнет?!

Но птица была занята собственными птичьими делами. А птенцы сами стали выглядывать, вытягивая шейки через окошечко скворечника, будто в гости Гришку приглашали.

– Слезай! – закричала я. – Не смей к малышам прикасаться.

Я даже Петьку за руку начала трясти: «Ну, что делать?!». Моё волнение мигом ему передалось, и он тоже прокричал:

– Айда, назад!

Только Гришка слезать и не собирался. Оставалось одно – трясти дерево, чтобы он испугался и спрыгнул.

– Ой! Ай! Теперь назло слезать не буду, прекрати меня стряхивать.

У меня косички дыбом на голове встали. От злости, наверное. И пока Петька за Гришкиными родителями бегал, я стояла и думала: «Птенцы-то летать обязательно научатся, а вот Гришка – вряд ли! Потому что упрямый по-глупому». Вот я, например, с самого начала знала, что с нашей крыши за птенцами наблюдать удобнее. Ещё бы! Там высоко и безопасно. И заслушаешься, как птенчики в скворечнике звенят красиво!

Забытая буква

С утра день не заладился. Я хотела в школу пораньше прибежать, а мама будильник нечаянно забыла завести.

Спросонок даже показалось, что сегодня выходной, и в школу идти не нужно. Хотя очень хочется. А потом оказалось, что нужно не идти, а бежать уже. И лучше галопом. Только тогда успеешь. Я так торопилась, что портфель дома оставила.

– Совсем без всего пришла? – поинтересовалась учительница.

Кто-то из ребят крикнул:

– Как ещё голову не забыла?!

– Она у меня всегда на плечах! – вздохнула я.

– А это мы сейчас проверим, – сообразила учительница.

Я сразу согласилась и к доске понеслась. Пусть спрашивает, не зря же я целый вечер уроки учила. Букву эту я быстро запомнила. Она посреди алфавита стоит и очень похожа на лавку, на которой старый дед Семён греется на солнышке. Нет, если подумать хорошенько – на ворота в конюшне. Туда вчера новую лошадку привели. Такую коричневую, с чёрными пятнышками. Шерсть прямо переливается, и грива тоже блестит. Так что букву эту можно где угодно найти. Вот парты тоже её напоминают...

И я быстро ответила:

– Если бы под партой ноги не болтались, то парта тоже похожа...

– На букву «П»! – закричали все хором.

Никто не виноват, что они такие нетерпеливые оказались. Это я потом, после двойки, решила, что другим можно и помолчать, чтобы мне самой додуматься.

Камушки желаний

Деревянный мост, качавшийся на толстых верёвках, был чудесным местом, на котором хорошо мечтать. А ещё любоваться хрустальной струйкой родника, бьющей из жёлтой от песка промоины.

Мне только-только исполнилось семь, и мир казался волшебным. Стоило появиться желанию: «А что, если?..» – и тут же могло возникнуть его воплощение: спешащая из магазина бабушка, с мягкой булкой в руках, или чёрный жеребёнок, выскочивший из конюшни на свежую травку. Всё случалось замечательно!

И так не вовремя в двух шагах от меня образовался Гришка. Раньше-то он только язык показывал, а теперь...

– Что толку на мосту тебе болтаться! – закричал сразу. – Ведь не умеешь...

– Всё умею, – заспорила я.

– Сама не знаешь, что говоришь! – подначил Гришка.

– Не переживай! Может, и знаю...

– Как бросать камушки с желаниями?

Я гордо отвернулась в другую сторону. Ненадолго, потому что Гришка стал карманы. Как будто там были конфеты, а потом потерялись. Такое вполне сделает человека несчастным на ближайшие двести лет. Но я его спасу.

– Нельзя конфет! – предупредила я, бросив на Гришку строгий взгляд. – Мама сказала, что от них все зубы сгниют, а это беда не на каких-то там двести лет, а на целую тысячу. Потому что зубной врач, сам понимаешь, живёт в городе, туда ездить замучаешься...

От таких моих слов Гришка зашатался на мостике, потеряв равновесие. Но быстро схватился за натянутые канаты.

– А я-то собирался научить её бросать камушки!.. Жадина-говядина! Это так здорово – загадывать желания под плеск воды. Как аплодисменты после симфонии, знаешь, по телевизору вторую неделю передают... Шестаковского...

– Шостаковича, – поправила я. – При чём тут желания?

Тогда Гришка соизволил всё объяснить по порядку. Оказалось, что ему понадобилась жвачка, просто из-за картинки. Такие вкладыши есть, с «утиными историями», которые он для коллекции собирает. И жвачка – это вам не конфеты – полезная для зубов, бабушка всегда мне покупает...

– Ладно, – согласилась я. – Всё равно я календарики собираю, с разными городами. И вкладыши-то мне совсем не нужны! Можешь волшебными камушками меня не обманывать.

– Ура! – завопил Гришка и схватил протянутую жвачку. И тут же запихал в рот, спасибо не сказав. А картинка-вкладыш улетела в водяную даль.

– Ну, вот, – поглядела я вниз. – Коллекционер тоже мне сыскался.

И вдруг сама захотела жвачку.

– Давай, – говорю, – ведь мы вроде собирались обменяться?..

Гришка немножко призадумался, даже жевать перестал.

– Мне твоя резинка уже разонравилась, могу и вернуть.

Эх, сколько я попадалась на его дурацкие выходки!

– Завтра принесу! – перебил мои мысли Гришка. – Схожу в магазин и запишу на мамку, у неё там колхозные карточки имеются. Можно каждый месяц товару набирать, в счёт зарплаты, – и улыбнулся победно, будто это чистая правда и ребятишкам позволят записывать всякую чепуху.

И ушёл. А я вспомнила, что нужно всё-таки научиться камушки с желаниями кидать, прямо на дно, чтобы булькнуло. Про которые Гришка болтал.

– Много-много жвачек! – крикнула я. – И чтобы Гришке дома хорошенько попало!

Но всплеска не было, понятно, что камушек не долетел. Что-то я разволновалась. Нужно сосредоточиться.

– Пусть всё плохое забудется!

И бросила! Бульк-бульк... Камушек попал туда, куда нужно... в золотистый песок, на самое дно.

Большой секрет

На уроке труда все девчонки мастерили открытки, а мальчишки в это же время очень шумно в замочную скважину подглядывали. Да ещё и подслушивали. Хорошо, что дверь не уронили! Так хотели узнать, что им на мужской праздник готовят.

Вот если бы они по домам разошлись, как положено, тогда бы получился самый настоящий сюрприз. А сюрприз – это лучшая вещь на свете, только вот, чтобы получить его, нужно совсем ничего не ждать. Или ждать, но очень незаметно. К сожалению, когда мы открытки с корабликами смастерили, про них уже вся школа знала. А мы-то мечтали, чтобы никто-никто не узнал. Ну, если только вахтёрша, бабушка Люся, это ещё туда-сюда, но ни одним человеком больше. А мальчишки все с ушами-локаторами и с лупоглазыми глазами. Вот так и стал наш секрет всеобщим!

– Эй! – крикнул Гришка, когда я из школы выходила. – И чего такая грустная – кораблик-поздравлялку потеряла?

– Нет, совсем не потому. Просто тебя жалко стало.

– Меня?.. – загоготал Гришка.

– Это ты пока, – говорю, – весёлый. А вот на уши на свои посмотри, и всё веселье улетучится.

– Почему? – удивился Гришка. – Уши как уши, немного горячие, но это от радости.

– Горячие, потому что слишком выросли. Сантиметров на пять лишних. А к весне – все десять будут. Скоро тебя со слоном путать начнут.

– Вроде, как всегда...

– Если подслушивать будешь, неизвестно, что вообще из тебя получится.

Гришка притих. А потом и вообще убежал. А разве лучше было бы сказать ему, к примеру: «Как не стыдно рассекречивать подарки»? Он нисколько бы не понял! Такое говорят взрослые, и в воспитании это не помогает. Правда, реветь начинаешь сразу. А Гришку доводить до слёз нельзя – это я давно заметила. И решила, что ему и подарю кораблик, который на открытку приклеила.

Про море

Это было на большой перемене. Все ребята котлеты побежали есть, а Гришка с Петькой в классе остались. Они на глобусе что-то искали.

– Где же эта речка? Не поймёшь, с какой стороны в море впадает!

Я, когда подошла поближе, всё поняла. «Ну, – думаю, – и балбесы! Неужели они нашу Стрелицу на глобусе решили отыскать?»

– Нельзя и представить, что можно её найти... На таком маленьком глобусе только самые огромные реки отмечены!

– Ну, вот, – расстроился Гришка, – нам же рассказывали, что всякая речка является частицей моря. Даже самая маленькая на свете, всё равно она к морю приведёт. Если по ней плыть долго-долго.

– Плавать так далеко не положено, – предупредила я. – Да и не факт, что речка в море впадает! Может, в озеро?

Петька покачал головой и согласился. Потому что такое на самом деле бывает. А Гришка опять за глобус схватился. Он боялся, что Петька передумает.

– А я и по нашей речке до моря доберусь.

И я про себя подумала, что мечтать не вредно, пусть себе глобус в разные стороны крутит. Приятно жить с мечтой.

Потом уроки закончились, и вечер наступил. А Гришку с Петькой родители потеряли. Вся деревня переполошилась, а чему тут удивляться? Они, всего скорее, решили проверить мечту. Тут моя мама поняла, о чём я задумалась, потому что принялась тормозить меня:

– Куда они подевались?

– В морское плавание.

– Очень хорошо! Решили, значит, мимо пиратских кораблей проскочить, и даже акулам в зубы не попасть?

Я, как про пиратов услышала, жутко перепугалась.

– Эти два балбеса к речке пошли! Пожалуйста, пусть они домой вернуться! Я с Петькой дружу! А с Гришкой – ещё больше!

Тут все взрослые отправились на поиски, с зажжёнными фонарями. А я неожиданно свернула к роднику, словно почувствовала – мечта и желание всегда рядом... Нужно просто научиться ждать! И не беда, что сегодня ни вёсел, ни лодок – нет. Мало ли. Вдруг в будущем... появятся большие корабли.

Тамара СЕЛЕМЕНЕВА

п. Развилка, Московская обл.

Селеменова Тамара Николаевна. Родилась на Кубани. Окончила Академию народного хозяйства им. Г. В. Плеханова.

Член Союза писателей России, литературного объединения «Точки» при Совете по прозе СП России (Москва). Участник литературной лаборатории «Красная строка», литературных объединений им. Ф. Шкулёва (г. Видное) и «Рифма+» (пос. Развилка). Публиковалась в местных СМИ, в «Антологии русской прозы» и «Антологии русской поэзии» (2020 – 2024), журналах и альманахах. Лауреат ряда фестивалей, премии «Золотое перо Московии» и национальной премии «Писатель года 2024». Автор книги стихов и 4 книг прозы. Одна из учредителей премии «Искусство слова», ответственный секретарь альманаха «Литературные встречи».

Положительные моменты

Рассказ

Наконец, после холодов и дождей, установилась отменная погода. Настоящее лето дышало жарой, обжигало, плавало асфальт. Очень кстати вчера Наталья забрала у портнихи готовое летнее платье. Мира постаралась, сумела выполнить задумку заказчицы, и платье получилось воздушное, свободно струящееся книзу. Оборки на кофточке и на подоле не только не полнили, они, наоборот, создали необыкновенно элегантный силуэт.

«Схожу-ка я за покупками и обновку прогуляю», – решила Наташа, надевая платье. Подобрала босоножки в тон, сумочку и в отличном настроении достала пудреницу, посмотрела в зеркальце, припудрила носик, поправила причёску, заметив про себя, что короткую стрижку сделала не зря – она ей к лицу. Затем чуточку подвела глаза, коснулась помадой губ, взглянула ещё раз в зеркальце и, вполне довольная собой, отметила, что выглядит совсем неплохо.

Зашла в комнату к мужу, повертелась перед ним, взметнув оборки на подоле.

– Стас, я в магазин.

Муж оторвался от планшета и чмокнул её в щёчку.

– Давай, возвращайся скорее.

– Ты хоть платье моё новое видишь?

– А как же, конечно, вижу. Очень красивое!

Наталья ехала на своём фольксвагене, мурлыча весёлую мелодию и кокетливо поглядывая на проезжающие мимо машины. По пути в супермаркет завернула на заправку, датчик показывал, что бензобак почти пуст. Она лихо подкатила к колонке и с улыбкой на лице вышла из машины.

– Девяносто пятый, до полного бака, пожалуйста, – бросила на ходу заправщику и направилась оплачивать.

Встречные мужчины посматривали как-то странно-внимательно, а затем отводили глаза.

«Глянь, прямо-таки крышу сносит у мужиков. Во дела! Стоило только чуточку принарядиться... Давненько такого не бывало», – усмехнулась Наталья, приосанилась и горделивой походкой проплыла к кассе.

На кассе работал мужчина средних лет. Назвав номер её колонки, он неожиданно вышел из-за стойки и направился к Наталье. Его глаза искрились улыбкой.

– Не хотите ли пройти в санитарную комнату? – вдруг спросил он тихонько, наклонившись к самому её уху.

– А не хотите ли придумать что-нибудь пооригинальнее? – так же тихо ехидненько ответила женщина. А про себя подумала: «Вот ещё, неудавшийся Дон Жуан».

– Дама, взгляните, у вас что-то с платьем не так, вы его, кажется, наизнанку надели. Там можно его переодеть, – добавил он.

Сказать, что её бросило в жар, значит, ничего не сказать. Казалось, закачался пол, она едва удержалась на ногах и поспешила в туалет. Зеркало, словно насмехаясь, показало изнанку рисунка на ткани платья, а также множество швов и ниток. На плечах нелепо, словно раскрытые ракушки мидий, топорщились подплечники.

Женщина лихорадочно передела платье правильно и стремглав выбежала к машине, забыв расплатиться. Она упростила попытавшегося остановить её заправщика взять оплату наличными и умчалась домой. Без покупок, поскорее от насмешливых взглядов.

«Да что же это такое, так оскандалиться. Удачненько прогулялась!»

Наталья влетела домой, зло хлопнув дверью.

– А ты куда смотрел? – прокричала мужу с порога. – Ты хоть видишь, в чём и как я выхожу? Шиворот-навыворот, набекрень или ещё как!? Чужие мужики увидели, а ты – нет! И вообще, ты что-нибудь, кроме своего пасьянса в планшете, замечаешь?

– Куда смотрел, куда смотрел... В твои глаза, голубые, бездонные, я смотрел, золотко. И тонул, как всегда.

После этих слов он нежно обнял жену:

– Натюля, не огорчайся! В этом есть и положительные моменты, они ведь есть в любой ситуации. Давай посмотрим с другой стороны. Сколько мужского внимания ты сегодня получила! И всё благодаря этим одетым наизнанку оборочкам на кофточке.

Галина СТЕЦЕНКО

г. Москва

Родилась в Донецкой области. Живёт в Москве. Пишет стихи, прозу, произведения для детей. Автор 6 книг и многочисленных публикаций в журналах и альманахах. Лауреат международных литературных конкурсов: «Золотое перо Руси», «Славянские традиции», «Славянская лира», «Интеллигентный сезон», «Русский Стиль», «Большой финал», «Созвездие духовности», «Перископ», «ЛитКузница», «Лебеди над Челнами», «Уральский книгоход», «Под небом рязанским», «Фрегат на литературной волне», «Лебедь Белая» и др. Член Союза писателей России, Международного творческого объединения детских авторов.

«Надо успеть!..»

Рассказ

Просматривая чаты в смартфоне, Соня быстро перелистывала открытки с кошечками, собачками, цветочками. Многие видео и тексты она открывала и тут же удаляла за ненадобностью.

Взгляд её задержался в группе «Мамы и дети» на сообщении от Вероники: «Кто сможет отвезти меня завтра в больницу к десяти утра? Я в инвалидной коляске. Поликлиника недалеко от моего дома. Это очень важно! Очень!»

Это известие ошеломило Соню. В инвалидной коляске... Невозможно поверить! Соня познакомилась с Вероникой в парке на детской площадке – их дети одного возраста. Вероника запомнилась ей энергичной, красивой, отзывчивой. К ней всегда подходили женщины, чтобы пообщаться.

– Ты опять в новом... – ахнула одна из мамаш, рассматривая её со всех сторон.

Вероника демонстрировала комбинезон с голубым платочным принтом, с V-образным глубоким вырезом:

– Тренд лета. Пришло время показать свои достоинства...

Этот наряд добавлял голубизны её серым глазам и эффектно смотрелся на её высокой стройной фигуре, лёгкая ткань облегла крупную грудь и широкие бёдра, а пояс подчёркивал узкую талию.

– Шикарно! – Соня присоединилась к одобрительным возгласам женщин и бросила взгляд на свои непримечательные бриджи, белую футболку и тут же поспешила к горке за дочкой.

Каждый раз, если Вероника на площадке, разносились её заботливые советы на разные темы. Каких только вопросов ей не задавали! Какими блюдами удивить гостей в день рождения? Как розы из букета посадить в грунт? Какие интересные фильмы посмотреть? Как быстро похудеть на пять килограммов?..

– Чего ты только не знаешь?! – восхищалась Соня. – Как ты всё успеваешь?

– Надо быстрее шевелить конечностями и мозгами. Подгонять себя, тогда будешь успевать.

С приходом осени они реже виделись, а зимой и вовсе не встречались. От Вероники только прилетали в группу сообщения: «Модный маникюр», «Витамишки для детишек», «Как продвинуться в бизнесе», «Правила жизни»... Если телефон сигнализировал – знай, от неё.

«Сколько в ней энергии и желания помочь людям! А теперь сама нуждается в помощи. Кто-то, оказавшись в инвалидной коляске, отстраняется от мира, прячется, словно в коконе, погружаясь в уныние, а Вероника не из тех».

Не раздумывая, Соня ответила ей: «Я смогу. Работаю в ОЗОНе по графику «два через два», завтра – нерабочий день. Куда подъехать?» Обычно она плотно загружала выходные планами, но теперь решила их отодвинуть.

Вероника прислала адрес с кодом входной двери подъезда и номером этажа.

Утром, отправив старшую дочь в школу, а младшую – в детсад, Соня спешила к Веронике. До её дома пару остановок автобусом. Вышла заранее, но, как назло, автобус перед носом захлопнул двери и уехал, а маршрутка пролетела мимо. «Как бы не опоздать... Это очень важно!» – колотились её мысли и сердце.

Второпях она подошла к квартире, глянув на часы телефона. Не опоздала. Дверь открыла Вероника. Длинные, смоляные, собранные набок волосы подчёркивали бледную кожу лица. Вероника стояла слегка согнувшись, опираясь на шкаф в прихожей, в коричневом платье классического делового стиля, с необыкновенной подвеской на цепочке, которую Соня не успела рассмотреть.

– Наконец-то! – воскликнула Вероника и медленно повернулась к ней спиной. – Молнию застегни!

Соня бросила сумочку на тумбочку. И потащила язычок молнии вверх, на полпути он остановился, но, подёргав его вниз-вверх, довела до конца, и платье облекло фигуру.

– На стул помощи сесть! И колготки скорей надень! – Вероника показала рукой на пакет с колготками, лежавший рядом на инвалидной коляске. – Мне наклоняться тяжело...

Соня усадила её на стул и извлекла из упаковки колготки.

– Скорей! – Вероника подала ей ногу.

Пальцы Сони суетились, поправляя и натягивая на одну, потом на другую ногу нелегко поддающееся изделие. Вспотев от спешки и волнения, Соня в сердцах высказалась:

– Додумалась: такое платье и колготки! Могла бы что-то попроще надеть: брюки с кофточкой, например... – и невольно глянула на свои джинсы и серый свитер.

– К главврачу еду!

Соня глянула из-под прядей взъерошенных волос, не поняв объяснения, и хотела спросить «Соблазнять что ли?», но воздержалась. А Вероника продолжила:

– Известно, встречают по одежке. Я не хочу, чтоб он подумал, что я такая простая, что ничего собой не представляю. Я не такая. И тоже многое знаю и могу. И мой внешний вид должен этому соответствовать... Надо не опоздать! Скорей, туфли!..

Помощница схватила стоявшие у двери чёрные туфли-лодочки на низком каблуке.

– Не эти! На шпильке давай!..

Соня ничего не знала о судьбе этой женщины, и было неловко выяснять подробности, что привело её в инвалидную коляску. Но, пока они закрывали дверь квартиры, вызывали лифт, спустились с шестого этажа на первый, Вероника сама поделилась.

– Мне так не повезло, что я попала к этому врачу... Максимов. Молодой, щупленький, в очках, на студента похожий. Совершенно неопытный! Из-за него я в инвалидном кресле... Диплом купил и взялся лечить. Как такому можно доверять? Кого он может вылечить? Никого!

– Да разве можно продавать и покупать дипломы?! Тем более на такие специальности, от которых зависит жизнь человеческая? – Соня вывозила Веронику из дома на тротуар. – Да на любые – нельзя!

– Теперь мне сделали операцию, и после неё я превратилась в инвалидку – у меня ужасно болит спина... И меня опять продолжает лечить он, этот недоученный! Мне надо правильный диагноз поставить, а потом лечить. А он не смог и лечит... залечит... А вдруг мне ещё хуже станет?! Вдруг... У меня же четырёхлетний сын и старший – только в седьмом классе. Как они без меня?.. На мужа надежды нет! Где вот он? Когда я была на операции, он сидел с детьми. И куда смотрел? Младший разбил банки с вареньем и с огурцами... А старший нахватал двоек...

Действительно, грустная история. Болезнь навалилась на женщину; и, будто под прессом, согнулась её фигура; и теперь разрушается ранее слаженно выстроенный семейный уклад. Как ей спастись от болезни и уверенно двигаться дальше? Что здесь посоветовать, как успокоить? И не на

кого ей понадеяться: ни на лечащего врача, ни на мужа... А жить надо, в первую очередь ради детей, и она старается.

– Скорей! Надо успеть! – гремели её фразы на фоне шума снующих автомашин.

«Да, конечно, во что бы то ни стало надо не опоздать к главврачу: встреча с ним – единственная надежда, он может помочь поставить верный диагноз, назначить нужное лечение, и тогда болезнь отступит», – Соня стремительно катила коляску вперёд. Дорогу! Расступайтесь, прохожие!.. Но... невезение! – ремонт тротуара. Объезд по кочкам.

– О-о-ой! – Вероника завопила во всё горло. – Надо успеть!

– Ну у тебя и голос! Горланишь – на конце улицы слышно! – перевела дыхание сопровождающая.

– Я окончила курсы «Техника речи». В юности стихи со сцены читала, в конкурсах побеждала... Потом в автомобильный пошла учиться... Скорей! Дело у нас очень важное...

Красный свет светофора. Эх, не успели проскочить!.. Длинные секунды... Наконец-то зелёный! Замелькали полосы зебры, завращались колёса коляски быстрее и быстрее, понеслись мимо стволы каштанов.

В поликлинику въехали. К лифту! Ожидание лифта – минуты отдышки Сони. Двери лифта открылись.

– Вези меня!

Пассажиры на выходе поторопились, а стоявшие посторонились. Въезжай, неуклюжая коляска!

– Нам срочно! Я записана! Вдруг он уйдёт... – кричала она в длинном коридоре по направлению к приёмной главврача. Все расступались, замолкали. – Если опоздать, может не принять...

У кабинета главврача их остановила секретарь.

– Подождите... Вы на какое время записаны?..

– На десять.

– Так это через час. Ожидайте.

Дождались. Войдя в кабинет, подъехали к столу. Вероника достала из сумочки визитку и положила на стол перед главврачом.

– Я диспетчер такси. Могу проконсультировать по вопросам сервиса, в максимально короткие сроки передать заявку на исполнение. Обращайтесь, помогу, – чётко выделяла каждое слово и, сделав короткую паузу, добавила: – И вы мне помогите.

– Слушаю. Что привело вас ко мне? – молодой главврач с проседью в тёмных волосах пристально посмотрел на неё.

– Первый раз я попала к Максиму. Он молодой... Понятно, что неопытный... Вы помогите поставить диагноз и получить правильное лечение, – она подчеркнула слово «правильное». – Мне очень надо... У меня дети, я им нужна. Понимаете?

– Понимаю. Фамилия ваша?

– Жукова.

– Так... диагноз Максимов поставил вам ещё в марте... – он скользил сосредоточенным взглядом по экрану компьютера. – И назначил лечение... Вы принимали лекарство?

Она заёрзала в коляске.

– Я же вам объяснила. Он молодой... Неопытный...

– Ещё раз спрашиваю. Вы принимали прописанные препараты?

– Нет. Мне надо правильное лечение... – произнесла она тихим голосом.

– Оно правильное, – ответил он уверенно, оторвался от компьютера и перевёл на неё пристальный взгляд. – После операции вам тоже назначили лечение. Если вы опять проигнорируете, то состояние ваше может ухудшиться.

– Я же работала. Столько заявок постоянно... Мне не до лечения было! – хлётко выпалила она и тут же сбавила тон: – Я буду, буду принимать. Буду.

Они выехали из кабинета. И двигались неспешно и молча. На улице у порога к ним подошёл высокий, широкоплечий мужчина в джинсах и полувере, как оказалось, муж Вероники.

– Что же ты меня не подождала? Я отвёз сына в детсад, вернулся домой, а тебя нет...

Соня передала ему коляску и направилась в противоположную сторону. Сосало под ложечкой. Она вспомнила, что не успела позавтракать. Мучила жажда. Соня достала из сумки бутылку с водой, отхлебнула побольше и с силой бросила её в урну, чуть не опрокинув мусор. «Ну почему, почему, стараясь многое успеть, мы упускаем самое главное в своей жизни?..» В голове Сони звучали слова Вероники: «Надо успеть!..»

Лидия ПАЩЕНКО

г. Омск

Пашенко Лидия Николаевна. Родилась в д. Любимовка Исилькульского района Омской области. Окончила Московский институт НХиПП им. Губкина. Работала ведущим инженером в Институте проблем переработки углеводородов Сибирского отделения РАН. Член Омского областного литературного объединения им. Я. Т. Журавлёва. Публиковалась в антологиях произведений омских писателей «Годовые кольца» (2012), сборниках «Журавлиный оклик» (Омск, 2013) и «Журавлёнок», альманахе «Тарские ворота», журналах «Иртыш-Омь», «Преодоление», «Саксагань» (Кривой Рог), «Северо-Муйские огни» (Бурятия), а также в поэтической антологии «Когда сильна уверенность в тебе. Омск. XXI век» и антологии стихотворений поэтов омского Прииртышья «Пространство стиха» (Омск, 2022). Стихи вошли в серию миниатюрных книг, посвящённую 300-летию г. Омска «Поэтическое слово. Омские поэты. Антология» (Омск, 2016). Автор ряда книг стихов и прозы. Литературный редактор журнала «Иртыш-Омь».

Чёрный кот на зелёном ясене

Рассказ

Памяти Л. М. Татановой

«Чёрный кот на зелёном ясене» – так бы вы назвали милую мне картину. Основной колорит – зелёно-чёрный: ясень являет всевозможные весенне-летние оттенки зелёного. А чёрный, в смоль, валяжный кот на этом фоне лишь сильнее притягивает взор. С основным тоном деликатно перекликается зелень ободка на котовой шее (чтобы не перепутали нашего с дикими проходимцами).

На мой вкус, для полной гармонии не хватает золотого, ибо триколор «зелёный-чёрный-золотой» – мой любимый. Впрочем, щедрая осень вносит желанные поправки. Про зиму речи нет: коты прячутся, картина выцветает. Время от времени и в композиции что-то меняется: иногда – едва заметно, иногда – весьма.

Простое обрамление – белый багет стандартного оконного переплёта – делает картину интимнее и даёт зрителю иллюзию личного обладания ею.

Замысел же Художника нам не ведом... – трактуйте, мол, сами.

Теперь о персонажах.

Ясень (да что вы!) – старый дружище с момента моего вселения в дом. Тогда его молодая кучерявая макушка качалась на уровне второго этажа, где обживалась квартира, а трепетные ветки тянулись прямо в окно. Ясно-понятно: любопытствует, а то и дружбы ищет. А мне, чужачке, мне ведь тоже надо обзавестись родной душой на новом месте. Сладилось быстро: трудности перевода преодолены. Моя личная жизнь для ясеня – нараспашку. И далее обряды наши, почти языческие, посвящались ежедневно: утром – Солнцу, вечером – звёздам. Тонкости вам знать ни к чему. Со временем ясень дотянулся до верхних этажей, но мы с ним по-прежнему на дружеской ноге.

Интересно вот что: деревья-сверстники его, что вдоль дома, от моего ясеня не особо отличаются, но ничего привлекательного на них не происходит. Мой же – как мёдом намазан. Сороки-вороны, присмотрев сухие веточки, непременно отломают и стачат их на постройки, а то и просто ковыряются в коре. Птичья мелкота зачастую устраивает весёлый танцпол. Для разномастных кошачьих ясень – то ринг борцов, то сторожевая вышка, то место спасения от более сильных противников, а когда и просто лавочка для отдыха. Может быть, причина такого притяжения в удобном расположении ветвей, может, в нечто скрытом от человеческого понимания, что чувствуют только чистые твари Божии, а не мы, грешные рационалисты...

С чёрным котом история другая. Коты и люди, как известно, – представители разных Вселенных. Наблюдать за котами, что астроному за звёздами, – в трепет. Кот, если честно, – вовсе не мой, и не со мной, в отличие от ясеня, дружбу водит.

Впрочем, на мой ясень он перебрался после печального для нас обоих события...

Моя новая приятельница Любовь Михайловна тоже проживала на втором этаже, только в другом подъезде. Её жизнь была полна обычных радостей и горестей русской женщины; в чём-то наши судьбы перекликались. Я тянулась к ней, словно к старшей сестре: родная душа, добрая моя попечительница-опора. Мне тогда случилось оказаться одиноко-беспомощной в очень затруднительной ситуации, и помощь от неё пришла настолько естественно, органично... Истинно по-христиански. Есть ведь такие люди, что наделены от природы обострённым чувством сострадания и справедливости и, главное, стремлением к их деятельному проявлению. О Любви Михайловне надо бы написать отдельный рассказ, а то и повесть, ведь встретить столько чудесных качеств в одном человеке – редкость...

Любовь Михайловна содержала дворовую столовку для кота с его соплеменниками, помимо того обихаживала скромный палисадничек. В продолжение нашего знакомства она оказалась интересной собеседницей, гостеприимной хозяйкой и вообще мудрой женщиной. Притом, несмотря на её возраст – к 80-ти – на неё было отраднo любоваться: статная, несуетливая, с ясным взглядом серых глаз на чуть полноватом лице, с непритворной улыбкой, аккуратно, неброско, но со вкусом одетая. От неё исходил явно ощутимый ток светлой силы...

Кот предпочитал лазать на деревья именно напротив её окон. Бывало, возится Любовь Михайловна в своём палисадничке, а кот наблюдает за благодетельницей с дерева сверху – сколь угодно долго. Стоило только ей направиться к подъезду, кот, словно поползень, головой вниз

соскальзывал с дерева и – вслед почётным эскортом с торжественно поднятым хвостом. На меня он своё благосклонное внимание не распространял.

Вообще-то жаль, что многие картины с участием кота пропущены из-за вечной занятости и непривычки «рассиживаться» (это у меня от мамы) во дворе с «информаторами» – старушечьим ТАСС и трибуналом в одном лице. Да и в окно впустую пялиться не привыкла, разве что услышав громкую перебранку четверолапых или взрыв карканья и стрёкота двукрылых.

Из памяти выпало: какое из двух событий предшествовало одно другому? Есть разница в осмыслении связи их именно с очерёдность случившегося. Но то и другое – было потерей. Ни с того ни с сего спилили коммунальщики дерево напротив окна Любви Михайловны (остальные, того же возраста, почему-то не тронули). Скоропостижно – без всяких предварительных симптомов болезни – за сутки скончалась наша с котом берегиня.

Старшая по дому принесла весть как гром небесный.

Мурным днём позднего ноября вынесли гроб, поставили у подъезда на какие-то козлы из грубо сваренных трубок. Провожающих было немного – рабочий день. «Скажете слово?» – спросили. Не смогла: горло словно цементом залепило. Кот был среди нас; он тёрся головой о ножки гробовой подставки, беззвучно и широко открывая рот. Его отгоняли, он снова и снова принимался за обряд прощания. Зрелище было едва переносимым, до озноба...

...Следующей весной кот появился на моём ясене. Однажды он сделал робкую попытку сближения, но я, переломив себя, как чёрствую хворостину через колено, уклонилась. Такие испытания мне уже не под силу...

...А жизнь идёт чередом: гомон, щебет, ор на ясене, который повидал на своём веку, может быть, не меньше моего. Я же всё чаще подхожу к окну.

– Эй, вы только посмотрите: кот, выбрав удобную развилку на дереве, расслабленно расположился для медитативного отдыха. Но не тут-то было: хамоватая ворона, покачавшись на ветках соседнего дерева, примерилась и перекинулась к ясеню. Села на край ближней ветки, повертела башкой, порхнула к коту, – ну не тварь ли? – клюнула его в мягкий кончик хвоста и, трусливая, отскочила назад. А кот? – Э! – Мы выше этого! – Он только усами и тряхнул презрительно. Ворона же, совершив ещё пару-тройку безуспешных провокаций, улетела по другим птичьехлопотным делам...

Татьяна МЕДИЕВСКАЯ

г. Москва

Коренная москвичка, драматург, член Союза писателей России, Национальной ассоциации драматургов, участник литературного объединения «Точки» и Лондонского литературного клуба. Окончила МХТИ им. Д. И. Менделеева, Патентный институт, Высшие литературные курсы литинститута им. А. М. Горького. Автор ряда книг стихов, прозы и пьес.

Публиковалась в журналах «Юность», «Русский пионер», в альманахах «Академия поэзии», «У Никитских ворот», в ежегодных коллективных сборниках «Точки», «Русский стиль», «Лучшая одноактная пьеса», в онлайн-журналах «Клаузура», «Вторник», «Что есть истина?». Дипломант международных литературных и драматургических конкурсов.

«ROZENKRANZ»

Рассказ

В большом московском дворе в центре стоит ветхая деревянная беседка, вокруг растут старые липы и густые кусты сирени и акации.

Светка в конце апреля, когда только появится из оттаявшей земли нежно-зелёная травка, устраивала под липами «секреты» или «клады»: разрывала совочком в земле небольшую ямку, стелила на дно серебристую обёртку от фантика, на него выкладывала «драгоценность», а сверху закрывала обломком стёклышка, промытого в весеннем ручейке. Налюбовавшись «чудесным кладом», Светка всё аккуратно засыпала землёй. Через несколько дней она отыскивала свой «секрет» с непередаваемой радостью. Но случались и разочарования. Один раз Светка не смогла отыскать зарытый серебряный царский рубль, а в другой – бабушкину медаль в честь 800-летия Москвы. Наверное, их забирали гномы...

Свете шесть лет. С самого рождения она живёт с бабушкой Лизой и дедушкой Аристархом. Родители девочки молоды и прекрасны. Они работают, учатся и навещают дочку только по воскресеньям, потому что живут отдельно в деревянном бараке, где, как говорит бабушка, нет никаких условий для ребёнка.

Света живёт в большом каменном доме в первом подъезде, на пятом этаже, в коммунальной квартире. В их комнате главное место занимает рояль – бабушкино приданое.

Старинный лакированный рояль блестит, как шоколад «Эскимо» на палочке, когда его облизываешь. Светка любила мороженое, и до такой степени, что, когда ей бабушка с дедушкой покупали платье или ботинки, она всегда с сожалением пересчитывала, сколько на эти деньги можно было бы купить «Эскимо». В изгиб рояля удачно вписывается круглый обеденный стол, а остальная мебель, по моде тех далёких лет, купленная на Сухаревском рынке, жмётся по стенам. До войны вся квартира принадлежала семье Светы. Их дом построен в 1925 году – чуть ли не первый нэповский кооперативный дом в Москве. Дед перед женитьбой приобрёл в новом доме просторную трёхкомнатную квартиру. Потом их «уплотняли», сосед писал на деда доносы, что тот японский шпион, но деда спасало его крестьянское происхождение. Во время эвакуации квартиру захватили «милые соседи», но одну комнату деду с трудом удалось отсудить.

«Милые соседи» – Нюрка с Петькой – нередко вылавливали на общей кухне мясо из щей, приготовленных бабушкой, наливали «случайно» воду в детские валенки, поставленные сушиться на батарею в ванной, нередко тушили свет в уборной, когда туда заходила Светка. Но обходилось без скандалов.

Светкина новая подружка Ритка проживает в третьем подъезде вдвоём с мамой в прекрасно обставленной большой комнате. У них всего одна соседка, но какая! С ней в комнате обитали кошки: двадцать или даже сорок.

Соседка у Риты самая настоящая, страшная-престрашная старая ведьма, и все дети во дворе её ужасно боялись. Старая Карга всегда сидела на скамейке перед подъездом вся скрюченная, в чёрных одеяниях-лохмотьях, руки в чёрных засаленных, рваных на кончиках пальцев перчатках, одной рукой опиралась на деревянную палку-клюку, а другой всё время нервно трясла перед собой: то ли крестилась, то ли отгоняла невидимых мух или чертей. Светке казалось, что старуха злобно оглядывает всех и особенно пристально смотрит на неё чёрными-пречёрными глазами. В третий подъезд невозможно зайти, не зажав рукой нос, такой жуткий стоял запах.

Однажды Светке купили новые светлые ботиночки. Ей не терпелось прогуляться в них – и рано утром Светка вышла во двор. Дети ещё не появлялись, и даже Карга не сидела на скамейке у подъезда. Двор утопал в весенней распутице – к беседке невозможно пройти, не испачкав обновку. А перед подъездом Карги весеннее солнце уже высушило квадрат ровного, гладкого асфальта. Светке захотелось тут же попрыгать в «классики». Она быстро расчертила клеточки на асфальте кусочком мелка, всегда лежащим в её кармане, и в упоении принялась прыгать.

Вдруг на неё пахнуло холодом, сыростью и жуткой вонью. Из дверей надвигалась, как привидение из подземелья, Карга; опираясь на клюку, она раскачивалась, и даже протянула руку, будто хотела обнять или схватить Свету. Глаза старухи слезились, но смотрели цепко, как у вороны. Карга зашамкала серым ртом и проскрипела глухо и низко: «Rozenkranz! Rozenkranz!».

Света вскрикнула и побежала домой на пятый этаж, перепрыгивая через ступеньки. Ей казалось, что Карга или её голос летит за ней по пятам и повторяет: «Rozenkranz! Rozenkranz!..»

Дома бабушка успокоила внучку. Но когда Света рассказала, какие слова выкрикивала Карга, бабушка как-то странно поджала губы, всегда ласковые её глаза взглянули испуганно и настороженно, подвижное лицо окаменело, как у статуи.

Увидев, что она этим испугала внучку и та сейчас опять расплачется, бабушка погладила Свету по головке, спела ей песенку про весёлый май: «Приди, весна, скорее, вернись к нам, светлый май, и травку и цветочки с весною пробуждай!» И даже пообещала взять её с собой к портнихе, где ей разрешат поиграть с курчавым пуделем Чаппи.

Ночью Света никак не могла заснуть. Только она закрывала глаза, как ей мерещилась летящая за ней, как ведьма, Карга. Бабушка несколько раз подходила к внучке, укрывала одеялом, целовала и крестила. Света уснула, но среди ночи проснулась. По стенам и потолку в свете луны угрожающе колыхались тени. Она услышала, как бабушка что-то выговаривала деду тихим шёпотом, но девочка ясно расслышала страшное слово «Rozenkranz» и незнакомое «Паола». Дед в ответ будто оправдывался и успокаивал бабушку.

Однажды Света во дворе в своём «секрете» вместо красной бусинки, завёрнутой в фантик от конфеты «Белочка», обнаружила чудесное кольцо с крупным зелёным камнем, вокруг которого радугой переливались мелкие прозрачные камушки. Света решила, что это её, наконец, так поблагодарили гномы за «секреты». Она долго носила кольцо в кармане, а потом забыла про него. Бабушка, когда стирала платье, обнаружила драгоценность.

– Откуда у тебя это кольцо? – спросила в изумлении бабушка. Света ответила, что это от гномов... Конечно, ей никто не поверил. Её не ругали, но в доме началось что-то странное.

На следующий день, хотя это было не воскресенье, прибежали вдруг родители Светы и без всякого повода подарили ей трёхколёсный велосипед. О такой дорогой покупке девочка не смела и мечтать. Свету отправили гулять во двор, где она хвасталась и «проявляла доброту», разрешая ребятам прокатиться от подъезда до беседки и обратно. Про кольцо и Каргу девочка, конечно, не вспоминала.

Вскоре наступил май. Москва, как настоящая красавица, окуталась лёгкой шалью цветущей сирени, и с восторгом вдыхала терпкие ароматы. Во дворах и скверах зацвели роскошные кусты,

облачно-белые, бледно-лиловые, тёмно-фиолетовые и даже ярко-розовые. В комнатах повсюду стояли вазы с сиренью.

В квартире Светы шумно праздновали день рождения бабушки Лизы. И, как у них в семье было заведено, после угощения гости собирались вокруг рояля. Папа Светы играл и пел прекрасным тенором, а бабушка Лиза со своей сестрой пели на два голоса сопрано. В открытое окно неслись звуки музыки: романсы и арии из опер.

Бабушка блистала кроткой красотой в бледно-голубом атласном платье, которое так шло к её серо-зелёным лучистым глазам. И все, а особенно дед, не сводили с неё восхищённых взглядов. Кто-то из гостей попросил исполнить итальянскую серенаду «О, выйди ко мне, Паола! Я буду ждать всю ночь!» Папа уже начал проигрывать, но бабушка почему-то побледнела, переглянувшись с дедом и вдруг резко оборвала папу, сказав, что сегодня её день рождения, и она желает спеть другой романс. Папа удивился:

– Мама, почему вдруг? Просили «Паолу»?

Но бабушка, сделав вид, что не услышала, сухим голосом объявила:

– Старинный романс «Вьётся ласточка сизокрылая».

Проникновенное исполнение всем понравилось, и праздник продолжался.

Света и её двоюродные сестры и братья тоже веселились: пели, танцевали, играли в прятки, в салки и объедались конфетами и мороженым. Одна из двоюродных сестёр, рыжая Натка – страшная воображала, которой уже исполнилось девять лет, – спросила Свету, важно глядя на крышку рояля:

– А почему такое странное имя у вашего рояля? Вот наше пианино называется «Красный октябрь». Ваш рояль что, иностранец? – она, указывая пальцем на перламутровые с золотом буквы на крышке рояля, по слогам прочитала: – ERNST ROZENKRANZ.

Натка больно схватила Свету за руку, зажала пальцы и, тыкая ими в буквы, приговаривала:

– Читай, читай! Не умеешь, не умеешь!

Света вырвала руку и расплакалась, а рыжая Натка обозвала её дурой и малявкой. Света обиделась и спряталась под рояль.

Девочка очень любила рояль. Он был её другом. На крышке инструмента под лимонным деревцем жили её куклы и игрушки. Ночью Свету укладывали спать на старом диванчике, стоящем почти вплотную к вогнутому боку рояля. Перед сном девочка всегда дотрагивалась ладошкой до лаковой поверхности инструмента, просовывала мизинчик в дырочку сбоку рояля и шёпотом желала ему спокойной ночи. Все любили рояль в их семье: бабушка Лиза часто играла чудесные мелодии. По воскресеньям приходил папа – замечательный Светин папа. Он, после того как расцелует дочку и маму, всегда садился к роялю и долго с упоением играл и пел. А сколько веселья рояль всем дарил в праздники.

«Рояль нам родной, а эта дура – рыжая Натка – посмела сказать, что рояль иностранец!» – размышляла Светка, сидя зевая под роялем.

Гости разошлись поздно, а под утро весь дом проснулся от истошного многоголосого кошачьего завывания...

Так все узнали, что старая Карга умерла.

Соседка Нюрка на кухне пошутила, что утром кошки старуху отпевали! А сосед Петька дымил едкими папиросами и спрашивал, кому же достанется комната Карги?

Днём неожиданно приехала недовольная мама Светы и увезла её к себе на работу. Когда Света вернулась домой и её уложили спать на родном диванчике за роялем, она услышала непонятный разговор. Бабушка удовлетворённо шептала:

– Аристарх, как хорошо, что нам удалось мать похоронить рядом с дочерью! Ты обратил внимание на свежие цветы на могилке Паолы? Кто их мог положить? А вдруг это Эрни? Ты его помнишь? Неужели забыл? Ну как же! Он был влюблён в Паолу. А после той трагедии завербовался в Арктику. Может, он ещё жив?

Бабушка повздыхала и продолжила:

– На кладбище я обратила внимание на странного человека: за пятьдесят, а волосы седые, до плеч, одет в длинное чёрное пальто – такие нынче не носят. Ты не заметил?

Дед ничего не ответил. Они помолчали, и потом дед стал сокрушаться, что навсегда пропали важные ценные бумаги и облигации.

Прошло двадцать пять лет. Почти все герои этой истории, кроме Светы и её родителей, ушли из жизни.

Однажды, когда сын Светланы поступил в музыкальную школу, она решила настроить рояль. Пригласила известного мастера. Тот, как фокусник из шляпы, вынул из рояля скрученные в трубочку бумаги: гербовые зеленовато-синие облигации, и царские, и советские, и письмо...

Света осторожно развернула тонкий листок бумаги с виньеткой в левом углу, а в середине тонким пером фиолетовыми чернилами каллиграфическим наклонным почерком выведено:

«Милый Аристарх, мой ненаглядный Ари!

Умоляю, в моей смерти не вини себя. Ты этим огорчишь свою маленькую Паолу. Завтра мне сделают операцию. Как жаль, что я не успела проститься с тобой. Ты был моим счастьем, моей единственной любовью! Я хочу, чтобы ты был счастлив! Люби Лизу! Я знаю, что она тебя любит!

Паола
15 мая 1925 г.»

Светлана бережно держала в руках хрупкое прощальное письмо из далёкого прошлого, адресованное её дедушке Аристарху. Она читала и перечитывала это объяснение в любви, пытаясь разгадать, кто же такая Паола. И вдруг Светлану осенило...

Паола – дочь Карги! И эта дочь была влюблена в её деда Аристарха и умерла в юности. Карга всё знала...

Вот какую тайну приоткрыл «ROZENKRANZ»!

Ирина СОЛЯНАЯ

г. Калач, Воронежская обл.

Соляная Ирина Владимировна. Лауреат международной премии «Антоновка сорок плюс» в номинации «Проза» (2019), фестиваля «Капитан Грей» (2020), литературного форума «Осиянное слово» (2021), XXII фестиваля «Славянские традиции» (2021), победитель конкурса «Стилисты добра» (2021). Публиковалась в журналах «Юность», «Аврора», «Сибирские огни», «Вторник», «Молоко», «Нижний Новгород», «Эдита», «Горизонт», «Формаслов» и др. Автор книги рассказов и повестей «Недолюбленные» – 2021 г. (шорт-лист международной литературной премии им Ю. К. Олеси).

Розовый жемчуг

Сказка

Сунь Лу сидела на берегу моря каждый вечер, вглядываясь в горизонт полуослепшими от слёз глазами, пока соседка не уводила её в хижину со словами: «Твой муж не вернётся. Море забрало твоё счастье».

Отец Сунь Лу, старый рыбак Хо Сей, был другого мнения. Как-то раз, сидя у очага и помешивая рисовую похлёбку с акульими плавниками, он сказал, что море не только забирает, но и отдаёт.

– Совсем из ума выжил, – пробормотала соседка и, уже обращаясь к Сунь Лу, добавила: – Не слушай его, девочка, утонул Чай Цзин. Ты ещё молодая, твоё счастье недалеко. Жди будущего, а не прошлого.

А богачка, которой принадлежали все рыбные лавки и которую за сварливый нрав, злое лицо и уродливую фигуру прозвали Каракатицей, сказала однажды Сунь Лу при встрече:

– Когда мой сын к тебе сватался, ты отказала. Выбрала безродного бедняка. Не жди, что на тебя теперь взглянет достойный мужчина. Но я добра. Приходи работать в мою лавку, я тебя не обижу. Ни жене рыбака, ни торговке запах камбалы не противен. Подумай, на что жить будешь после смерти мужа. Долго уговаривать не стану.

Каракатица была не только жадная, но и жестокая. Работников своих обижала, била бамбуковыми палками; и нанимались к ней только те, кто уже не мог себе сыскать никакого пропитания. Молодая вдова подумала, что пойдёт к Каракатице только в случае крайней нужды, когда и горсти риса на ужин не будет. Но как заработать себе на пропитание, Сунь Лу не знала.

Она продолжала ходить к морю и подолгу сидеть на берегу. О чём вдова говорила с волнами, не слышал никто, потому что всякий раз она замолкала, если рыбаки, их жёны или дети появлялись вблизи.

– Смотри, Сунь Лу, – говаривала соседка, – скоро это место будут твоим именем называть.

Но девушка продолжала ждать и разговаривать с волнами, и даже стала оставаться на берегу при свете луны.

Со дня, когда её муж ушёл в море, рыбацкие шлюпки ни разу не поднимали парусов из-за безветрия. И только на двенадцатый день начала подниматься волна. Особенно бурной и пенной она была возле кромки, где вода соприкасается с песком. Точно не хотело море, чтобы люди выходили на промысел. А там, где вода смыкалась с хмурым небом, царило спокойствие.

– Зачем ты оставил меня, Чай Цзин? – тихо запричитала Сунь Лу. – Разве я не была нежной и верной, разве я не ласкала тебя? Почему холодная вода для тебя милее моих объятий? Жестка моя циновка, и нет гроба, возле которого я бы стояла на коленях, глядя в лицо мужа. Море, верни мне моего возлюбленного Чай Цзина.

Впервые море наконец-то услышало плач Сунь Лу, и волны расступились перед ней, а на берег величавой поступью вышел Чай Цзин. Ахнула молодая женщина, ведь не узнать было её избранника. Вместо заплатанного дуаньда он теперь носил шёлковый шэньи цвета лучей первой звезды.

– Приносят мне волны твой зов, милая Сунь Лу, – сказал Чай Цзин, – но разве ты не знаешь, что я принадлежу теперь морской стихии, а не земной тверди. Дом настоящего моряка под

толщей солёных вод. Не даёт твоё горе спокойно жить мне во дворце морского царя, волнуется моё остывшее сердце.

– Прости меня, Чай Цзин, – заплакала Сунь Лу, – не могу я забыть нашей любви, и не могу поверить, что ты нашёл своё счастье в пучине вод. Жизнь моя изменилась, мне нужно идти в услужение к богачке, ведь больше некому заботиться обо мне.

Чай Цзин вытащил из кармана розовую жемчужину и протянул её своей вдове. Холодные пальцы мертвенным ужасом на секунду сковали ладонь Сунь Лу; отпрянула девушка, но жемчужина согрелась в её руке.

– Каждый раз, приходя на берег, ты будешь находить от меня подарки. Так ты сможешь утешиться. И будь уверена, вскоре твоя печаль растает, как морская пена. Розовые жемчужины будут появляться на берегу каждый день, пока ты сама не попросишь меня забыть о тебе.

После этих слов Чай Цзин отвернулся от вдовы и шагнул в море – волна смыла его следы и поглотила его фигуру. Прошептала Сунь Лу ему вслед, что никогда не забудет его и что нет и не было на свете такой любви, как у них.

Наутро Сунь Лу пошла в лавку скупщика жемчуга и продала там розовую жемчужину. Купила три меры риса, вяленой рыбы, солёных овощей и шерсти на куртку для отца.

Хо Сэй не стал спрашивать, откуда у его дочери покупки, только опечалился. Ведь он решил, что Сунь Лу нашла себе тайного покровителя, ведь о красоте его дочери все в округе шептались.

Ночью повторилась та же история. Волна принесла подарок молодой вдове – ракушку, в которой лежала драгоценная розовая жемчужина.

Через месяц стали в деревне болтать, что Сунь Лу зачастила на рынок и богатство её неспроста. Встретила её Каракатица у лавки скупщика жемчуга, схватила за руку цепкими корявыми пальцами, которыми привыкла загребать медяки и серебро за проданную рыбу и спросила:

– Откуда у тебя розовый жемчуг? Уж не морской ли демон ван сян тебе прислуживает?

Испугалась Сунь Лу, задрожали её руки. Выронила она жемчужину в пыль и побежала прочь. А Каракатица подобрала подарок моря, засмеялась гадким смехом и на всю округу закричала: «Продала Сунь Лу душу своего глупого муженька ван сяну и получает от него волшебную мзду».

Все, кто на базаре слышали лживые слова Каракатицы, призадумались: «А может, и права владелица рыбных лавок? Сколько её рыбаки в море ходят, а розовых жемчужин не вылавливали. Сколько в пучине потонуло, а ни одной из рыбацких вдов ван сян ренты не платил». А когда Сунь Лу принесла в лавку скупщика жемчуга ещё одну розовую жемчужину, тот ответил: «Не стану покупать я подарок от демона, никому проклятая жемчужина богатства не принесёт». Заплакала Сунь Лу и пошла прочь, но тут окликнул её владелец ювелирной лавки Гон Ей и дал цену за жемчужину вдвое больше той, что платил жадный скупщик.

Стала Сунь Лу с тех пор носить ему розовый жемчуг, но всякий раз, как проходила мимо рыбных рядов, Каракатица ей вслед плевалась. Так продолжалось долго, до самого ши юэ, когда ветра становятся холодными. А однажды ночью, когда Сунь Лу пришла на место, где когда-то говорила со своим прекрасным Чай Цзином и где волна оставляла ей ракушки с перламутровыми скорлупками, увидела она злобную хозяйку рыбных лавок. Старуха уже успела заграбастать в свои цепкие пальцы выброшенную из морской пучины ракушку.

– Отдай, – взмолилась девушка, но Каракатица грубо оттолкнула её.

Упавшая на песок Сунь Лу зарыдала. Разве для этой старухи её возлюбленный Чай Цзин припасал розовые жемчужины? Но море молчало, и Каракатица, довольная тем, что её выходка осталась безнаказанной, рассмеялась Сунь Лу в лицо и запретила молодой вдове приходить на морской берег.

«Знает ли Чай Цзин, – думала Сунь Лу, – что его дары теперь достаются проклятой жадной Каракатице?»

Но спросить его она не могла, и к берегу моря приближаться боялась. Стояли там день и ночь слуги Каракатицы с бамбуковыми палками в руках и насмешливо смотрели на Сунь Лу.

Соседка сказала, что Каракатица относит жемчуг владельцу ювелирной лавки Гон Ею, и тот за него платит немалые деньги. Не могла Сунь Лу такого терпеть и решила: «Будь что будет!». Прибежала она на берег моря, когда Каракатица уже схватила ракушку и раздирала её упругие створки цепкими крючковатыми пальцами. Два слуги с палками оттолкнули Сунь Лу, и упала она на плавень и гниющие водоросли, которые приносит прибоем. А когда вдова попыталась снова подбежать к кромке моря, то один из них ударил её так, что она долго не могла встать.

Каракатица рассматривала крупную розовую бусину и смеялась над слезами Сунь Лу. И тогда молодая вдова, превозмогая боль и насмешки, вскарабкалась на высокий утёс, сложила ладони раковинной у рта и крикнула изо всех сил:

– Возлюбленный мой, Чай Цзин! И хоть не было никогда такой любви, как у нас, я прошу забыть обо мне, не дарить мне больше розового жемчуга.

Ветер подхватил слова девушки и развеял их раскатистым эхом, которое отразилось от прибрежных скал. Море вспенилось громадной волной и обрушило её на берег. Разъяренная Каракатица приказала своим слуг избить вдову палками за её дерзость. И только один из них стал карабкаться на утёс, как вторая волна накатила на берег и утащила его за собой. Испуганная Каракатица стала взбираться по камням, цепляясь за палку своего слуги, резво бежавшего впереди, но их настигла третья сокрушительная волна.

Когда шторм унялся, Сунь Лу побрела в свою хижину.

Все жители деревни искали Каракатицу и её слуг. Отправляли в беспокойное море лодки, но рыбаки возвращались ни с чем, а когда Сунь Лу рассказала им о том, как море поглотило жадную и жестокую владелицу рыбных лавок и её прислужников, рыбаки привязали свои лодки и сказали, что с морским демоном тягаться они не станут.

На следующий вечер молодая вдова не пошла на берег искать ракушку с жемчугом, потому что была уверена, что её возлюбленный услышал просьбу. Но за ужином её старик отец задумчиво сказал: «Пришла пора отпустить Чай Цзына и из своей жизни, и из своего сердца. Пусть он живёт на дне морском и будет счастлив у подводного трона владыки глубин». От таких слов сердце Сунь Лу оттаяло. Посмотрела она на запасы риса, вяленой рыбы, дров для очага и успокоила отца, что зиму они как-нибудь переживут.

На следующий день в дверь хижины постучались, и молодая вдова увидела на пороге владельца ювелирной лавки Гон Ея. Смутилась Сунь Лу, пригласила знатного человека в дом, сняла с крючка над очагом чайник и заварила чай. Пока в пиалах медленно раскрывались скрученные спиралью сушеные листья, молодая вдова украдкой смотрела на Гон Ея. Мужчина был уже не молод, суровая складка губ говорила о том, что он немногословен. Длинная чёрная коса, уложенная над покатым лбом, демонстрировала благочестие и законопослушание ювелира.

– Нет у меня для вас розового жемчуга, почтенный Гон Ей. Я попросила море больше не дарить мне его. Пришла пора начинать жизнь заново.

Ювелир вытащил из рукава кимоно свёрток и с волнением преподнёс его Сунь Лу. Ничего не понимающая девушка развернула тонкую ткань. Ожерелье из искусно подобранных по оттенку розовых бусин матово светилось на белом шёлке.

– Это ожерелье достойна носить только та, что знает слово «верность» и «честь». Только та женщина, чья любовь победила смерть, может надеть его.

– Почтенный Гон Ей, – со слезами на глазах обратилась молодая вдова к ювелиру и упала перед ним на колени, – но здесь так много жемчуга... Неужели старуха продала вам его?

– Нет, почти все жемчужины я выкупил у скупщика, – вздохнул мужчина. – Больше всего я хотел бы, чтобы вы стали моей женой. Чтобы ваша красота и верность соединились с моей мудростью и богатством. Но пока не порвётся нитка этого ожерелья, вы не сможете забыть Чай Цзына, а я не смогу занять его место в вашем сердце.

С этими словами ювелир поклонился женщине и её отцу и не пожелал более задерживаться.

Сунь Лу проводила гостя и долго стояла на пороге, глядя ему вслед и вытирая слёзы рукавом.

Старик Хо Сей, счастливо улыбаясь, вертел в руках богатый подарок: он с удовольствием заметил, что, против обыкновения, бусины были соединены не витым шёлковым шнуром, а тонкой ниткой из рисового стебля.

Екатерина ЛИМОНОВА

п. Синегорье, Магаданская обл.

Лимонова Екатерина Сергеевна. Родилась 10 января 1988 года в п. Синегорье.

Заочно обучается в Московском международном университете по специальности «Журналистика средств массовой коммуникации».

Публиковалась в международных литературно-публицистических журналах «Интеллигент. Магадан», «Интеллигент. New-York», «Интеллигент. Русский мир», а также в журналах «Северо-Муйские огни», «Колымские просторы», «Светотени», в местных СМИ и антологии «Северная строка. Колымская поэзия XX-XXI веков» (Магадан, 2014). Участник поэтических сборников: «Поэт года», «Дебют», «Наследие», «Русь моя». В 2005 году в газете «Северная правда» вела свою «Молодёжную страничку».

В 2018 году в Магадане вышел первый сборник стихов «Не забывай, что я люблю тебя».

«Страха больше нет»

Рассказ

Девятилетний Сашка первый раз в жизни проявил храбрость и решил показать своей маме, что он уже большой мальчик и ничего не боится. Но теперь, сидя на старой скрипучей кушетке больничного коридора, он слышал, как учащённо стучало его сердце, и ему страшно хотелось домой. Рядом с ним сидели другие дети и равнодушно играли в свои телефоны. «Никому, – думал недавний храбрец, – никому нет дела до меня и моего страха». От этих мыслей ладошки стали влажными настолько, что пришлось несколько раз пройтись по старательно выглаженным матерью серым брючкам ладонями, чтобы избавиться от липкого пота.

– Следующий! – крикнула полная медсестра.

От этой фразы сердце Саши готово было выскочить из груди, а дыхание остановиться, потому что следующим в очереди был именно он. «И чего ты боишься! – пытался успокоить он сам себя, – это всего лишь прививка. Маленький укол, как говорила мама, похожий на укусы комара – и всё!». Но даже от этих мыслей ему не становилось легче. Ноги стали ватными, слушаться его не хотели, но, вдохнув глубоко и медленно выдохнув, он послушно поплёлся за женщиной в белом халате. Она уверенно распахнула дверь кабинета под номером «33» и сухо попросила сесть на стул около стола.

«Скоро всё закончится», – подумал мальчишка и, обрадовавшись возможности снова присесть, рухнул на стул с такой силой, что послышалось, как заскрипели деревянные ножки. Испугавшись, что сейчас сделают замечание, Александр испуганно посмотрел по сторонам и, не обнаружив никого, с облегчением выдохнул.

– Привет, малыш, – вместо знакомого голоса Антона Владимировича за спиной неожиданно прозвучал нежный, ласковый женский голос.

Сашка резко обернулся назад. Страх больше не было. Его поглотил жгучий интерес к женщине в белой одежде. Её губы неестественно растянулись в улыбке, обнажив идеально ровные белоснежные зубы. Когда она делала бесшумные шаги в направлении к нему, казалось, что эта дама не идёт, а парит над недавно вымытым и сохранившим ещё запах чистящего средства гладким полом. Но, очарованный неземной красотой нового врача, юный парень не замечал ничего и только и делал, что смотрел ей прямо в глаза. Им будто овладела какая-то неведомая сила, противостоять которой ему не хватало ни скопленного за девять лет мужества, ни моральных сил. Но это совершенно не волновало его, потому что бороться с загадочной и очень мощной силой, обволакивающей разум и лишаящей всякого страха ещё недавно трясущееся от волнения тело, ему не хотелось.

– Тебе страшно? – успокаивающе прозвучал уже знакомый голос, наполнив пространство прививочного кабинета каким-то особенным светом. Краски вокруг стали более мягких оттенков, а очертание предметов немного размытыми.

– Уже нет, – робко ответил маленький пациент.

– Вот и хорошо. Это совсем не больно.

Где-то внутри детского сознания родилось новое чувство. Он знал, что именно этот незнакомый врач не причинит ему вреда и не сделает больно. Солнечный свет пробивался сквозь белые жалюзи и вытянутые, искажённые полосы теней ложились на пол, напротив мирно сидящего на старом деревянном стуле Саши. В приоткрытое окно задувал ветер и непринуждённо качал жалюзи вместе с длинными, похожими на кривой забор тенями. Женщина надела перчатки, обработала их спиртом. Цвет бледно-серых теней изменился на чёрный. Но мальчик ничего не замечал вокруг, потому что заворожённо наблюдал за каждым движением врача. Шаркая от нетерпения коричневыми сандалиями по полу, он замер при виде маленькой острой иголки, угрожающе сверкнувшей крошечной капелькой вакцины на кончике. Капля быстро скатилась вниз и исчезла. «Страх больше нет», – незнакомый голос старчески проскрипел в его голове и тут же пропал. Женщина медленно направилась к нему, и тени с такой же скоростью поползли к его неугомонным ногам, которые никак не находили покоя и всё ёрзали то влево, то вправо. Совсем недавно безобидные вытянутые полосы, похожие на древний покошенный забор, сделанный нетрезвым плотником, на глазах превращались в длинные пальцы столетнего старика. Они с трудом цеплялись за гладкий холодный больничный пол и тянулись к живой плоти, одетой в чёрные носочки и изношенные сандалики тридцать пятого размера.

Рука Сашки расслабленно лежала на столе. Мальчик больше не боялся, напротив, с нетерпением ждал, когда прозрачная жидкость в шприце окажется в нём, всё закончится и он придёт домой героем.

– Не бойся, – пальцы в резиновых перчатках схватили его за руку и крепко сжали. – Всё будет хорошо, главное – не дёргайся.

Чёрные тени подбирались к ногам. Оставалось совсем немного, чтобы коснуться кончика запятой обуви. Игла вошла под кожу, но Саша даже не вздрогнул. «Страх больше нет», – раздалось эхом в голове. Женщина в белом не сводила взгляд с ребёнка, пристально смотрела ему в глаза. Казалось, она даже не моргает. В угольно-чёрных зрачках отражался испуганный взгляд Александра, с каким он вошёл семь минут назад в кабинет. Пока лекарство медленно смешивалось с кровью в венах храбреца, тонкие и толстые тени, извиваясь, обхватили уже смиренно стоявшие ноги. Нетерпение и беспокойство прошло, больше некуда было спешить. Всё почти закончилось.

– Ты настоящий герой! – похвалила врач и вытянула иглу. – Прижми ватку.

Тепло и спокойствие разливались по телу мальчика. Ноги, будто налитые свинцом, стояли на полу и не хотели двигаться. Ветер затих, и жалюзи прекратили шевелиться вместе с тенями. Постепенно краски становились привычными, а очертание предметов в комнате более чётким.

– Можешь идти домой. Если сегодня почувствуешь слабость, выпей сладкого чая и отдохни, – дала рекомендацию незнакомка и что-то записала в медицинскую карточку своего храброго пациента.

– Хорошо. До свидания, – с благодарностью улыбнулся Саша.

– Пока! – уголки губ таинственной женщины дёрнулись вверх, а лицо выразило сытое удовлетворение.

Всё вокруг вернулось на свои места, за исключением одной незаметной, но важной детали. Маленького героя, вышедшего из кабинета номер «33», назвать прежним было уже нельзя.

– Следующий, – крикнула медсестра.

Дом, где с самого рождения жил со своими родителями Сашка, был недалеко от больницы, всего в двадцати минутах, если пешком, а на велосипеде и того меньше. Александр мчался домой на всех парах, он чувствовал себя обновлённым, гораздо сильнее и увереннее. Как же ему не терпелось скорее поделиться с мамой важным для него событием – как смело он преодолел чувство страха.

Калитка была не заперта. Он докатил велосипед до двери и бросил у стены. Вбежал по каменной лестнице на крыльцо и позвонил в дверь. Подождал пару минут, никто так и не открыл. «Странно, – удивился Сашка, – почему мама не открывает». Вместо испуга его наполнило непреодолимое детское любопытство и жгучий интерес раскрыть появившуюся новую загадку. Он, легко перепрыгнув пять ступенек, оказался внизу и подбежал к ближайшему окну. Неплотно сдвинутые шторы давали неплохую обзорность пространству кухни, но всё-таки часть помещения оставалась недоступной взгляду. Мальчишка прислонил максимально близко лицо к окну и плотно прижал две ладони к стеклу так, чтобы солнце не отвечивало и не мешало лучше разглядеть – там ли мама. Круглый стол, застеленный старой цветастой скатертью, стоял посреди небольшой кухоньки и напомнил о недоеденном завтраке. Жареная яичница со свежим помидором так и осталась лежать брошенной на тарелке. Это было действительно странно, потому что обычно всегда щепетильная до порядка мама спешила убрать грязную посуду со стола.

В глазах Саши появился нездоровый блеск, дыхание участилось. Любопытное детское сознание уже крепко цеплялось за желание отыскать ответ на вопрос, что же всё-таки произошло за то короткое время, пока его не было дома. Он медленно осмотрел двор в поисках чего-то подозрительного. Нешуточный интерес разрастался с каждой минутой и достиг своего пика, когда внимательный взгляд обнаружил пустую собачью будку, а рядом толстую цепь, которая обычно удерживала их Адмирала – породистого полного сил испанского мастиффа. Жестяная миска для воды была опрокинута и запачкана в грязи.

Строгое воспитание в семье Максимовых не подразумевало использование мобильных телефонов. Но на самый редкий случай в доме на тумбочке имелся старый, ещё с дисковым номеронабирателем стационарный телефонный аппарат, который активно выпускали с 1968 года. Он звонил настолько редко, что, когда раздавался его громкий, резкий звонок, Сашка часто вздрагивал. Когда он вспомнил про него, появилась безумная идея, которая никогда (за все девять лет) не приходила ему в голову, а если бы пришла, то он тут же постарался бы её отогнать и поскорее забыть. И всё потому, что «мама этого не простит», а это пугало единственного сына больше, чем наказания в рамках воспитания.

Тихо, будто не у себя во дворе, озираясь по сторонам и опасаясь быть увиденным соседями, Александр внимательно осматривал клумбы с любимыми маминими цветами. Аккуратно, чтобы не повредить нежные лепестки садовых фиалок, маленькие проворные ручки раздвигали тонкие стебли в поисках камня подходящего размера. Удача, наконец, улыбнулась затейщику, и подушечки пальцев нащупали что-то холодное и грязное. Стараясь не испачкать цветущие создания природы, выращенные трудами матери, он осторожно достал камень и удовлетворённо улыбнулся. От предвкушения осуществить запретное и оттого так сильно желаемое преступление его сердце забилось учащённо.

Обойдя дом с другой стороны и поднявшись снова по ступенькам к входной двери, Саша подошёл к окну, ведущему прямо в небольшую прихожую, где каждый входящий в жилище должен был разуться и надеть тапочки. Глава семейства не любил грязные полы, и потому матери приходилось мыть их несколько раз в неделю, а чтобы не делать это чаще, завелось правило сменной обуви, нарушить которое было нельзя. Ещё раз осмотревшись хорошенько по сторонам, мальчуган не заметил ни одной живой души поблизости, рука его уверенно скользнула в правый карман и, нащупав плотно сложенный и старательно выглаженный белый носовой платок, достала его наружу. Найденный в клумбе камень тут же был завернут в белоснежную ткань без всякого сожаления.

Неведомая сила подталкивала скорее совершить задуманное. «Страха больше нет», – вырвался где-то из глубины подсознания уже знакомый голос и напомнил о себе.

– Больше нет, – как эхо, шёпотом повторил Сашка и, не раздумывая ни секунды, ударил по стеклу.

Незнакомый и такой близкий звук бьющегося стекла вызвал резкий и неприятный звон в ушах. На пару секунд связь со звуками внешнего мира была потеряна. Осколки разлетелись во все стороны: часть угодила в прихожую на вымытый вчера пол, а часть упала к ногам. Сердце в детской груди стучало, как бешеное, от новых ощущений, а в глазах поселился азарт. Камень, завернутый в белый платок, от тепла руки начал нагреваться. Его температура росла с каждой секундой, и, когда жжение стало невыносимым, Саша опустил взгляд и заметил то, что раньше его напугало бы до слёз. Из его руки, чуть выше указательного пальца, торчал кусок стекла, а совсем недавно чистый беленький платок окрашивался на глазах в ярко-алый цвет. Увиденное утреннего героя не напугало, напротив, разожгло ещё больше внутренний запал и желание рискнуть. С несвойственной ребёнку холодностью и отрешённостью, будто делая это сотни раз в прошлом, мальчик медленно вытащил осколок из раны, избавился от камня и туго перевязал платком руку.

– Готово! – сказал он, довольный своей храбростью.

Рана была незначительной, но всё-таки мешала с лёгкостью забраться в собственный дом. Осторожно просунув левую руку в разбитое окно, стараясь не причинять себе новые травмы, Александр нащупал замок и плавно повернул его вправо. Услышав заветный и такой родной щелчок открывшегося замка, он ощутил, как по телу от радости побежали мурашки. Сладкая победа от достигнутого подарила новое приятное чувство эйфории.

Оставив следы крови на дверной ручке, наследник Максимовых зашёл в прихожую и, не разуваясь, проследовал к тумбочке с древним телефонным аппаратом. Хозяйка дома была настолько бережлива, что укрывала телефон подходящим по размеру платком. Сбросив пахнувший старостью кусок ткани с выцветшей когда-то яркой вышивкой, Сашка снял трубку и прислонил к уху. Шёл длинный гудок. Обрадовавшись, что скоро услышит отца, стал судорожно перебирать в голове цифры, которые в итоге должны были сложиться в верный номер телефона.

– В конце 2 или 3... 3 или 2... – никак не удавалось вспомнить окончание.

Вдруг пальцы сами начали набирать нужные цифры. Тишина. Щелчок. Ещё щелчок. Двухсекундный гудок. Тишина. Ещё гудок, оборванный раньше времени снятием трубки.

– Алло! Участок по ремонту двигателей №97, старший механик Андрей Петрович слушает!

От прогремевшего на том конце провода родного голоса у мальчишки расплылась радостная улыбка на лице.

– Папа, папа! Это я! – прокричал сын в трубку, желая быть точно услышанным.

Телефон так сильно щёлкал и издавал какой-то странный посторонний шум, что казалось, связь вот-вот может оборваться.

– Сашка? Что случилось? – удивлённо спросил отец, потому что у них не было принято без веской причины пользоваться телефоном и, тем более, звонить на работу.

– Я вернулся из больницы...

Щелчок.

– Больницы? Что ты там делал? Говори громче, я тебя плохо слышу.

Шум становился всё сильнее, и приходилось хорошо напрягать голосовые связки.

– Мамы не оказалось дома. Калитка была открыта. Собаки тоже нет. И завтрак...

Щелчок.

– Завтрак... Калитка... Собака! – стреляя словами, как пулями, раздражённо отчеканил Андрей Петрович, – что у вас там происходит?

– Папа, ты знаешь, куда ушла мама? – больше не улыбаясь, сдержанно, но чувствуя, что начинает закипать, спросил Саша.

– Нет, – крикнул отец, – буду вечером!

Из трубки раздались длинные гудки, и Александр с облегчением выдохнул. Всего секунда отделяла его от того, чтобы разгорающаяся, как костёр, в душе чёрная злость не вырвалась наружу гневным «Пошёл ты!» и последующими за этим повторяющимися ударами телефонной пластмассовой трубкой о сам аппарат до тех пор, пока от него не останется живого места.

Он аккуратно вернул запачканную кровью трубку на место и заботливо укрыл семейную реликвию, доставшуюся ещё от бабушки, специальным платочком.

Совершенно забыв про одно из главных правил их одноэтажного жилища с пятью комнатами, маленький хозяин дома прошёл обутым в кухню и взял со стола отрезанный кусок булки с маком. Выпечка оказалась сухой, и он, чувствуя, как кусок застрекает в горле, достал из холодильника бутылку холодного молока и сделал прямо из горла пару больших глотков. Ещё утром совершить подобное было бы невозможным, но с тех пор многое изменилось. Кровавый след оставался на всём, к чему ведомый сиюминутными желаниями прикасался Саша, но ему до этого не было никакого дела. Всё, что было под страхом «нельзя», осталось в прошлом.

Утолил голод... и подогреваемые разум всё это время чувства азарта и эйфории от новых ощущений сбавили обороты, сердце застучало ровно, а желание разгадать загадку исчезновения матери резко пропало. Выйдя на крыльцо, он сел на ступеньку и стал ждать. Не чувствуя боли в руке, отстранившись от реального мира и всех событий этого дня, мальчик устремил пустой взгляд куда-то вдаль.

Время близилось к обеду. Знакомый собачий лай заставил вынырнуть из глубокой задумчивости и вернуть в реальность Сашку. При виде мамы, держащей на поводке Адмирала, он обрадовался и побежал к ним навстречу. Всего метр разделял сына, соскучившегося и уставшего от тёплых объятий матери и бурного приветствия четвероногого друга – лизания руки шершавым языком и виляние хвостом. Всегда приветливый и дружелюбный, пёс вдруг начал пятиться назад и скалить зубы.

– Эй, что с тобой, дружок? – удивилась женщина. – Прекрати, здесь все свои!

Собака перестала отходить назад. Теперь она угрожающе, рыча и скаля зубы, шла на своего маленького хозяина. Не понимая, что происходит, Алла Ивановна изо всех сил начала тянуть поводок на себя, пытаясь удержать надвигающуюся угрозу и защитить сына. Но мальчишка, не чувствуя никакой опасности, стал делать небольшие шаги к разъярённой любимой собаке. Его правая рука в окровавленном платке тянулась к лохматой морде с открытой пастью, полной острых зубов.

– Тише, Адмирал, тише, – смотря в испуганные глаза пса, мягко сказал Саша, – всё хорошо, не бойся меня.

Спокойный голос ребёнка начал обволакивать разум животного, проникая в самые глубины подсознания.

– Я твой друг, иди ко мне, – продолжал наступать Александр, и, видя, как на глазах внезапная враждебность собаки сменяется на смирение, плавно переходящее на полное подчинение,

мальчик касается раненой рукой головы своего хвостатого друга и чешет ему за ухом. – Молодец, дружок, так бы сразу.

Озадаченная происходящим, Алла Ивановна посадила Адмирала на цепь и посмотрела на сына.

– А теперь разберёмся с тобой, сорванец. Что уже приключилось с рукой?

«Страха больше нет», – издали, будто пробиваясь сквозь толщу воды, глухо прошипел голос, вызвав у своего носителя недобрую ухмылку.

И Сашка всё выложил, как на духу, без опасений, что накажут.

Наказание за разбитое окно продлилось всего неделю и оказалось не таким ужасным, как предполагал Александр. От него требовалось помогать матери по дому, отцу во дворе, не гулять с друзьями и не есть сладости. Все испытания он прошёл с лёгкостью, за исключением одного. Семь дней без любимых шоколадных конфет и ореховых батончиков показались вечностью.

Всё это время голос ни разу не напоминал о себе, и мальчик постепенно, как это свойственно детям, начал о нём забывать. Шли недели, приближая десятый его день рождения. Накануне праздника мама суетилась с самого утра на кухне, готовя шоколадный торт с ореховыми бисквитными коржами. А у папы в этот день задача была полегче – обернуть коробку с подарком в цветную бумагу.

На следующий день во время завтрака родители поздравили любимого сына с первым юбилеем и подарили подарок. Саша искренне обрадовался гоночной машине на пульте управления.

– Скоро откроется парк развлечений, можешь позвать своих лучших друзей, Максима и Дениса, а как накатаетесь на всех аттракционах, приходите пить чай с тортом, – предложила мама.

У именинника загорелись глаза. От предвкушения весёлого времяпрепровождения с товарищами он с трудом сдержался, чтобы не выскочить из-за стола, не поблагодарив родителей. Сашка обнял отца и поцеловал маму, получил с наставлениями «Не трать много на сладкую вату и попкорн» деньги и только тогда выбежал во двор. Его друзья детства жили недалеко: Денис через дорогу, как раз напротив его дома, а Макс – на соседней улице.

Дружной троицей компания двинулась в городской парк. Начали с автодрома, перешли на колесо обозрения, а дальше на различные аттракционы: «Башню», «Корабль», «Седьмое небо», «Летающие кресла», «Маятник». Весёлый смех и радостный визг сопровождали катание мальчишек на всех развлекательных сооружениях, дающих каждый раз приличную порцию адреналина. Перепробовав всё, кроме детских каруселей и качелей, именинник с азартом взглянул на самый большой аттракцион в парке. Максим и Денис ещё в прошлом году осмелились прокатиться на нём, а Сашка испугался и под придуманным предлогом сбежал домой. Но сегодня, смотря на эту огромную конструкцию, он задумался, у него заблестели глаза, и от предвкушения совершить то, на что раньше не хватало духу, сердце застучало быстрее.

Друзья поддержали желание своего смелого друга и отправились на американскую горку. Красная вагонетка с сиденьями, заполненными наполовину любителями острых ощущений, стояла и ждала ещё желающих прокатиться на ней. Александр не думая быстро сел на переднее кресло, чтобы получить максимум ощущений от скорости. Пристегнувшись, он схватился за поручни так крепко, насколько это было возможным. Оставались считанные секунды до того, как приключение начнётся. Мальчик закрыл серые глаза и почувствовал, как пульсируют виски от нарастающего напряжения.

– Пять, четыре... – кто-то отсчитывал секунды до отправления. – Три, два...

«Страха больше нет», – раздался громкий, отчётливый голос в голове, будто сидящий рядом крикнул ему в ухо. Он больше не прятался где-то вдалеке, глухо произносил одну и ту же фразу. Обладатель старческого голоса – эта тёмная энергия набралась силы – окреп и разросся до такой степени, чтобы спокойно, целиком и полностью заполнить своего носителя.

– Один!

И вагонетка тронулась. Рельсы зашкрякали, слабый ветер обдал лицо. Сашка открыл уже поменявшие свой окрас угольно-чёрные глаза, и в них отразилось солнце графитового цвета. Картинка окружающего мира была немного размыта, а краски вокруг изменили свою контрастность: стали гораздо ярче, насыщеннее. Железные поручни, которые он крепко сжимал от страстного желания ощутить новые неизведанные ощущения, медленно нагревались от его горячих ладоней. Вагонетка с визжащими вперемежку от страха и восторга людьми поднималась то вверх, то вниз – и вдруг, когда её скорость достигла максимальной 180 км/ч, раздался никому неслышим короткий щелчок. На груди Александра расстегнулся основной ремень безопасности. Теперь его жизнь зависела только от запасной широкой кожаной ленты, пристёгнутой в районе бёдер, и того самого поручня, за который мальчик крепко вцепился, как только сел в кресло. Почувствовав свободу от стягивающих грудную клетку ремней, именинник заметил болтающуюся на скорости страховку. Вместо дикого ужаса и крика, мальчик вначале широко улыбнулся, а затем рассмеялся не своим голосом. Концентрация адреналина в крови в этот момент зашкалила. Железо в его ладонях раскалилось до такой степени, что начало жечь ему руки. Но эта боль только усиливала чувство эйфории и новое, такое приятное ощущение, будто ходишь по краю и не падаешь.

Вместе с замедлением вагонетки, заполненной не пришедшими ещё в себя от полученных впечатлений, испуганно-довольных пассажиров, Сашино сердце возвращалось к своему обычному ритму. Краски вокруг стали прежними, как и цвет его глаз.

По пути домой друзья, весело хохоча, делились полученными впечатлениями, только имениннику что-то подсказывало внутри не делать этого. Случай с ремнём безопасности и красные

отметины от железного поручня на ладонках должны оставаться тайной – только его тайной. Пряча руки в карманах, он поддерживал беседу товарищей и радовался этому особенному дню рождения, подарившему ему бесценный подарок – совершенно новые, ни с чем не сравнимые эмоции, которые хочется ощутить снова... и снова...

Алла Ивановна встретила ребят с улыбкой и провела в кухню. Стол был уже накрыт, оставалось только вскипятить чайник. Мальчишки с аппетитом уплетали торт и всё продолжали говорить о парке развлечений. Вечером, когда пришло время ложиться спать, Сашка лёг в кровать и быстро уснул, ощущая себя безгранично счастливым ребёнком.

Случай на американских горках что-то изменил в Александре, и это «что-то» пробудилось в нём и жаждало новых экстремальных ситуаций со свежей порцией адреналина. Но пока голос молчал – бездействовал и мальчик.

Кончились летние каникулы, начался учебный год. Жизнь шла своим чередом, но Саша всегда находился в каком-то внутреннем ожидании. Лелея свою тайну бесстрашия, он иначе смотрел на мир и на понятие опасность, которая ранее вызывала у него страх, теперь же это были эмоциональный азарт и неопишуемая эйфория.

Незаметно наступила зима, и, когда небольшое озеро покрылось толстой корочкой льда, для ребят пятого класса придумали мероприятие. Желающих покататься на коньках откликнулось немного, но Сашка Максимов был первый, кто записался на поездку. Он чувствовал – ему нужно быть там.

На субботу в 10.00 утра была запланирована отправка автобуса, но юному покорителю собственных внутренних вершин над пропастью страха не терпелось настолько, что он был на месте сбора за сорок минут до назначенного времени. Лёгкая улыбка не сходила с его лица всю дорогу, и причина этому было вовсе не катание на коньках.

Как только автобус прибыл на место, толпа детей из пятого и шестого класса ринулась со своими рюкзаками в здание, где, не теряя времени, начала переобуваться. Саша достал свои чёрные коньки и крепко зашнуровал их на ногах. Перед тем как все вышли на лёд, сопровождающий Пётр Алексеевич проинструктировал детей и напомнил о правилах безопасности. Но Максимов, кивая головой в знак согласия, собирался немного отойти от данных рекомендаций. Поначалу он катался недалеко от одноклассников, чтобы не привлекать к себе особого внимания их классного руководителя. В какой-то момент, почувствовав, что пора действовать, рванул к центру озера. Быстро миновав ограждение, запрещающее катание дальше него, мальчишка уверенно направлялся вперёд. Его целеустремлённый взгляд смотрел в одну точку – место, приближаясь к которому, Александр почувствовал учащённое сердцебиение. Холодный блеск глаз выдавал эти чувства. Издали слышались голоса детей вместе с перекрикивающим их басом Петра Алексеевича, но эти крики не помешали услышать тихое и спокойное: «Страх больше нет». Точка перед глазами, что служила целью, начала медленно расплываться. Чувствуя, что может потерять её и не добраться до желаемого, он с удвоенной силой стал отталкиваться полозьями о лёд, тем самым, увеличивая скорость движения. И это сработало. Твёрдая, на первый взгляд, ледяная поверхность под его ногами прямо на глазах начала продавливаться и расходиться тонкими белыми трещинами.

– Попробуй догони меня, – с улыбкой, глядя на разрастающиеся полосы, сказал Саша и, резко повернув, поехал вправо.

Не испытывая усталости под действием адреналина, он ехал так быстро, насколько хватало сил, и на шаг обгонял своего соперника. Ограждение было совсем близко, а ощущение эйфории заставляло чувствовать себя неуязвимым. Добравшись до зоны безопасности, он увидел, что трещины исчезли.

Ослушавшегося конькобежца сразу обступили дети.

– Максимов! Что ты вытворяешь! – кричал, пробираясь сквозь толпу девчонок и мальчишек, молчаливо восхищающихся смелостью своего ровесника, не на шутку разозлившийся Пётр Алексеевич.

Когда мужчина, испуганный произошедшим, добрался до Саши, он резко схватил его за плечо, грозно посмотрел в глаза и сказал:

– Ты понимаешь, что рисковал жизнью? Там очень опасно, могло случиться страшное. На сегодня всё, переобуваемся и едем обратно.

Дети не возражали вернуться домой, у многих замёрзли носы и руки, а некоторые уже предвкушали, как расскажут родным об опасной выходке Максимова. Сашку переполняли эмоции, он был на краю пропасти и снова одержал победу. Негодование сопровождающего не умаляло его радости, а о том, что Пётр Алексеевич расскажет всё родителям, мальчик даже не думал. В этот момент его мысли были очень далеко, на вершине снежной горы, там, где глаза слепило солнце, а в душе разливалось знакомое чувство свободы от человеческих страхов. В эту минуту в детском сердце родилась взрослая мечта.

Инцидент на озере не остался без наказания. В этот раз родители, испугавшись страшных последствий катания в запрещённом месте на льду, с сыном говорили строже, кричали громче, лишили на месяц карманных денег и общения с друзьями вне школы. Как и в прошлый раз, Саша пережил это время спокойно, понимая, что это требуется в воспитательных целях. Он любил отца с матерью и потому сочувствующе вздохнул о нелёгком родительском долге.

До пятнадцати лет неведомая тёмная сила, звучащая старческим голосом в голове парня, проявлялась дважды. Первый раз через два года, когда семья Максимовых отправилась в отпуск на

море. Тогда бесстрашный мальчик решил проверить, насколько глубоко он сможет нырнуть под воду и как долго продержаться без кислорода, но, как всегда, всё закончилось благополучно. А второй случай произошёл в четырнадцать лет. Ему стало интересно побывать в схватке с огнём и понять, боится ли он этой стихии. Саша увидел из окна охваченный пламенем в их районе соседский домик и поспешил на место происшествия. Когда он выбежал без единого ожога из полыхающего дома, держа в руках пищащего и испуганного котёнка, с грохотом за его спиной провалилась крыша. Юноша ликовал – победа была за ним.

Возмужавший и вытянувшийся к пятнадцати годам Сашка зашёл в кухню, где ждали его родители и любимый с детства шоколадный торт с бисквитными ореховыми коржами.

– С днём рождения, дорогой! – сказала изрядно постаревшая от стрессов мама.

– С днём рождения, сынок! – добавил полностью поседевший папа.

Во время чаепития отец достал конверт и нерешительно протянул сыну со словами:

– Мы с мамой знаем, что ты давно мечтал об этом, и решили исполнить твою мечту.

У именинника загорелись глаза. Он с нетерпением раскрыл подарок и, не сдерживая своих эмоций, как когда-то в детстве, обнял отца и поцеловал мать. В конверте лежала путёвка на декабрь месяц в один из старейших горнолыжных центров России – курорт «Домбай». Одно из лучших мест для любителей с комфортом покататься на горных лыжах и сноуборде. Рай для спортивного отдыха и любителей пощекотать нервы славится своей почти двадцатикилометровой протяжённостью трасс, которые пролегают через живописный Тебердинский заповедник.

Дни и недели до запланированной поездки тянулись для Саши очень медленно, но чем ближе становился этот день, тем всё отчётливее он видел себя на вершине горы, с наслаждением наполняющего свои лёгкие морозным, чистым воздухом свободы. Пока ждал, активно готовился к спуску на сноуборде: ходил в спортзал, повышал навыки езды на снаряде, а также приобрёл на родительские деньги полное обмундирование для спортивного отдыха.

Но время, несмотря на кажущуюся растянутость, не стояло на месте. Окрылённый предстоящим путешествием, юноша с вечера собрал рюкзак с самыми необходимыми вещами. Утром, придя в кухню, мама накрывала на стол завтрак: яичницу с колбасой и бутерброд с сыром.

– Доброе утро, сынок, тебе кофе или чай?

– Кофе с молоком, пожалуйста, – сказал Сашка и принялся с аппетитом уплетать горячую яичницу, отложив бутерброд для кофе.

Отец рано ушёл на работу, а мать, провожая сына, умоляюще посмотрела ему в серые глаза и сказала:

– Пожалуйста, будь осторожен. Я тебя очень прошу.

– Мам, не переживай за меня. Страх – это иллюзия, его не существует, – спокойно ответил молодой парень и безмятежно улыбнулся.

На прощание он обнял мать и вышел из дома. Еле сдерживая слёзы, женщина ещё минуты две стояла у порога, не двигаясь, будто ждала, что сын, возможно, что-то забыл и вот-вот вернётся. Но нет. Такси мчалось в аэропорт, увозя с собой юношу вместе с его тайной.

Самолёт, автобус и ещё одно такси благополучно доставили Максимова в «Домбай». Время близилось к ужину, потому, разместившись в своей комнатке и приняв душ, Саша пошёл в столовую и попробовал, чем кормят любителей экстрима. Рано лёг в кровать, но долго не мог уснуть. «Всего одна ночь отделяет меня от мечты», – ворочаясь с боку на бок, думал он. Ему натерпелось покорить чёрную трассу, вершина которой находится на отметке 3168 метров. Измучившись ожиданием, всё-таки провалился в сон и увидел себя на верхушке высокой горы. Раскинув руки, он бесстрашно стоял в полном одиночестве, обдуваемый со всех сторон ветрами, и смотрел на заснеженные величественные горы.

Утром, пробудившись от приятного сна, Александр заправил кровать, умылся и отправился на завтрак. Подкрепился тремя оладьями со сметаной, запил их крепким сладким чаем и пустился покорять одну из трёх сложных, потому и чёрных трасс для экстремалов.

Открытый подъёмник доставил юношу наверх, где на не слишком большом пяточке толпа людей сновала туда-сюда. Все были взволнованы и уже на адреналине, ещё не успев спуститься с горы – просто от одних захватывающих видов, открывающихся с этой высоты. Но искатель экстремальных ощущений не замечал никого, его внимание и интерес были прикованы к огромным белым горам вокруг. Получив от инструктора несколько коротких рекомендаций, он, одетый в свой новый костюм для сноуборда, встал на краю перед спуском.

Горнолыжные очки с оптической прозрачностью, приближённой к стеклу, скрывали от посторонних глаз живые эмоции внешне мужественного и крепкого телосложения юноши, а в душе ещё ребёнка. Солёная влага застилала ему пока ещё серые глаза, которым через пять минут предстоит надолго поменять свой цвет на угольно-чёрный. А пока его переполняли ни с чем не сравнимые эмоции от пребывания здесь и от предвкушения быть маленькой движущейся вниз чёрной точкой на фоне вечных каменных гор, увидевших и переживших на своём веку миллионы людей.

Сердце начало учащённо стучать, и Сашка вспомнил уже почти забытые за год приятные ощущения в теле, когда стоишь на краю пропасти и знаешь, что не упадёшь. Он снял очки, чтобы посмотреть на ослепительно белый снег, переливающийся на солнце всеми цветами радуги, но спустя полминуты надел их обратно. Улыбнувшись, Александр перенёс вес своего тела на правую ногу. Край

доски, не соприкасавшийся с поверхностью снега, наклонился, и сноуборд, как по маслу, начал съезжать вниз. Вместе с горным воздухом Сашка вдыхал свободу и безграничность. Щёки обдувал острый, холодный ветер, будто тысячи невидимых иголок пытались проколоть его кожу. Адреналин зашкаливал, но ему этого было мало.

«Страха больше нет», – проскрипел нечеловеческий голос, и впервые за все эти годы парень расхохотался. Да так громко, что, казалось, эхо от хохота разносится повсюду, от одной горы к другой, уходя всё дальше и дальше...

– Страха больше нет, – прошептал замёрзшими губами парень и резко свернул влево, в сторону оранжевой сетки, покорять непокорённую стихию.

Июль, 2024 год

Лидия ГУСЕВА

г. Санкт-Петербург

Член творческого объединения авторов России, дипломант конкурсов детской литературы.

Окончила факультет иностранных языков в ЛПИИ им. Герцена и факультет журналистики СПбГУ. Автор 5 книг прозы.

Плацкарта

Рассказ

Поездка в поезде – это маленькая жизнь. А может, и большая. Потому что ты соприкасаешься с десятками жизней. По стечению обстоятельств оказываешься в одном замкнутом пространстве с незнакомыми людьми. Обрывки фраз, приветствия, жесты, а уж истории, тем более, могут многое поведать за короткое время. Ты также невольно становишься попутчиком, собеседником или слушателем. Наверно, твой портрет также оценивают, анализируют, если кому это интересно. Ольга обожала поезда, железную дорогу. Она часто ездила из Московской области в Самарскую. Там жили её родители и другие родственники. Брат после армии тоже перебрался в Москву, где Оля училась в пединституте. На последнем курсе повстречала хорошего парня, и они обосновались под Москвой. Брат также женился. Короче, были рядышком. Рядом и росли их дети. Родители не только не скучали, но и не успевали порой отдохнуть от их визитов. А внуки почти все каникулы проводили в деревне у бабушки с дедушкой. У Ольги, как у педагога, тоже были длинные отпуска. Осенью или зимой сама бабушка приезжала. Так что железная дорога всегда несла с собой ожидание скорой встречи, радость, покой и веселье, а плацкарта была уже предтечей дома родного.

Но эта поездка была для Ольги не весёлой. Она возила мать в Москву на обследование. Намыкавшись в местных клиниках, они поехали за диагнозом в Москву. Самое худшее подтвердилось, и дочь еле сдерживала слёзы, чтобы не выдать себя. Матери же она сказала про утешительные прогнозы: переделала диагноз хондросаркомы в некую хондроксому, мать верила пока, а заключения врачей дочь ей не показывала. Ольга кляла себя, почему они с братом не настояли на операции, когда мама начала прихрамывать. Ведь многие меняют эти шарниры в шейке бедра на металлические. Может, в этом была первопричина? Но упрямство семидесятилетней женщины не знало границ: «Нет, я не перенесу наркоза, старая уже, ничего, с клюшкой похожу».

Ни в какую мать не соглашалась. А вылилось это через пять лет в такое, даже страшно сказать, как выяснилось, не операбельное. Если делать операцию, то пришлось бы оставлять только мамин бюст, ну прямо как одну голову профессора Доуля у писателя Беляева. И в мире прошло всего две таких операции. Мать плохо себя чувствовала, сидела на таблетках, а при сильных болях Ольга колола ей обезболивающее. Речь о наркотиках пока не шла, но болезнь из вяло текущей начала стремительно прогрессировать.

Как на зло, собирались они быстро, места в вагоне оставались лишь боковые, да и матрасы к тому же оказались старые и комковатые. Мама присела и взвыла от боли. Побелела вся. Ольга хотела тут же сделать ей укол, но она отказалась: «Да ты что!? При народе. Тут? Нет!»

Вот такая она была упрямая.

И с соседями им не повезло. Ехала шумная и достаточно весёлая компания, хотя собрались они, как оказалось, на сорок дней к матери. Ещё двое присоединились к плацкарте напротив их из соседнего вагона. Складывалось впечатление, что шесть человек не виделись сто лет. Затем из их громкого разговора выяснилось, что так и было. Две женщины средних лет и четверо мужчин от пятидесяти до шестидесяти лет – дети одних родителей – собрались вместе, наконец, после долгих лет.

– А мне было никак не успеть, – тараторила одна, хоть я и ближе всех живу. Ведь хоронят-то в деревне на второй день.

– Ну, а мне тем более, из Северодвинска и самолётом не успеть, – оправдывалась другая.

– А я на девять дней, думал, поеду, так с работы не отпустили, – вторил брат, который выглядел моложе всех.

– Ох, Серёжка, как же ты вырос! Я ж тебя до армии ещё видела. Надь, правда, изменился?

– Так все мы изменились. Встретились бы на улице, не узнали!

– Вас, сестрёнки, я точно не узнал бы! Уехал из деревни, когда вы ещё под стол пешком ходили, – произнёс самый старший брат, лет под шестьдесят. – Да и у матери-то был лет пятнадцать назад последний раз, когда отца хоронили, Царство Небесное им теперь.

– А мы вот и на его похороны не успели.

– Ну, давайте выпьем за встречу, за мать. Земля ей пухом.

Соседи потихоньку разливали дорогой коньяк в стаканы с подстаканниками, чтобы не заметила полиция, которая периодически проверяла вагоны. Однако из-за выпитого их разговор становился всё громче и развязнее. Они перенеслись на другие темы: вспоминали своё детство, потом поведали друг другу кто куда разъехался, на кого выучился, кем работает, сколько детей и тому подобное. В результате среди них оказался и начальник какой-то базы, директор магазина, у другого своё ИП. Одним словом, как говорят, выбились в люди. Всё чаще стали наполняться стаканы, всё хвастливее становились речи, прямо как на встрече одноклассников через двадцать-тридцать лет, а не родных братьев и сестёр. Ольге было тяжело это слушать, но уши не заткнёшь ведь. Мама сидела рядом, живая, но со смертельным диагнозом. Дочь вспомнила, как тоже напилась коньяка от горя, когда узнала результаты исследований. Даже врач-онколог не смотрел ей в глаза, когда произносил диагноз, а смотрел долго в окно. Вот так пила и рыдала всю ночь у себя в спальне. Она не могла поверить, что мамы скоро не будет... Не могла.

– Слушайте, что-то мы совсем развеселились, давайте тише, а то нас точно заберут, – спохватился один из братьев, опять подливая коньяк в стаканы.

– Ой, да успокойся ты, Миха, мы сейчас с Райкой чёрные ажурные платки накроём, – Надя тут же вытаскивает траурные шали из сумки. – Это кто ж против горя пойдёт! – рассмеялась она.

– Кстати, а как там наш Петюнька младшенький, он вроде ведь с мамкой жил?

– Так он, наверно, и там.

Мне мать писала, давно ещё, правда, лет пять назад, что пьёт он. Не совсем в запоях, но пьёт. То работает, то на мамкину пенсию живёт.

– Да уж, непутевый он у нас.

– Ну, в семье не без урода, как говорится.

– Ну да ладно, давайте о деле. Завтра приедем, поминки справим, а послезавтра я уже забила время у нотариуса в районе. Надо будет документы на дом у Петьки поискать не забыть, и к двенадцати часам в город.

Тут все закивали головой: «Молодец, что забронировала время».

Больше слушать Ольга не могла. Она вышла в тамбур, затем встала между дверями вагонов, где сцепление, и закурила. Ей было очень плохо. Она так переживала за мать, не могла на неё наглядеться, ловила каждое её слово, сохраняя его в памяти, и так гадко и противно было от соседей напротив, что хотелось вымыть руки. С мылом. Она представила почему-то жалкое домишко покойной, бедного Петю, который остался с одинокой мамкой жить. Когда Ольга вошла снова в вагон, мать улыбнулась ей радостно, несмотря на свои боли, словно не видела вечность. Дочь поняла по её глазам: это она больше ловит каждое Ольгино слово, это она не может никак насмотреться на неё. Мать понимала всё и пребывала, в отличие от дочери, в стадии прощания со всем миром. Вагон почти уже весь похрапывал. Их пьяненькие соседи тоже начали стелиться и, естественно, от выпитого быстро уснули. Ольга, тоже уже немолодая женщина, забралась на верхнюю полку. Мало того, что места были боковыми, так ещё у туалета. То есть ноги Ольге было не разогнуть. Она развернулась неловко, и вдруг острая судорога сковала икроножную мышцу. Женщина чуть не взвыла на весь вагон. Ольга знала, что приступ будет продолжаться минут пять-семь. Нужно было срочно принять таблетку. Она слезла с грехом пополам с полки, мать начала охать и ахать, жалея её.

– Мама, там в сумке на дне должны быть мои лекарства, – сказала Ольга сквозь сжатые от боли зубы, растирая в то же время руками ногу.

Мать, волнуясь и торопясь, не могла никак найти таблетки, выкладывая всё, что было в большой сумке: пакеты и пакетики, продукты, туалетные принадлежности. А как эти пакеты шуршат, все знают, да ещё в спящем, молчаливом вагоне. Мать туда-сюда их, сюда-туда, пока Ольга занималась со своей ногой. Боль так же резко ушла, как и пришла. Она, наконец, улыбнулась:

– Мам, слушай, ещё подумает вагон, что мы воришки. То сидели, сидели две кулёмы, как мышки, а как все спать легли, полезли по сумкам рыться. Они же не видят, чьи это пакеты шуршат?

И любительницы пошутить в лучшие времена, сейчас же прыснули от смеха.

– Ну вот, мам, опять весь вагон скажет, что сидели, сидели весь день монашки, молчали, как рыбы, а как все спать легли, так ржать начали!

И снова они смеяться-заливаться стали.

– Ой, мам, с тобой не соскучишься!

Ольга выпила таблетку и полезла на злосчастную полку. Она была очень рада, что повеселила немного мать, что та от души посмеялась! И никогда она не покажет никому, что у них что-то плохо. И всё будет хорошо! Иначе зачем тогда жить?!

Татьяна РОМАНЕНКО

г. Ангарск, Иркутская обл.

Романенко Татьяна Борисовна. Родилась 9 октября 1969 г. в городе Чита. В 1981 г. переехала в город Ангарск. Работала журналистом в городской газете «Защита» и журнале «Любимая», вела колонки для детей. Первую сказку написала в 1995 году. Публиковалась в коллективных сборниках издательства «Кубик», в серии «Сказки на ночь», в детских журналах «ПростоКваша» (Волгоград), «Бералла» (Грозный), «Енисейка» (Красноярск), в литературных журналах «Признание» (Ангарск), «Северо-Муйские огни» (№2/96/2023). Участник и победитель международного конкурса «Напишем книгу» (Самара /25.01.2022 /07.07.2022 /25.01.2023). Автор книг «Байкальская Атлантида» и «Сказочные приключения». Член литературного объединения «ГААС» (г. Ангарск).

Как Жорик дом искал

Сказка-быль

– Подъём, подъём! Солнце уже взошло! Смотрите, какой прекрасный день! – кричал волнистый попугайчик на своём птичьем языке.

– Да дашь ты нам поспать или нет! Вот неугомонная птица, – бурчал полусонный хозяин, вынося клетку с попугаем на балкон. – Кричи теперь здесь, вместе с воробьями. А я ещё успею поспать, пока будильник не прозвенел, – зевнул мужчина и закрыл за собой балконную дверь.

Попугайчик притих, озираясь по сторонам. Яркие запахи сирени щекотали нос, а порывы тёплого ветра взъерошивали пёрышки. Утреннее солнышко так нежно пригревало, что попугайчик успокоился, и даже чуть-чуть задремал.

– О, какой красивый завтрак, – мурлыкнул большой рыжий кот и обнюхал клетку.

Попугайчик проснулся в ту же секунду и заметался, стучаясь о прутья своего домика.

– Тебя как зовут, зелёный? – опять мурлыкнул кот.

– Жорик, – испуганно прошептал попугайчик.

– Жорик-обжорик, – засмеялся кот и стукнул лапой по прутьям.

Лёгкая клетка качнулась и упала на пол. От удара дверца открылась, и попугайчик выпорхнул, стараясь улететь как можно дальше.

– Эх, завтрак улетел, – выдохнул кот и перепрыгнул к себе домой, на соседний балкон.

Попугайчик сидел на ветке берёзы, и его маленькое сердце тревожно колотилось. Вокруг всё казалось очень страшным и чужим. Рядом, на ветку, присел серый воробей.

– Привет, – сказал он.

Попугайчик втянул голову в плечи и сделал вид, что не заметил воробья.

– Привет. Зелёный, ты меня слышишь? – прочирикал воробей.

– Слышу, – решил на ответ попугайчик.

– А ты кто такой? Синица что ли? – любопытный воробей внимательно рассматривал гостя.

– Нет, я волнистый попугай, – ответил Жорик.

– А где твоя стая?

– Моя стая осталась в питомнике. А теперь я с людьми живу – они моя семья. Мы живём в квартире, и у меня там есть свой домик из прутиков.

– Ой, расчирикался, зелёный, ты ври да не завирайся! Домик у него свой, в квартире он живёт. Да кто тебя туда пустит! Мы вот всей стаей под крышей живём.

Воробей так громко чирикал, что привлек к себе внимание сородичей, и на ветку прилетело ещё несколько серых воробушков. Все вместе они начали бурно обсуждать, где может жить их зелёный гость. Дискуссия перешла в небольшую потасовку, и только окрик старой вороны заставил замолчать воробьиное племя.

– Ну, вот, из-за тебя нас наругали, – чирикнул один из них.

– Я молчал, это вы раскричались, – попытался оправдаться попугайчик.

– Так мы же о тебе и говорили, – возмутился воробей, и всё повторилось.

Воробьи так активно спорили и насакивали друг на друга, что Жорик решил улететь от этой шумной стаи, пока опять от вороны не попало. Он приземлился на асфальт, где толстые голуби клевали кусочки булки.

– Привет, воробей. Ты что в банку с зелёной краской упал? – прокурлыкал самый большой голубь.

– Здравствуйте. Я не воробей, я попугай.

– Ага, знаем мы вас. Вы ради чужой булки и не такое можете придумать. Лети, воробей, отсюда подальше, пока мы тебя не заклевали, – и голуби начали наступать на попугайчика, грозно гукая.

Жорик не стал ждать драки и быстро покинул такую недружелюбную компанию.

Попугай взлетел вверх и спрятался на ветке старой и очень большой лиственницы. Нежные, совсем ещё не колючие зелёные иголки укрыли попугая от любопытных глаз. Кушать хотелось всё сильнее, и попугайчик решил попробовать на вкус мягкую хвою. Иголки оказались очень вкусными, а маленькие красные шишечки были просто восхитительны!

– Ням-ням-ням. Какая вкуснятина, – бормотал попугай, уплетая за обе щёки маленькую шишку.

Уже несколько дней Жорик жил на лиственнице. Днём он летал над травой и клевал семена, а ночью прятался в пушистой зелёной хвое.

Жорик лакомился любимой шишечкой, когда заметил, как два чёрных глаза-бусинки следят за ним на соседней ветке из-за хвои.

Вначале попугайчик насторожился, готовый отбивать атаку непрошеного гостя, но, увидев пушистый хвост, успокоился. Жорик решил, что хозяин такого красивого хвоста не может быть злым.

– Здравствуйте. Я попугай, меня зовут Жорик, – медленно нараспев протянул он. – А вас как зовут?

– Привет! А я бельчонок Чук, – ответил обладатель пушистого хвоста и потянулся к кусочку коры, на которой лежали запасы попугайчика.

– Ты тоже их любишь? – удивился Жорик и подтолкнул к бельчонку самую большую шишечку. – Держи, угощайся, – прощебетал он.

– Спасибо! Конечно, люблю. Мы, белки, самые главные любители орешек и всяких ягод! – ответил Чук.

Бельчонок и попугай сидели рядышком, и каждый грыз свою шишку.

– Вкусно, – промычал с набитым ртом бельчонок.

– Ага, – поддержал его попугайчик.

– А ты где живёшь? – спросил Чук.

– Сейчас – на дереве. Вот здесь, на ветке. А ты где?

– Мы тоже живём на дереве. Вон в том дупле. Видишь? – бельчонок указал на стоявшую рядом сосну. Из дупла высовывались две беличьи мордашки.

– Ой, а кто это там? – удивился Жорик.

– Мои сестрёнки, – улыбнулся бельчонок, – они боятся выходить из дома. А я, пока мама не видит, решил сбегать за шишками.

– Так что получается, мы тут с тобой шишками лакомимся, а твои сестрёнки только слюнки глотают? Давай их тоже угостим, – прощебетал Жорик.

– Давай, – согласился Чук.

Бельчонок смог взять в зубы только одну шишку, лапки ему были нужны для передвижения. Попугайчик захватил три – одну в клюв и две держал лапками. Взмахивать крыльями и лететь это ему совсем не мешало.

Три пушистых бельчонок и один зелёный попугай устроили великий пир! Бельчата угостили попугайчика сушёной ягодой, которая оказалась ещё вкуснее шишек. Вечером, когда прискакала мама-белка, Жорик попрощался с новыми друзьями и улетел к себе на ветку. Из дупла ему махали лапками бельчата.

– Спокойной ночи, – ответил им Жорик.

Сытые и довольные, все улеглись спать: бельчата – в своём дупле, воробушки – под крышей дома, а волнистый попугайчик – в зелёной хвое лиственницы, на её широкой ветке.

А ночью началась гроза. Чёрные тучи затянули небо, скрывая звёзды и лампочку-луну. Попугайчик чувствовал, что надвигается какая-то опасность, но не мог распознать её. Вдруг совсем рядом с Жориком что-то ярко сверкнуло, и затем раздался страшный гром. Попугайчик от страха чуть с дерева не упал, но в последний момент успел схватиться коготками за кору и вжаться в ветку, превратившись в один пушистый комок из зелёных пёрышек. «Уф, пронесло», – только и успел подумать он, как с неба обрушилась вода.

Шквалистый ветер гнул деревья, ломая сухие сучья. Ледяные струи дождя били с такой силой, что срывали шишки с веток. Молния сверкала, озаряя страшным светом деревья и дома. Пушистое оперение уже не справлялось с потоками воды, и попугайчик промок насквозь, до кожицы. Стало очень холодно. Чтобы чуть-чуть согреться, Жорик спрятал голову под крыло. Очередной порыв ветра сдёрнул маленькую птичку с ветки и закружил зелёным листочком, то подбрасывая вверх, то роняя до земли. Попугайчик пытался расправить крылья, но намокшие перья и сильный ветер не давали ему взлететь...

...Гроза закончилась с первыми лучами солнца. На небе ещё были тучи, но солнечные лучики уже пробивались сквозь оконца в тёмных облаках. Природа и все её жители просыпались. Вся земля и асфальт возле дома были завалены ветками деревьев, шишками и разным бытовым мусором.

Мама-белка побежала собирать орешки для своих деток. Маленький бельчонок Чук, дождавшись маминого ухода, поскакал на соседнюю лиственницу повидать друга Жорика.

Но попугайчика на ветке не было. И там, где они вчера рвали шишки, его тоже не было. Бельчонок обследовал весь ствол. Он заглянул на каждую веточку и добрался до самой верхушки, где было большое гнездо старой тётушки Вороны.

– Здравствуйте, – произнёс Чук, выглядывая из-за края гнезда.

– Доброе утро, бельчонок. Ты что, маму потерял?

– Нет, мама по делам ушла, а я друга ищу. Вы его не видели? Зелёный такой. Его Жорик зовут, он попугай.

– Твоего друга я часто вижу вон на той ветке. Но сегодня ещё не встречала, – ответила ворона.

Бельчонок шмыгнул носом и тихо заплакал.

– Ну, что ты, маленький, не плачь, – прошептала тётушка Ворона – её очень тронуло отношение бельчонок к попугаю. – Давай вместе искать. Я сейчас взлечу и сверху посмотрю...

– А я в траве, под деревьями, – поддержал ворону бельчонок.

Стайка воробьёв опять что-то шумно обсуждала, сидя на асфальте, возле кучки какого-то мусора. Бельчонок увидел, что ворона летит в сторону горластых воробьёв, и тоже побежал к ним. Воробьи, увидев ворону, уже хотели взлететь, но, услышав её окрик, остались на месте. Серенькие птички сбились в одну кучку, дрожа от страха.

– Подождите, воробьишки, не улетайте. Я ищу зелёного попугая. Вы его сегодня нигде не видели? – обратилась к ним ворона.

Вперёд вышел папа-воробей и прочирикал в ответ:

– Здравствуйте, тётушка Ворона. Посмотрите, пожалуйста, вот в этой куче мусора. Моему сыну показалось, что там лежит попугайчик. Он позвал нас на помощь, но мы не смогли оттащить тяжёлые ветки.

– Да, вон там, из стаканчика торчат такие же зелёные пёрышки, как у Жорика, – прочирикал маленький воробей.

Бельчонок был уже на месте и слышал весь разговор. Он подошёл и начал передними лапками убирать ветки, шишки, листики, пакеты и другой мусор, собравшийся потоками воды в одну кучу.

Из белого пластикового стаканчика действительно торчал зелёный хвостик. Бельчонок аккуратно взялся за дно стакана и снял его с бедного попугайчика. Птичка лежала на боку. Глазки были закрыты. Пёрышки, слипшиеся с кусочками грязи, хвои и листиков, некрасиво торчали в разные стороны. Воробьи так переживали за Жорика, что начали очень громко чирикать. Тётушке Вороне даже пришлось на них прикрикнуть:

– Тихо вы, неугомонные птахи. Из-за вашего шума я не могу послушать, бьётся ли сердце у маленького попугайчика!

Все тут же замолчали и отошли в сторонку, пока тётушка Ворона осматривала и обнюхивала маленькое тельце зелёного попугайчика. Она прижала свою голову к груди попугая и воскликнула:

– Он жив!

Воробьи опять зачирикали, предлагая переместить попугая к ним под крышу.

– Спасибо, воробьишки, но я заберу Жорика к себе домой, в гнездо. Вы не сможете защитить его так, как я, – вынесла свой вердикт старая ворона.

Тело попугайчика было таким крошечным по сравнению с вороной, что та взяла пострадавшего одной лапкой и взлетела на самый верх могучей лиственницы.

Бельчонок помог собрать мягкие иголки хвои, чтобы в большом вороньем гнезде сделать маленькое мягкое гнёздышко для попугайчика.

Уже больше месяца попугайчик жил в гнезде. Тётушка Ворона, как заботливая бабушка, оберегала своего зелёного внука. Днём они вместе летали, а ночью и в непогоду она прикрывала его своим крылом.

Каждый день прибегал в гости бельчонок и прилетал один маленький серый воробей. Все вместе они весело играли в догонялки по огромной лиственнице или усаживались в большом гнезде и слушали интересные сказки, которые рассказывала им тётушка Ворона.

Лето пролетело незаметно.

Тётушка Ворона прожила долгую жизнь и понимала, что зимой попугайчик не выживет. Как бы ей не хотелось оставить Жорика у себя, но ему нужно было искать другой дом, теплее её гнезда. Ворона примерно знала, в каком доме он раньше жил. Тётушка как-то попросила воробья показать ту берёзу, где он познакомился с попугаем. Тогда ещё воробей пожаловался на большого рыжего кота – грозу всех птиц и мышей. Но ворона хотела услышать рассказ от самого попугая. И в один из дней тётушка решила на разговор.

– Скажи, дорогой мой птенчик, а где ты раньше жил, пока не появился у нас на дереве? – спросила она.

Жорик помнил, как над ним посмеялись воробьи после рассказа о жизни в квартире с людьми, и неуверенно, со страхом в голосе, начал своё повествование. Он рассказал тётушке о большом питомнике попугаев, где он родился, и о том, каким образом он оказался на улице.

Ворона внимательно выслушала рассказ. За свою жизнь она несколько раз встречала таких же попугайчиков, как Жорик, и теперь поняла, откуда они прилетали.

– Скоро зима, – сказала она, – и ты не сможешь выжить здесь, на улице. Полетели, будем тебе дом искать.

Уже несколько дней чёрная ворона и зелёный попугай летали возле жилых домов. Когда они видели на балконах людей, ворона оставалась в стороне, а попугайчик подлетал и садился рядом с человеком. Но пока не получалось наладить контакт. Люди отмахивались и прогоняли зелёную птицу.

– Кыш, блохастый, – закричала толстая женщина и чуть не стукнула попугая тапкой.

Жорик в последний момент успел увернуться, получив небольшой удар по хвосту. Возмущённая ворона хотела наказать обидчицу, но попугай её остановил.

– Не нужно отвечать злом на зло, – прошептал он, – может, она просто птиц не любит.

– Эх ты, добрая душа, – ответила тётушка Ворона, – это слабым обижать нельзя, а себя защищать всегда можно и нужно. Вот почему ты не клюнул того кота, который хотел тебя съесть?

– Я просто испугался и улетел.

– Ну, не переживай. Я сама его клюнула и объяснила, что птичек трогать нельзя.

– Так значит, ты знаешь, где мой дом! – воскликнул попугайчик.

– Конечно, знаю. Просто я думала, ты не захочешь возвращаться в ту семью.

– Да что ты, тётушка Ворона. Я очень-очень хочу вернуться в ту семью, ведь там моя маленькая хозяйка Алёнка. Меня ей на день рождения подарили. И это она меня Жориком назвала!

– Кхе, кхе, – закашлялась ворона, – хорошо, мой птенчик, если ты так хочешь, то полетели к тебе домой.

Ворона и попугай сели на ветку берёзы и стали наблюдать. Балкон был пуст. Жорик уже отчаялся, когда на балкон вышел папа Алёнки. В руках он держал пустую клетку. Следом на балкон вышла девочка. Папа поставил клетку на тумбочку и обратился к дочке:

– Алёнушка, может, мы всё-таки купим нового попугайчика?

– Нет, папа, я буду ждать своего Жорика. Он обязательно вернётся! – прошептала девочка, присев на стульчик, и две слезинки скатились по её щекам.

Мужчина вздохнул и вернулся в комнату. Он уже не раз корил себя, что в тот злополучный день вынес попугая на улицу. И вот теперь из-за его поступка дочурка грустит.

Ворона и попугай сидели на ветке, боясь пошевелиться. Они молча наблюдали за людьми.

– Ох, моё старое сердце не выдержит! Я не могу спокойно смотреть, как плачет эта маленькая девочка, – высказалась ворона. – Давай уже, лети к своей Алёнке.

– Тётушка Ворона, я очень тебе благодарен за всё, но Алёнка – моя семья. Они с папой – моя стая. Ну а как же ты? Ведь ты останешься одна, – печально сказал Жорик.

Когда до воплощения мечты остался один шаг, ему стало жалко старую тётушку Ворону.

– Спасибо, что переживаешь обо мне, мой птенчик. Но я родилась и выросла на нашей лиственнице, и другого дома мне не надо.

– А можно я буду приходить к вам в гости? – сказал бельчонок, ловко перепрыгнув на ветку и усевшись рядом с вороной.

– Чук, привет! Ты тоже пришёл проводить меня! – обрадовался другу Жорик.

– Да, и не только я, – ответил бельчонок и показал лапкой на соседнюю ветку. Там сидел серый воробей.

– Ну, всё, лети, – вздохнула ворона и подтолкнула попугая крылом.

Жорик подлетел к балкону, сел на клетку и тихо защебетал. Алёнка подняла заплаканное лицо и увидела попугайчика.

– Жорик, ты вернулся! – не веря в происходящее, восторженно прошептала девочка и протянула к нему руку.

Попугай аккуратно переместился на детскую ладошку. Алёнка погладила его пальчиком по голове и прошептала:

– Пойдём, папу обрадуем.

На соседнем балконе сидел тот самый рыжий кот и наблюдал за попугаем.

– Привет, Жорик, – мурлыкнул кот. – Ты это, прости меня.

– Привет, – ответил попугайчик. – Мир?

– Мир, – промурлыкал кот.

Солнце слепило глаза, и Жорик уже набрал полную грудь воздуха, чтобы поприветствовать новый день, но, увидев спящего на диване мужчину, выдохнул и тихо-тихо прошептал: «Здравствуй, солнышко!»

Пока не наступили морозы, Алёнка, выходя на балкон, брала с собой Жорика. В клетке теперь он только кушал и спал, а всё остальное время свободно перемещался по квартире. К нему часто прилетали в гости ворона и воробей. А вчера днём забегал бельчонок. Оказывается, белки умеют подниматься по стенам дома.

Вот и сегодня Алёнка вышла на балкон. На её плече сидел Жорик.

– Ой, Жорик, смотри! Это тебе друзья гостинцы принесли! – воскликнула девочка.

На подоконнике лежала веточка с сухими ягодами и две шишки.

Зимой Алёнка с папой сделали несколько кормушек. Они развешали их на деревьях возле дома, а одну оставили у себя, на балконе. В кормушке для друзей Жорика всегда лежали разнообразные вкусняшки.

Татьяна МИРОНОВА

г. Кимры, Тверская обл.

Миронова Татьяна Анатольевна. 1957 г.р. Член литературного объединения «Вдохновение». Автор 3 книг стихов. Публиковалась в коллективных поэтических сборниках. Участник фестивалей «Каблуковская радуга» (Тверь), «Есенинский праздник поэзии» (Дубна). В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

Из серии «Для чтения детям 5+»

«Звёздочка»

В густом дремучем лесу жили совы. В одной совиной семье было пять особей: две взрослые совы и три молодые. Молодые совы уже подросли, сами охотились и добывали себе пищу. Охотились они обычно по ночам. Одна из молодых сов была очень мечтательной натурой. Когда её родители, брат и сестра летали по ночному лесу, выискивая всякую живность для пропитания, она забиралась на высокое дерево и смотрела на звёзды. Её так и стали называть – Звёздочка. Она часами могла сидеть и ждать, когда на небе появится ещё одна звезда.

В семействе с пониманием относились к её увлечению.

Заранее зная, что она себе ничего не добудет, ей всегда оставляли кусочек ужина. В одну ночь всё небо было затянуто тёмными тучами, и не было видно ни одной звезды.

Когда Звёздочка прилетела утром в гнездо, то её спросили: «Почему ты не принесла ничего себе на ужин? Сегодня же нет звёзд на небе, которыми ты обычно любишься».

Она задумчиво ответила: «Нет, звёзды на небе есть, только их не видно. Но я отлично помню расположение звёзд на небосводе. Я долго смотрела на то место, где находится моя любимая звёздочка, и ждала, когда она появится. У неё особый розовый свет, а иногда она мне подмигивает». Брат по-дружески клюнул её в затылок и сказал: «Ладно, мечтательница, я тебе оставил кусочек ужина».

Поздней осенью пищи в лесу стало мало, и совы полетели на охоту в соседний лес. Когда им нужно было возвращаться домой с добычей, они поняли, что заблудились. Старшие совы долго спорили о том, в какую сторону им лететь. В чужом лесу было много скрытых опасностей и врагов. Совам необходимо было быстрее вернуться домой.

Тут Звёздочка им крикнула: «Летите за мной! Я дорогу найду по звёздам». А звёзды в эту ночь светили особенно ярко.

Сова, которую все считали ни на что не способной, взяла на себя роль вожака. Она летела впереди всех, указывая путь остальным.

Вскоре они прилетели в свой родной лес и быстро нашли гнездо.

Все очень благодарили Звёздочку за её отважный поступок.

По лесу быстро прошёл слух о том, что одна маленькая сова спасла своё семейство от опасностей и, возможно, даже от гибели.

Теперь все совы относились к Звёздочке с большим уважением и любовью.

Журавли

За лесом, по пустому полю важно ходит журавль, как хозяин, осматривает свои владения. Журавль этот серого цвета, с золотистым хохолком на голове. Но это не обычный журавль, это – Осень. Через некоторое время на поле прилетел ещё один журавль с пушистым белым опереньем и ярким красным клювом. Этого журавля зовут Зима. Вот они встретились и начали беседовать.

Серый строго сказал белому: «Ну, друг, ты поторопился. Твоё время ещё не пришло. Сейчас я здесь хозяйничаю, лети-ка ты назад». Белый ему в ответ: «Я летел долго через высокие горы, моря и океаны, боялся не успеть, очень торопился. Так что уступай мне место». Ему вежливо серый журавль отвечает: «Не могу я тебе место уступить. Люди ещё не все ягоды в лесу собрали, белки орехов не запасли, ёжики ещё не уснули. Они обидятся, что я у них несколько тёплых дней украл».

Журавли долго спорили, кричали, чуть драться не начали. Тогда белый журавль предложил решить всё мирно: «Слушай, Осень, давай с тобой по очереди хозяйничать будем. Несколько дней ты, потом несколько дней я, и не будем ссориться». Так и решили.

И с тех пор никто понять не может, почему несколько дней снег идёт, ветер холодный дует, а потом всё растает и солнце светит. А это журавли так забавляются, чтобы нам нескучно было. Но когда пришёл первый зимний месяц – декабрь, белый журавль заявил: «Всё, серый, закончилось твоё время по календарю. Прощай, друг, теперь я один хозяйничать буду».

Серому журавлю в ответ возразить было нечего, пришлось согласиться. Он пожелал белому успехов и улетел, долго курлыча другу на прощание.

Елена ЗЯБЛОВА

г. Усолье-Сибирское, Иркутская область

Преподаватель музыки и танца в школе искусств. Пишет стихи и музыку, публиковалась в общероссийском журнале «Книжки, нотки и игрушки...» (Москва), литературной газете «Интеллигент. Магадан», в литературных журналах «ИртышЪ-Омь» (Омск), «Новый Свет» (Канада), «Крылья» (Самара), в альманахе «Параллели» (Самара, 2019). Автор 2 книг стихов и прозы. Лауреат II Открытого областного фестиваль-конкурса исполнительского мастерства (Иркутск-Братск, 2018), международного конкурса «Музыкальная шкатулка» (Омск, 2021), Байкальского международного Арт-Фестиваля «Vivat, талант!» (Иркутск, 2022, 2023, 2024). Член редколлегии журнала «Северо-Муйские огни».

«Любовь к Родине – то же, что чувство к матери...»

Эссе

Посвящается памяти Валентина Григорьевича Распутина

«Хороший был человек, добрую память оставил о себе», – так говорят люди, вспоминая духовно близкого им человека, прошедшего путь земной.

Добрую память о себе оставил и Валентин Григорьевич Распутин – великий наш современник, писатель, честный, совестливый человек, любящий сын Иркутской земли, патриот своего Отечества.

Валентина Григорьевича я никогда не видела, а вот образцовому фольклорному ансамблю «Белореченька» нашей Детской школы искусств посчастливилось встретиться с ним. Бережно хранит руководитель коллектива Оксана Владимировна Калашникова (Верещагина) памятные фотографии и выпуск газеты «Усольские новости» от 29 сентября 2011 года. В этом выпуске освящён приезд Валентина Распутина вместе с Владыкой Вадимом, послом России в Монголии Борисом Говориным на СХАО «Белореченское».

В традиции старинного обряда, в народных праздничных костюмах, с хлебом-солью, с песней под баян фольклорный коллектив встречал гостей. После такой радушной встречи побывали гости и в административном корпусе, и на молочном комбинате, и в Сосновском храме, и в кабине комбайна с девятиметровой жаткой. Впечатлил писателя зернозаготовительный комплекс: «Словно в сказке побывал. Такого рукотворного чуда раньше видеть не приходилось».

Считаю Валентина Григорьевича героем нашего времени! Он – герой времени 60-х и 70-х, когда молодо было поколение детей войны, к которым относился и сам писатель. Герой времени 80-х, 90-х, 2000-х, эпохи, на которую пришла молодость поколения детей, рождённых от детей войны, и в 2010-х – Распутин герой для подрастающих внуков, их отцов и дедов.

Сейчас государство много реализует социальных программ и проектов, направленных на образование, здравоохранение, развитие культуры и спорта. Пушкинская карта дала возможность подросткам и молодёжи посещать выставки, концерты, кинозалы, музеи, театры. Появляются передовые молодёжные движения. Да, не просто быть лидером этих движений, но и не так сложно, когда есть поддержка государства, а вот стать духовным лидером, когда этой поддержки нет, – гражданский подвиг! Такой подвиг в те не столь далёкие 90-е совершил Валентин Григорьевич.

Лихие 90-е.: «челноки» да «братки» на улицах городов, закрытые заводы, фабрики, разорённые колхозы, совхозы, месяцами не выплаченные зарплаты...

Но вот парадокс, то, что совсем недавно было привычным, доступным и бесплатным для детей – творческие кружки, студии, спортивные секции, вдруг стало иметь немалую цену. Хотите, чтобы ребёнок участвовал в конкурсах, фестивалях, спортивных соревнованиях? Оплачивайте, уважаемые родители, за участие и за транспортные услуги. Только где взять эти деньги родителям? Семья с одним ребёнком ещё как-то сводила концы с концами, и то благодаря бабушкам и дедушкам, а многодетные семьи в большинстве своём остались за бортом жизни. Нечем было заняться детям после школы, негде было провести свой досуг. И в этой жуткой темноте зажигает звезду Валентин Распутин – фестиваль «Дни духовности и культуры «Сияние России»».

К нам на Иркутскую землю приезжают известные российские писатели, поэты, артисты.

Любая семья в течение недели могла бесплатно посетить мероприятия в библиотеках, клубах, дворцах культуры. Организовывал и согласовывал встречи со слушателями В. Г. Распутин. Несмотря на то что в личной жизни приезжающих на фестиваль писателей происходили и трагические события, не приехать они не могли.

Из воспоминаний Марии Аввакумовой:

«Было это в 2005 году, когда меня опять пригласили на Иркутские литературные встречи – «Сияние России», – которые должны были пройти в конце сентября – начале октября. Время ещё было, и я в нерешительности тянула с ответом, что-то неясное меня останавливало. Потом-то сложившееся противостояние проявит себя через год... А в то лето ничто, казалось, не предвещало беды. Но «вещая ворона» уже всё знала.

И вот – звонок. Я сразу узнала сибирский говорок и растерялась. Валентин Григорьевич спрашивал напрямую, поеду ли я в Иркутск:

– Что... так, Мария, и будем отсиживаться каждый в своём углу?..

Конечно, я в Иркутск полетела, хотя опасалась перелётов, давно предупреждённая свояком, работавшим в авиации. Полетела, хотя за неделю до этого пришла из Архангельска телеграмма от сестры о смерти племянника. Ей, конечно, требовалась помощь.

– Прилетел в Иркутск из Уфы и писатель Чванов – председатель Аксаковского фонда... прилетел, ещё не придя в себя после смерти жены...»

«Кружатся мёртвые планеты, ярко вспыхивают и гаснут звёзды, летят в никуда и ниоткуда кометы, астероиды, наматывая бесконечность времени и пространства. И во всей этой круговерти «крутится-вертится шар голубой». Живой и беззащитный. Искорка во тьме ночи, на холодном ветру», – так начал разговор с читателями писатель Альберт Гурулёв, который приезжал в один из «Дней духовностей» в центральной библиотеку г. Усолье-Сибирское. Подростки, которые в основном были частью аудитории, внимательно слушали выступление писателя, наверное, потому, что такая картина мироздания не раз возникала и в их воображении.

Позже эти строки прочитала в главе его книги воспоминаний о Распутине «Остановиться и... оглянуться», где он повествует, что такой ему Вселенная представлялась лет в шесть-семь:

«Я хорошо помню свои первые слёзы перед открывшимся одиночеством и бессмысленностью атеистического бытия. Позднее, в школьные годы, эти слёзы прошли, но душа по-прежнему подвывала...

...Тема веры и безверия слишком деликатная. Как об этом рассказать, вплетая в рассказ судьбу конкретного человека, рассказать правдиво? Иной и в храме постоит на службе, и за свечку ухватится, и возжёт её – ан всё равно без Бога в душе и поступки его с заповедями христианскими не сообразуются.

Если судить по поступкам, по каждодневной жизни, Валентина можно назвать верующим человеком. Я не знал, не помню за долгие и одновременно лишь мелькнувшие шесть десятков лет ни одного его поступка, который был бы несовместим с совестью. А значит, с христианскими постулатами».

Книга «Остановиться и... оглянуться» была подарена мне автором в библиотеке семейного чтения п. Белореченский в день её презентации. Тогда, 17 апреля 2019 года, в читальном зале библиотеки присутствовал и редактор книги, иркутский писатель Василий Козлов. Альберт Гурулёв рассказал, почему решил на книгу воспоминаний о Распутине, интересовался, какие страницы биографии писателя известны нам, почитателям творчества Валентина Григорьевича.

Пять лет эта книга в моей домашней библиотеке. 15 марта, в день рождения писателя, и как только начинают проходить в Иркутской области «Дни духовности и культуры «Сияние России»», достаю её с книжной полки. Долго смотрю на впечатляющее фото, которое на обложке книги, – посреди поля пылающих жарков сидит Валентин Григорьевич, недалеко берёзовая рощица... Вспоминается его произведение «Байкал предо мною». В моём воображении оранжевое поле цветов превращается в Священное море, а сам писатель оказывается под звёздным небом на вершине скалы, но силуэт и лик остаются неизменными: «...качающейся золотистой лесенкой спускалась в бездну лунная дорожка. Там, переливаясь огнями, волнуясь сквозь призму воды, сиял сказочный город», – своему заступнику Байкал в ту ночь приоткрыл одну из своих тайн.

Ни днями, а годами исчисляется борьба Валентина Распутина и его сподвижников с бюрократами-вредителями за сохранение уникальнейшей жемчужины планеты: «Байкал существует не сам по себе в своих автономных границах, и не только ветры и солнце, луна и звёзды по известным нам законам приводят его в движение... Нет, многими и многими чувствительными капиллярами связан он со всем огромным миром, видимым и невидимым, который нам до конца не дано постичь».

...И вновь поле жарков... Всматриваюсь в лик писателя... взгляд, устремлённый вдаль и одновременно в глубь своей души. Этот взгляд запечатлён на многих фотографиях, собранных в книге, одна из них в гостях у легенды Усольского района, основателя трудовой династии Сумароковых – Ильи Алексеевича. Открываю вкладыш книги с фотографией: тихо в комнате... В. Г. Распутин и И. А. Сумароков в задумчивости, вспоминают, наверное, своё послевоенное детство.

Искреннюю улыбку писателя тоже «не нарисуешь», «не приклеишь», «не смонтируешь», такая она на лице Валентина Григорьевича и на фотографиях с литературоведом В. Ю. Троицким, и на театральной сцене Вампиловского фестиваля, и со школьниками п. Качуг, и в зале Усть-Удинского Дома культуры.

Одни из любимых снимков – чёрно-белые; первый подписан «Аталанка. 1977 г.» – на фотографии Валентин Распутин со своей крёстной, Ренитой Григорьевой. Душа писателя поёт: «Боже, как хорошо дома!»

А второй тот, на котором Валентин Распутин со своей мамой Ниной Ивановной: «Не было у моей Нины Ивановны других заслуг, кроме доброго сердца, но это так много!» Нина Ивановна держит в руках письмо, а доброе сердце излучает добрую улыбку. Когда смотрю на эти фотографии, солнце на небе начинает светить ярче и память возрождает великие слова Валентина Григорьевича:

«Любовь к Родине – то же, что чувство к матери: вечная благодарность ей и вечная тяга к самому близкому существу на свете. Родина дала нам всё, что мы имеем, каждую клеточку нашего тела, каждую родинку и каждый изгиб мысли. /.../ Человек в Родине – словно в огромной семейной раме, где предки взыскуют за жизнь и поступки потомков и где крупно начертаны заповеди рода. Без Родины он – духовный оборвыш, любым ветром может его подхватить и понести в любую сторону. Вот почему безродство старается весь мир сделать подобным себе, чтобы им легче было управлять с помощью денег, оружия и лжи. Знаете, больше скажу: человек, имеющий в сердце своёю Родину, не запутается, не опустится, не озверееет, ибо она найдёт способ, как наставить на путь истинный и помочь. Она и силу, и веру даст».

Добрая память доброму человеку и великому писателю.

Анжелла СЕДЫХ

г. Киренск, Иркутская обл.

Седых Анжелла Валерьевна. Филолог по образованию (ИГПИ). 30 лет преподавала русский язык и литературу, а также мировую художественную культуру, мировые религии и светскую этику. Зав. отделом прозы журнала «Северо-Муйские огни».

Впереди духовная весна

Холстинка (из цикла «Господне Лето»)

О, это удельное языческое княжество – Проводы зимы! Как ополченцы, со всех дворов высыпаны на столы сырные кушанья. На красивой узорной тарелочке уже образовалась приличная горка. Блинки, щедрые, гречневые, ещё дымилась, и хозяйка приглашала ко столу отведать это весеннее русское лакомство во всех пределах. Киренские блинчики с нежным давидовским маслом, с петропавловской тугой сметанкой, с чайской белорыбицей на салфеточках, с тугой, крепко просоленной паюсной икоркой в рогожных мешочках, самой лучшей от племени, с нежным сладковатым сижком, с криколукской щучьей тешечкой, с жареной налиимьей молокой и копчёным ленским балычком. Рыбьи потрошка на все лады на угощенье давно приуготованы. Масленичная еда – на все времена. Сытно, шумно, весело. Гурьба в отраде. Столбы с болтающимися на самой макушке даровыми сюрпризами уже нанизаны расторопными смельчаками: ползут вверх, не робея, срываются, сползают, дерут штаны, и только самым сильным в руках – в руки и даётся. Гремят полозьями саночки, уже разбили в кровь носы незадачливые, но не остановить счастливую детвору. Несутся краснощёкие сорванцы с визгом вниз, валит их, счастливых, на бока рыхлая ямка у самого подножия. На импровизированном кострище высится чучело Масленицы в пёстрых юбках и подрубочках от Матрон и Акулин.

Какое яркое, зрелищное, разудалое навалилось на Красную горку. Она зацвела не к стати, обременилась... То ли ещё будет! Сердце рвётся пополам. Разве остановишь эдакую верть?! Вся неделя расписана до чрезмерности.

А подобру бы в самый разгар Сырной седмицы готовиться к встрече с Христом, свершая шесть дел евангельского милосердия: «жаждущего напоить, голодного накормить, странника ввести в дом, нагого одеть, посетить больного и навестить томящегося в темнице». Впереди духовная весна – Великий пост. Христианский аскетизм не борьба против тела, но за него. Пробуждаясь, восчувствуя свои грехи, человек растит в себе покаяние, стяжает смирение, совершенствуется в очеловечивании, духовно возрастает через сугубое воздержание. Церковь, снисходя к нашей немощи и постепенно вводя нас в подвиг поста, установила в последнюю неделю употребить сырную пищу, «дабы мы, от мяса и многоядения ведомы к строгому воздержанию... мало-помалу от приятных яств приняли бразду». Причём этот подлинный духовный вызов человек принимает добровольно, прежде всего, положив себе за неизменное правило – «пуст» – оставление, прощение. И теперь уже ополченцами в строю будут древние мужи, просиявшие в посте и молитве, которые не столько чуждались снеди, сколько обуздывали язык, сердце и очи свои. В помощь труждающимся на поприще веры великопостная покаянная молитва преподобного Ефрема Сирина, опоясанная, как крестильная рубашка, земными поклонами: «Господи и Владыко живота моего, Дух праздности, уныния, любоначала и празднословия не даждь ми. Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми, рабу Твоему. Ей, Господи, Царю! Даруй ми зрети моя прегрешения, и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков. Аминь».

Поистине всегдашняя праздность, эта странная русская лень, нерадение, небрежность, пассивность тянут вниз. Это глубоко вкоренённый в нас цинизм, благодаря которому растрачиваются данные нам духовные силы. «Падший» в своей естественной природе человек – нетерпелив, он скор на осуждение других, на оправдание себя. Это понятия, изломанные, искажённые природой греха, потому не следует отклоняться от своей божественной первоосновы и назначения. Венец добродетели – любовь. Целомудренная, спасительная, духовная.

В этом смысле вернуться бы к истокам. Прощёное воскресенье называют «Адамовым изгнанием». Православная церковь проводит богослужения и вспоминает библейский сюжет – изгнание людей из рая. Считается, что раз Бог простил Адама и Еву, хотя те ослушались его наказа, то и обычные люди должны найти силы для прощения обидчиков и самим попросить прощения. Традиция эта появилась в древности у египетских монахов. В тот день, когда они в одиночестве отправлялись в пустыню на весь срок поста, многие погибали от голода, жажды или нападения зверей. Не зная, суждена ли им ещё встреча в земном мире, монахи просили друг у друга прощения и сами прощали вольных или невольных обидчиков. В современном мире чин прощения проводится в храмах, но это не значит, что те, кто их не посещает, не должны мириться. Сыропуст – хорошее время навестить родственников, сесть за большой семейный стол и вместе провести время, попросить друг у друга прощения. А вечером сходить в дюжую баньку и смыть с себя грехи.

«Она ещё доживает свой век – старая, кондовая Русь с ларцами, сундуками, иконами, лампадным маслом, с ватрушками, шаньгами по «престольным» праздникам, с обязательными тараканами, с запечным медлительным, распаренным разворотом...» Нет, она ещё жива. Избранная Богом для спасения и просвещённая православной верой. Русь, с живописными традициями, надеющаяся на авось, но с церковными уставами, акафистами и канонами, с отеческими молитвами. Непобедимая. Исповедальная. Святая.

Поэзия

Поэзия принадлежит к народному воспитанию.
Василий Андреевич Жуковский

Ольга БОРИСОВА

г. Самара

Борисова Ольга Михайловна – поэт, переводчик, писатель, публицист, общественный деятель, член Союза писателей России. Член президиума ИАСТ/ МЛАТТ Международной ассоциации писателей и публицистов (Германия), Европейского Конгресса литераторов (Чехия), Оргкомитета Всероссийской литературной премии «Искусство слова», Почётный член поэтического Союза «Иван Николов» (Болгария). Организатор Международного фестиваля «ЛитКузница», международной литературной конференции «Слово». Победитель и призёр различных международных фестивалей и конкурсов в Чехии, Болгарии, Германии, Франции, Белоруссии, Украине, Литве, Израиле, Молдове и России. Лауреат ряда Всероссийских и Международных литературных премий. Публикуется в литературных изданиях Великобритании, Канады, Македонии, Сербии, Болгарии, Белоруссии, Украины, Чехии, Израиля, Греции, Литвы, Бангладеш, Молдовы и России. Автор 15 книг стихов, прозы и публицистики. Главный редактор литературно-публицистического альманаха «Параллели», альманаха «Крылья», журнала «Параллельки».

«Тайнопись звёзд...»

На циферблате времени

На циферблате времени сплетаются века.
Уходят в невозврат былые поколения.
Уносит память краткую безводная река,
А маятник стучит... другим для наставленья.

Теряется в безвремяе народов пришлых след.
Сокрыты от людей миров иных секреты.
Но иногда из млечности во сны слетит привет,
Пичугой Гамаюн, с неведомой планеты.

26 марта

Какая прескверная нынче погода:
То снега навалит, то дождь моросит.
Весенних деньков не дождётся прихода,
Ещё не исчерпан зимы весь лимит.

А небо узоры плетёт ежедневно,
И, крылья расправив, кружатся ветра.
Вороны запели, да так вдохновенно!
Им что-то привиделось, видно, с утра.

Быть может, услышали звонкое пенье
Весёлых ручьев на просторах земных?
Иль вод пробудившихся в недрах гуденье?
Слетевшее эхо с пределов иных?

Они на своём языке извещают,
Что, путь расчищая, спешит к нам весна.
И шумных пичуг перелётную стаю
Природу будить отправляет она.

На вселенских ладонях...

На вселенских ладонях наш шарик земной.
Континенты и страны, и судьбы людские.
Волга-матушка, берег, омытый волной,
Чётких линий кварталы, дома городские.

А в них люди живут средь мирской суеты,
И погрязли они в каждодневных заботах.
Ищут смыслы, сажают у дома цветы
И спешат отдохнуть после трудной работы.

А порою ночью их души тоска
Об утраченном предками некогда счастье.
Смотрят в небо, в котором проходят века,
И беседуют с Ним, дожидаясь причастья.

Акварели апреля

Фиолетовый день и лиловые тучи –
Акварели пришедшей весны.
И прозрачность ручьев, и искрящийся лучик
На раскидистых лапах сосны.

И сплетённые ветви высоких каштанов
Вдоль проспектов и серых аллей.
Сине-чёрные клумбы, и всходы тюльпанов,
И оранжевый блеск фонарей.

Это лики весны и её акварели –
Зарождается только узор.
Пролетят незаметно одна-две недели,
И окрасится в зелень простор.

Небо

Долька лимона повисла над домом,
Ярко сияет ночная звезда...
Вольное небо – оно невесомо,
Тайное небо – оно навсегда!

Взор устремляю к далёким светилам,
Знаки и смыслы ищу в вышине.
Символы бездны – познать не по силам,
Тайнопись звёзд непонятная мне.

Я во вселенском потоке – частица,
Вспыхнула, выполнить чей-то завет.
Время придёт, улечу, словно птица,
В небо! Туда, где немеркнущий Свет.

У каждого своя война

У каждого своя война,
А наши души – поле битвы.
Здесь не даются ордена,
Оружие – твои молитвы.

Извилист путь, а век наш мал.
И тяжело заботы бремя.
Скривив насмешливый оскал,
Судьба итожит наше время.

И вносит в тайную тетрадь
Всю одноликость грубой жизни, –
Столбцов чернильных грозно рать
Осудит в неземной отчизне.

ЮЛДУЗ

г. Симферополь, Республика Крым

Под этим псевдонимом известна крымская поэтесса, переводчица с крымско-татарского, узбекского языков и с языков народов Северного Кавказа Венера Рябчикова – член Международного сообщества писательских союзов, Литературного сообщества писателей России, Союза писателей Республики Крым.

«Во дворе теперь играют внуки...»

Ведьма до рассвета

Меня не надобно бояться,
Я – ведьма, но совсем не злая.
Блуждаю по Бахчисараю,
Поскольку нет (увы!) трамвая.
С трамваем город незнаком,
И тишь межгорных переулков
Благоприятствует прогулкам,
Не нарушаемых звонком
И стуками по стыкам рельсов.
А ведьмы любят тишину:
Лети в любую сторону
И на свою метлу надейся.
Сегодня я иду пешком
Туда, где коз
чёрт, друг мой, водит.
Обнимемся не при народе
И ограничимся смешком,
То есть не вымолвим ни слова.
Дождёмся ночи и опять
Нарвём репья, чтоб колдовать
И возвратить былое.
Попить с татарами бузы,
Послушать сказки о походах
И поглядеть, как при народе,
Напившись, те начнут бузить.
До драки дело не дойдёт,
Я колдану, чтоб вызвать стражу,
По бритым их башкам поглажу...
Мы вновь – с той стороны ворот,
И вновь – в тиши Бахчисарае,
И чёрт повёл свою козу,
Как будто и не пил бузу.
А я, устав, чуть-чуть хромая,
Иду свою метлу искать.
Я – ведьма, но совсем не злая.
Я жду рассвет в Бахчисарае –
При свете мне светлей летать.

Ещё чуть-чуть, и дни пойдут на убыль.
Шмели летят как медленные пули.
А я сижу под окнами на стуле,
И грустно мне, что лето вспять пойдёт.

Всё забываю, что мгновенно лето.
На чуть сведёт закат с рассветом
И звёздами осыплет эполеты
На небосклонах зреющих ночей.

Сошёл к нам зной, а он нам вреден.
Приятной нежностью он беден.
Ушёл июнь. Хоть он был бледен –
Галантно кутал нас в загар.

Сегодня в море окунулись,
Как от зимней спячки очнулись.

В дом вернулись и потянулись
За прохладными платьями в шкаф.

От жары оградит нас прохлада.
Шёлк струится по нам водопадом.
Хоть и жарко, но лету мы рады,
Как по подиуму идём.

Все покатоности наши изящны,
И все дамы прямоходящи.
И под солнцем, слегка нас палящем,
Как и море, весь мир настоящий...

Гурзуф на рассвете

В Гурзуфе я,
чтоб должное воздать
И потихоньку порыдять
У стелы памяти Поэта,
У кипариса ждать рассвета,
Как, может быть,
ждал сам Поэт,
Когда проглянет ранний свет
В ещё не разветвлённом парке.
Он слышал: судьбы пряли Парки
И, может быть, судьбу его –
Не здесь, а в граде над Невой...
Но прорицатель знаний сторонится.
И он не вник. Смотрел, как птицы
Сквозь ночь летели на Восток
И, как Пророк, был одинок.
А в жизни этой мало прока.
Я знаю: я в Гурзуфе одинока.

Во дворе теперь играют внуки

Двор был широк и обнесён
Стеной добротной кладки.
В нём было детям хорошо
Играть, как в школе, в прятки.
В него захаживал мулла.
Читал Коран. Вздыхал: «Алла!
А ваши взрослые хоть раз
Будили вас вершить намаз?»

...В лачуге, в дальнем кишлаке,
Куда их поселили,
Они с утра намаз творили,
Аллаха шёпотом молили,
Чтобы вернул туда, где жили.

...Десятки лет прошли с тех пор.
И вот они вернулись –
Не в детство и не в юность.
Но окружили те же стены двор –
Привычно их сложили руки.
Как тот, их двор,
но в нём играют внуки.
Теперь на зов вершить намаз в мечети
Спешат и взрослые, и дети.

Светлана ДОНЧЕНКО

г. Краснодар

Член Союза писателей России, Союза литераторов Европы, Международной ассоциации литературы, культуры и искусства. Автор 5 книг стихов и прозы. Публиковалась в российских и зарубежных альманахах и журналах. Кавалер ордена Серебряного Ора, ордена «Золотая Звезда». Награждена дипломом и медалью «Литературный Олимп», медалью им. Нобелевского лауреата Ивана Бунина, дипломом «Недаром помнит вся Россия» с вручением медали «М. Ю. Лермонтов». За заслуги в области литературы удостоена почётного звания «Заслуженный писатель Московии». Руководитель Южно-российского творческого объединения «Серебро Слов».

«Люби божественной и вечной...»

Предчувствие весны

Как в купель окунаюсь
в предчувствие новой весны.
Отчего-то я маюсь –
февральские мучают сны.
За окном – соловьиные трели
заполнили ночь.
Задубели шинели
коры на осинах. Точь-в-точь
повторяют своё обнуление
все деревья.
Не осталось ни капли сомнения –
вечна молва,
что предчувствие новой весны,
как купельная страсть,
что она отберёт у войны
вожделенную власть.
И вернутся к любимым солдаты
в цветущий рассвет.
А весна будет петь им кантаты
великих побед.

Мартовский кураж

Весна на крыльях вольной птицы,
Пронзая марево небес,
В прореху облачной рубахи
Слетела вниз, очнулся лес.

Дрозды, как флейты золотые,
Повсюду звуки серебра
Роняют щедро. Хоровые
Концерты в радость им с утра.

Начало жизни снова-снова
Лелеет свой восторг любви.
Хитра природа – знает слово,
Молитвой всех благословит.

Заполыхают жарко зори!
Взорвутся почки на ветвях!
Все первоцветы, как в фарфоре,
Звон разольют. Аккорд в ручьях

Журчаньем нежным, шумом белым,
Наполнит мир подлунный наш.
Юдоль с восторгом ошалелым
Войдёт в свой мартовский кураж.

Весенняя зорька

Круто заварило небо зорьку,
Словно чай кирпичный в чашку льёт.
У напитка вкус похоже горький.
Солнышко, добавь скорее мёд,

Каплями росы разбрызгай в поле,
Ароматом распыли в садах.
Дух весенний выпусти на волю,
Засияй лучами в куполах.

Много нынче горюшка на свете.
Души и сердца полны скорбей.
Боль людей по миру носит ветер –
С каждым днём рассветы злей и злей.

Только у весны любви в избытке –
Жизни в ней начало и исток.
Небо, лей на Землю те напитки,
Что из зорек сладких, как медок.

Апрель

Фанфары, трубы, звонкая свирель
И звук челюсты – колокольчик нежный.
Апрель, апрель, изысканный апрель,
Весенний месяц яркий и мятежный.
Родной приют для трепетного дня,
Вдохнувший в душу силу жизни новой.
И наделивший магией огня
Мой дух земной. Ему рукой Христовой
Дарован был ликующий восторг
Люби к стихам в прекрасном, дивном мире.
Теперь, когда мне шепчет строки Бог,
Душа играет тихо на клавире:
Звучат фанфары, трубы и свирель,
И звук челюсты – колокольчик нежный.
Поёт апрель в свой двадцать первый день,
В цветущих вишнях – чистый, белоснежный.

Люби божественной и вечной
Плеснуло небо в душу мне.
И, разливаясь каждый вечер,
Заря – в пылающем огне –

Её глотками пьёт с ладони,
И на закатном небосклоне
Любовь, став каплями вина,
Опустошается до дна.

А на рассвете небо снова
Любовью душу до краёв
Мне наполняет. Как пунцово
Пылают щёки облаков!

Рождённый день, опять, с ладони,
На разноцветном небосклоне,
Любовь мою глотает жадно!
Пей, день весенний, ненаглядный!

Елена ЗАСЛАВСКАЯ

г. Луганск, ДНР – Россия

Член Союза писателей России. Автор 12 книг стихов любовно-философской и гражданско-патриотической лирики, 8 книг для детей. Лауреат международной литературной премии им. С. Есенина «О Русь, взмахни крылами...» (в номинации «Слово Победы», 2015), международной литературной премии им. Павла Беспощадного «Донбасс никто не ставил на колени» (2016), 1-й премии в номинации «Поэзия» на Международном литературном конкурсе, посвящённом 105-летию со дня рождения Константина Симонова и 75-летию Победы (2020), Международного литературного фестиваля «Казак Луганский» им. В. Даля (гран-при, 2021), литературно-исторической премии «Моя Россия» в номинации «Современная поэзия» (2024), финалист Национальной литературной премии «Слово» (2024) в номинации «Мастер. Поэзия». Активно публикуется в периодике России и зарубежья. Стихи переведены на немецкий, французский, испанский, английский, литовский и болгарский языки. Песни на стихи Елены Заславской вошли в альбомы московской рок-группы «Зверобой»: «Война за мир» (2016), «Родина» (2018), «Русская весна» (2021), «Добрый знак» (2024).

«...будет напутствием...»

Поехали любоваться цветущими деревьями!
Этой весной абрикосы – прекрасны!
Покрасневшие ветви,
Белые соцветия!
Красота мгновенна,
Красота невинна,
А в наших краях ещё и взрывоопасна.
В лесопосадках – мины,
Спящие боеприпасы.
Милый,
Так и сердце моё пред тобой беззащитно.
Без бронжилета и каски...
А летом будут спелые абрикосы,
Такие сладкие,
Такие вкусные.
Я хочу запомнить эту весну,
Хотя бы миг её краткий,
И как идёт она лёгкой поступью
По израненной земле малоросской, русской.

Он уснул в бурьяне.
Он смертельно устал.
И мешок вещевой под щекой.
И улыбка на юных устах.
Сон как пир.
Погоди, не буди!
Он на этом пиру захмелел.
Как на женской груди,
Безмятежный, он спит на земле.

Валаам

Амальгама кипящих волн.
Надо мной колокольный звон.
И твердыней восстал Валаам.
В небеса устремлённый храм...
А над ним всё плывут облака
Сквозь мгновения, дни и века,
Как лебяжий легчайший пух.
И шагает по ним пастух.
Заблудилась моя душа,
Но позвал ты, и я пришла!

Сонно солнце окуналось в Ладугу,
И закат напомнил мне на миг
Кисло-сладкий привкус дикой ягоды
На губах обманчивых твоих.
Ветра нет. И тихо волны плещутся.
Лес, как ящер, замер вдальке.

В ночь такую сны приходят вещи
И стихи на древнем языке.

Вереска сиреневые всплески
На седых от времени камнях.
Солнце, алый поплавок на леске,
Медленно танцует на волнах.

Может, это знак? Но что он значит?
Что сокрыто в тёмной бездне вод?
Хочется узнать мне, кто рыбачит.
Хочется уплыть за горизонт!

Мне вспомнилось, как бражник танцевал
Над лилиями старенького сада,
И солнца золотой полуoval
Застыл над морем. Веяло прохладой.
Ещё чуть-чуть и скроется вдали,
В аквамарине волн, корона Феба.
Я выдумала этот день?
Он был ли? Не был?
И были ль мы?

Ладанка

Солнце над сопками
Алое, сонное,
Стройные сосны
Как нарисованы!
И словно
Воин Господень
Часовенка.
В купол-шелом,
Отливающий золотом,
Солнцем расцветным
Она поцелована.

Князь Александр,
Отведи от пределов
Врагов-супостатов!
Дай силы! Дай веры!
Пусть на груди у Ивана
Под «броником»
Маленькой ладанки
Сила огромная
Будет защитой
И будет напутствием
Тем,
Кто за землю
Сражается русскую.

Вита ПШЕНИЧНАЯ

г. Псков

Член Союза писателей России. Автор 4 книг стихов и книги прозы. Победитель и лауреат ряда российских и зарубежных литературных конкурсов: «Литературная Вена», «Рождественская звезда», «Живое слово», «Мир без войн и насилия», «Степные сполохи». Дипломант Международного Литературного фестиваля «Золотой Витязь – 2020». Публикации в изданиях (стихи, проза, эссе, критика): «Литературная Россия», «Слово», «Родная Ладога», «Север», «Наш современник», «Волга. 21 век», «Письма из России», «День и Ночь», «Венский литератор», «Дарья» (Осетия), «Знаць» (Болгария) и др.

«А мы... предполагаем жить...»

Смотреть на свет и улыбаться свету,
И не искать ни в чём своей вины,
Душе вверяя хрупкую планету,
Мечты, надежды и цветные сны.

Смотреть на свет, почти что не мигая,
И верить, что добро сильнее зла.
А под окном, тебя оберегая,
Вздохнёт бесшумно старая ветла

И сбросит листья, подчиняясь ветру,
Чтоб умереть до будущей весны,
Увидев свет и улыбнувшись свету,
И не найдя ни в чем ничьей вины.

Это всё про тебя...
И бессвязное моно дождя,
И порывистость ветра,
И каштаны, упавшие наземь,
И сны о любимых.

Этим всем создан ты...
И природа, и небо – родня.
Сквозь тебя и года прорастая,
Чтоб однажды вернуться и вернуться.
В своё Изначалье.

В этом всём есть и ты –
В позолоте кленовой листвы
И расплёсканных лужах,
В хмуром небе предзимнем,
В неласковом солнце...

С этим всем так и жить...
Тишину разрывая ключами,
Удивляясь, вздыхая,
Творя и под корень круша...
На пути в Бесконечность.

Когда-нибудь ты очнёшься снова –
В другом веке, в другом теле
И сквозь вздохи январской метели
Расслышишь только своё Слово.

Подхватишь его налету, чтобы
Пойти только своей дорогой...
«Как мало света, как тьмы много...» –
Прошепчешь, глядя рукой сугробы.

И будет на пальцах снег таять,
А день быстро к закату клониться,
И яркими вспышками родных лица
Начнут озарять твою Память...

То – память рода, то – зов предков,
То жизнь тобою себя множит...
В окно стучится рябины ветка
И чем-то вечным душу тревожит.

Жителям приграничья

Заломили ветки вербы
То ль от горя, то ль от ветра.
Нам – опомниться успеть бы,
Им – дожить бы до рассвета.
Здесь – курьер развозит пиццы,
От заказов нет отбоя.
Там – летают дроны-птицы,
Поле жизни – поле боя.
Здесь на выбор – педи-мани-
кюры...

Господи, прости!

Там – от дома дяди Вани
Пепла горсть в земной горсти.
По Некрасова* девчонка
В школу мчит на всех парах.
А на Парковой* мальчонка
Сиротой стал вчера.
Нам – опомниться успеть бы,
Им – дожить бы до рассвета...
Заломили ветки вербы
То ль от горя, то ль от ветра.

А мы предполагаем жить
Не бедно и не худо,
С окошка птицам хлеб крошить,
По-детски верить в чудо.

Как холода ещё близки...
Так что ж с того, так что же?
Вон – кормит голубей с руки,
В рваньё одетый бомжик...

Лежит просроченная снедь
В тележке из «Магнита»...
И пересчитывает медь
Хмельная Маргарита...

Смеётся, рот перекосив,
Букварь забывший Мастер...

Как вьюжит на всяя Руси
Апрельское ненастье!..
Не уставая саван шить,
И тьмой грозя победно...
А мы... предполагаем жить,
Не худо и не бедно.

Николь ВОСКРЕСНАЯ

г. Владивосток

Николенко Анастасия Алексеевна – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений и права ВВГУ. Член Союза писателей России. Автор 5 книг стихов. Публиковалась в ряде российских литературных журналов и альманахов, в китайском журнале «World poetry» (09.2022). Победитель международного литературного конкурса «Петроглиф» (в номинации «Поэзия», 2022), Республика Карелия (Петрозаводск). Лауреат Международной поэтической премии фестиваля БОАО (Китай) в номинации «Молодой талант года» (2023), Первой поэтической премии Константина Кедрова (2024).

«Без точности простого снимка...»

Бог есть, и он сидит передо мной,
такой же обречённый, желтоглазый.
В настенном зеркале – прибой,
подсолнух не нуждается в утробе вазы.

Фотограф утихающего солнца
размазал кадр, срезал горизонт,
подсолнух сохнет, янтарь льётся,
затихнет горечь, выгорит сезон.

Но по траве, растрёпанной и тусклой,
ещё шагает ветер, он невидим.
Трясётся воздух, вязкий, как медуза,
Бог не умеет ненавидеть...

С подсолнухом и жёлтыми глазами,
уйдёт за ветром, кто Его узнает –
может, только птица...
но за слепыми облаками
мелькнёт и тоже растворится...

Догони меня, дождь!
Он не будет меня догонять,
он придёт и пойдёт рядом,
без зонта.
Как летать без крыла,
если ты не птица,
тебе не понять.
Ровно в пять
дождь уходит домой,
оставляя серо-голубым,
сумрачным, небо.
Улыбаясь, луна бродит.
Словно стен не бывает,
и нет различий,
я всё жду, что
догонит дождь,
что он мне брат,
а луна его ищет,
но не находит.

Лампа в люстре маскируется под мыльный пузырь,
птичьей песней притворяется музыка,
провода повисли – мизгирь,
ожидание – мука и муза.

На листах разбегаются буквы,
шелестят и прыгают в тишину,
всех грехов разноцветные фрукты
переписаны, брошу в углу.

Холод сделал дороги уже,
в фонаре отключили свет,
всё-прозрачный пузырь, и планета –
лампа в люстре, которой нет.

Ангелы прикасаются к лилиям –
так рождается утренний свет.
Лепестки, подобные крыльям,
сквозь белёсый туман, самолёта след.

Белоснежное – знак небесный,
но нет тайны или мечты,
что бы снегом, водою пресной,
не упала бы с высоты.

Не увянут в руке протянутой,
где ладонь благословит,
бледно-серым шатром полотняным
судьбу вырежет и раскроит.

Не полюблю срезанных цветов,
бензинной горечи и ярких пятен.
Родиться мир из хрупкого готов –
и без отца и матери.

Так словно началась весна на севере,
и ты не видишь и не чувствуешь,
лишь подышать на стёкла, и, как веером,
чуть розоватый блик – предчувствие.

Нет, не кричать, молитва или шёпот,
глазами ищет чуть ожившее,
и если чудо есть, то это клёкот
птенцов под старой
кое-как подлатанною крышей.

Проникновение света
сквозь морскую воду
подобно колоколу.

День, оглушённый ветром,
замкнулся в коду,
звук расстояний волоком

растянут, будто флаг трепещет,
но флага нет, и это дымка –
обманывает небесная рыба.

Морская птица вещая.
Без точности простого снимка
неверный берег, как полуулыбка.

Татьяна СОБЕЩАНСКАЯ

г. Мытищи, Московская обл.

Член Союза писателей России, участник клуба «Московитянка» при ЦДА (Москва) и Мытищинского литературного объединения имени Дм. Кедрина. Автор 2 книг стихов и ряда публикаций в периодике.

«Всё запомню...»

Я туман весенний не люблю –
Он, не морщась, белый снег съедает,
Иногда надеждами играет,
Продаёт снежинки по рублю.

Он хитёр, коварен – злой старик –
Нас лишает мартовской капли.
Убегают в прошлое метели,
Вдалеке увидев серый лик.

Я туман весенний не люблю.
По душе – дожди и снегопады.
Я для них пою свои рулады,
Только их о помощи молю.

Не греет землю алый шар.
Холодный ветер. Небо – чисто.
Звенит последнее «монисто»,
Упав на мокрый тротуар.

Ночные крики журавлей
Висят часами над забором
Каким-то немощным укором,
Пугая маленьких детей.

А где-то – царствует весна,
Висят сосульки. Звон капли
Такой же, как у нас – в апреле.
И там, конечно, не до сна.

Предрассветные краски бледны и несмелы.
В них – полночная робость и чувство стыда
За весенний туман, удивительно белый,
И за солнечный луч, что застрял у пруда.
Но проходят минуты, и всё – по-другому:
Загорается небо и гаснет звезда.
Ночь уносит с собой тишину да истому,
Отправляясь, как встарь, неизвестно куда.

Уйти на дно и камбалой залечь
Среди морских диковинных растений –
Мне надо сбросить груз с усталых плеч,
И свой, и тот – грядущих поколений,
Поспать в тиши и снова в жизнь, как в бой,
Своей дорогой через испытанья.
Конечно, также делает любой,
Не только я, а разница – лишь в званьях,
В сноровке, в мыслях, в облике своём.
Один – богат, другому – посох в руки
Да сумку с крепким кожаным ремнём,
И – целый год без встречи и разлуки.

Поэты пишут о глазах –
Весёлых, жадных, злых,
Глазах – в слезах,
Глазах – в кустах,
О том, что часто в них
Сверкает ночью гололёд,
А днём – сознание спит...
.....
Ищу того, кто всё поймёт,
Не строя умный вид.

Запрокинула голову – Сердце
Где-то там, в голубой вышине.
Мне б к нему, чтоб немного согреться –
Я сегодня замёрзла во сне.
Снились льдины, холодное море
И далёкий, как точка, маяк.
Мы с тобою давно уже в ссоре,
Только я не оправлюсь никак.
Всё пытаюсь найти оправданье
Не тебе, а поступкам твоим.
Кто разрушил прекрасное зданье,
Что подарено было двоим?
Я брожу по пустынной аллее,
В мыслях вертится чья-то строка.
Шар воздушный от солнца алеет,
Словно сердце.
А нитка крепка.

Дождь слепой висел над садом,
Рядом – радуга пылилась.
Описать сейчас всё надо,
Чтобы завтра не забылось.

Капли мелкие блестели,
Как алмазные пылинки,
Как макушки старых елей
На рождественской картинке.

Я стояла на балконе,
Любовалась странным светом,
А внизу бежали кони
За расплывчатым предметом.

Там же радуга упала,
Поскользнувшись на дороге
Цвета жёлтого опала,
Цвета высохшей миноги.

В жизни раз такое чудо
Довелось увидеть, право.
Всё запомню, а куда
Я скажу природе «Браво!».

Наталья ОКЕНЧИЦ

г. Михайловск, Ставропольский край

Окенчиц Наталья Владимировна. Родилась в 1955 г. в Киргизской ССР. Ветеран труда Ставропольского края.

Член Союза писателей России. Автор 5 книг стихов для детей и взрослых. Публиковалась в журналах и альманахах: «Нева», «Нижний Новгород», «Невский альманах», «Литературное Ставрополье», «Полярная звезда», «Дарьял», «Дон», «Под часами» и др.

«Новая весна...»

Любовь и море

Белогривые волны стадами неслись.
Я любовью своей дорожила.
В ней была глубина и небесная высь –
Необъятная вольная сила.

Закрутил и поднял воду бешеный смерч
И помчался, нежданно, навстречу.
Как большую любовь в непогоду сберечь,
Если та уподобилась смерчу?

Эти чувства уже не сумею сдержать.
Показалось, они не плохие.
Стали небу под стать. Стали морю под стать.
И ворвались в морскую стихию.

Счастье плещется по кругу,
Заливая берега.
Всё хорошее – от друга.
Всё плохое – от врага.

Только самое плохое
Заключается в другом:
Если что-то происходит,
Друг становится врагом.

Хмельная вода

В лесу заблудились с тобою.
Любовь на природе вольна.
Стакан с родниковой водою
Чудесней бокала вина:

Пьянит, веселит и дурманит.
Не страшно стоять на краю.
Казалось, любовь не обманет
Хмельную надежду мою.

Расстались под вечер не дружно,
Туманом покрылись сады.
А может быть, вовсе не нужно
Так сильно хмельеть от воды?

Сон

Однажды сон приснился глупый:
Внизу холодный тёмный лес,
А я лечу в какой-то ступе,
И звёзды падают с небес.

Густые волосы волною...
Метла... Я в сумерках одна.
Лишь только бледными глазами
Следит старушкою Луна.

Меня обидеть не посмели.
Легко. Свободно. Хорошо.
А чёрный кот в моей постели
Проснулся молча и ушёл.

Для ступы не нужна дорога.
Другая у неё стезя.
А денег в ступе много-много...
А жизнь купить на них нельзя.

Восход

Сладко-розовой видится даль.
Тишина одинокого лета...
Утром холодно. Только не жаль
Своё тело доверить рассвету.

Пусть продует степной ветерок,
Пусть окутает горькой пылью.
Я с надеждой смотрю на восток,
Где восходит тепло над горою.

Нежеланная – это всерьёз.
Обними меня, солнце, скорее.
Он не любит, доводит до слёз.
Кто ещё, как не ты, обогреет?

Сирень

Если будет весна – значит, будет сирень,
Запах ветра, сиреневой воли.
У поэта душа превратится в мишень
И стихами заплачет от боли.

На забытой бумаге рука задрожит
(Очень нужно успеть за словами).
И украсит весна неуютную жизнь
Неприменно родными цветами.

На разлуки – сирень, на обиды – сирень,
Чтобы всё-таки было приятно.
И окажется весь удивительный день
В лучезарных сиреневых пятнах.

Новая весна

Опять приснилась яблоня в цвету.
И жизнь берёт над целым миром власть.
Я в самых чистых помыслах расту,
Как будто жизнь и вправду удалась.

Когда тебе уже немало лет,
Весна придёт как новая волна.
И нет весны прекрасней на Земле,
Чем самая последняя весна.

Ольга НАРКЕВИЧ

г. Гатчина, Ленинградская обл.

Ольга Наркевич (Левицкая). Родилась в г. Певек Чукотского автономного округа. Окончила физический факультет Ленинградского университета. Старший научный сотрудник ПИЯФ (Петербургский институт ядерной физики им. Б.П. Константинова), кандидат физико-математических наук. Публиковалась в журналах «Северо-Муйские огни» (№5/87/2021), «Александръ».

«Кто там – за нами?..»

Майское

Как раненый из госпитальных стен –
немного удивленно и на ощупь –
я вышла в май... Но прошлогодний лес
был для меня привычнее и проще.

Теперь прострел – подстреленный пострел,
а перепел – пораненный шрапнелью,
и майский жук, как «байрактар», взлетел –
миниатюрный – и упал на землю.

Уже скосили первую траву,
и тянет клён зелёные ладони
доверчиво – как будто бы ему
поручено приветствие земное.

Морщинистые трогаю листы –
так быстро выросли – начать бы всё сначала...
Я хрупкости весны и тишины
как данности давно не замечала.

Земля залечит раны, снимет швы,
и зарастут воронки и окопы...
И что ей наши войны и мольбы,
и я – забытая за пазухой у Бога?..

Сербское слово

А в Кралево осень. Направо,
где церковь с крестом,
свернула. Там – Ибар. И рыбы
в тени под мостом.
Короткое слово бросает
с амвона дьячок –
упругие крылья и посвист,
и взмах за плечом.
Как будто бы вороны подняли
бешеный грай:
в нём воля и сила – славянский,
отеческий рай.
Как «крв» кровотоцит. Как «смрт»
смертоносная жнёт.
А голос всё рубит. И «крст»
всё под воду влечёт.
И смысл сокровенный твоих
заповеданных слов
саднит моё сердце порезом,
как навью из снов.

Россия и Сербия, да ещё
Белая Русь –
пока ещё вместе. Но правый
теряется путь.
И словно ракеты вознёс минареты
Санджак.

Нахмурился Савва – и гневный
печалится зрак.
Он знает, как крут этот жгучий
балканский замес:
кривой полумесяц, джелем
да самшитовый крест.
Пропавшая черка¹: по-прежнему
шиптары² жгут
твои православные церкви
и в душу плюют.
А Русија-мајка³ забыла.
Она ни при чём –
уже не поддержит своим
материнским плечом.

Но Слово останется. Вестью
из давних времён
в сказаниях, говоре, песнях
славянских племён.
Его на потёртой псалтыри
потомок прочтёт –
и слово молитвы, как листья,
река унесёт...

¹ черка – дочь (срб.).

² шиптары – албанцы.

³ мајка – мать.

Три девочки на карточке случайной...

Три девочки на карточке случайной,
три медсестры блокадных госпитальных –
подглазья – как чернеющие рты...

О, как глядите вы из немоты –
открыто, непреклонно и светло, –
оставшиеся вечно молодыми,
простившие беспамятство моё...

А ты, стоящая посередине, –
и не спросить, и за руку не взять –
мне так и не успела рассказать:
какого вкуса были щи пустые...

Книг накупила, ночей не спала,
Вот и проходит, а будто вчера...

Всё бы держала тебя у груди:
Не уходи, дай ещё надышаться
Духом зелёным твоим смолянским.

Гроздь виноградная – кровью сквозь пальцы,
Ткань в узелках – разжимаются пальцы...
Кто там – за нами?.. Что там – за Ним?..

Алла ЕЛИСЕЕВА

г. Вышний Волочёк, Тверская обл.

Елисеева Алла Геннадьевна. Родилась 25 декабря 1966 года в г. В. Волочёк. Образование высшее. Руководитель литературного объединения «Вместе». Публиковалась в ряде коллективных поэтических сборников, в альманахах «Соловьиная ветка», «Тверские перекрёстки», «Своих не бросаю» и др. Автор книги стихов «К Свету» (2016). Номинант национальной литературной премии «Поэт года». Дипломант поэтического конкурса «Соловьёвская строфа», Гумилёвского фестиваля, фестиваля искусств «Встречи на Волоке».

«Верю я, найдём весеннюю тропинку...»

Растает лёд, отплачут тучи,
А жизнь летит всё выше, круче...
Сияет небо синей далью,
Зовёт алмазный свет реалий.

Нам согревая душу молча,
Любовь лучится днём и ночью
На ветви вербы распротёртой
Комочком серебристо-жёлтым

И дышит жизнью тёплой, нежной,
Такой святой, такой безгрешной...
И в этой беззащитной почке
Вселенский смысл сакральной строчки...

Белые слёзы

Белая церковь, белое небо,
Льётся жемчужный звон колокольный.
Снег засыпает белым мой жребий...
Путь выбираю в белом раздолье.

В снежных объятьях город, дороги,
В воздухе нежно-белые слёзы,
Слёзы прощенья, словно пророки,
Мне предлагают метаморфозы...

Солнце согреет светом желанным,
Чтобы душа любовью дышала,
Талой водой омоются раны...
Сбудется всё, о чём я мечтала!

Зимняя звезда

Не каталась я давно на лыжах –
Не было то снега, то морозов,
Но хотелось зимний лес услышать,
От житейских отдохнуть психозов...

Вот я средь сугробов, сосен, елей,
Солнце манит сквозь густые ветви.
Позвала, где ярче и светлее,
Вдруг душа, шепнув: «За Светом следуй!»

Очарована закатом дивным,
Золотом, рассыпанным по снегу!
Я быстрее по тропке еду зимней,
Аж румянец заиграл от бега.

Вдруг передо мной трамплин и горка!
(Не каталась я давно на лыжах!)
Вспомню детство и скачусь с восторгом,
Ведь тогда скорее солнышко увижу!

Полетела – хорошо, проворно...
Но попалась льдинка на дороге,
И не получилось рефлекторно
Мне упасть на бок иль руки, ноги...

Я лицом проехала по снегу...
Вау! Целы кости, нету крови.
Шишка и царапины от трека
Прям под глазом и чуть-чуть у брови...

А, плевать! Лечу во всю к закату
Надышаться золотым эфиром!
Я успела! Вот она – награда!
Я едина сердцем с целым миром!

Солнце спряталось, уже темнеет...
Мне запомнятся мгновенья эти...
На душе тепло и радость млеет,
У меня звезда под глазом светит...

Влюблена

Последние дни февраля,
Трепещет сердце – весна!
Всё снова, снова – с нуля,
И снова я влюблена!

В летящую ветром жизнь,
Стучащую пульсом вен
(Ладони к сердцу: «Держись!»),
В цветные сны перемен,

В полёт, свободу, покой,
В цветок у края дорог...
Как сладостно быть СОБОЙ,
Любви вдыхая урок...

Повстречались

На нехоженой, заброшенной тропинке
Повстречались мы с тобой – две половинки.
И стоим, в глаза глядим, глядим друг другу,
А тропинку замечает снегом вьюга.

А сугробы вырастают рядом выше,
Только мы вдвоём сердцами ближе, ближе.
Пробираясь в круговерти понемножку,
Сквозь снега и вьюгу ищем путь-дорожку.

Верю я, найдём весеннюю тропинку,
Отогреешь нежно голубую льдинку.
Из твоих ладоней утеку водою...
В сердце навсегда останешься со мною.

Дарья ГАНДИНА

г. Ангарск, Иркутская обл.

Гандина Дарья Михайловна. Родилась 24.04.2005 г. в Ангарске. Студент МГУ. Неоднократный победитель областных литературных конкурсов «Сказка учит, сказка лечит» (2018–2022 г.г.) и «Живинка» (2018–2023 г.г.), победитель IV всероссийского конкурса, посвящённого Международному дню семьи «Семья – это мы! Семья – это я!» (2018 г.), всероссийского творческого конкурса «Мир начинается с мамы» (2020 г.), призёр всероссийского конкурса творческих работ «От луча весеннего, первого тепла верба расцвела» (2021 г.), участница федеральной образовательной программы «Сириус» (2021г.), полуфиналист двух всероссийских конкурсов «Большая перемена» (2021 г., 2022 г.), финалист и призёр всероссийского конкурса «Большая перемена» (2022 г.), участница областной литературной Конференции «Молодость. Творчество. Современность» (2022 г.). Публиковалась в литературных журналах «Сибирь», «Первоцвет», «Азь-Арт» (Иркутск), «Страна Озарение» (Новокузнецк), в коллективных сборниках прозы, поэзии. Выпускница (2022) и действительный член литературной студии «Метафора» (Ангарск).

«Человек из прошлого»

По утрам поливаешь цветы.
Делят розы углы жилья,
Тебе нравится всё бесполезное:
Орхидеи,
Салфетки,
Я.

Лечишь песнями, лечишь сказками,
Молоком,
Киселём густым.
Я смирюсь со своими болезнями,
Раз таблетки
Приносишь
Ты.

Пусть мне кажется иногда -
По пилюле на каждый чих.
Я смирюсь со своими болезнями,
Если ты
Не приемлешь
Их.

Я смирюсь до тех пор, пока держится,
Первозданный закон бытия -
Тебе нравится всё бесполезное;
Чай с брусникой,
Конфеты,
И я.

Прощай

Прощай говоришь... Прощай...
Не пока
И не до свидания.
Оговорка? Слова невзначай?
Подсознательно знаешь заранее,
Что действительно – вправду, прощай?
Не обман,
пусть слова и беспечные,
Ты уходишь пораньше,
ведь нам,
Разговаривать в сущности не о чем.
Как работа? Учёба? Как сны?
Сто вопросов и
Страшно, невысказано.
Как когда-то смертельно важны,
Слова резко лишаются смысла.
Ты уходишь пораньше... Бывай!
А когда-то мы –
тени беседующих.
Ты «не замечаешь» трамвай
И смеёшься: «Неважно, следующий!...»

Пыль и дождь стыннут в бездне рассвета,
Дом холодный, остывший как чай,
Но из сердца, заботой согретом,
Потихоньку сбегает печаль.
Пыль и дождь. Светло-русые прядки.
Мутно-сахарный чай не бодрит.
Мне вообще-то не нравится сладкий,
Но придирчивость повременит.
Дождь и пыль. Терпкий запах свободы –
Запах ранней, весенней зари.
К божеству приравняв восходы,
Ещё чашку, прошу, завари.
Мы вдвоём. Мы одни в спящем мире –
В келье, в крепости – и не поймёшь.
Две улыбки, два взгляда – четыре:
Мы вдвоём, чёрный чай, пыль и дождь.

Человек из прошлого

Я вспоминаю тебя, человек из прошлого,
Брожу чаще по заросшей воспоминаний чаще.
От прогулок бывает и грустно, и тошно, но...
Продолжаю ходить,
Вспоминать,
Всё чаще и чаще.
Я говорю о тебе, человек из прошлого,
Таксистам, друзьям
И знакомым,
Готовым слушать.
Вспоминаю мгновения лета того,
Позапрошлого.
Время, светлей, чем сегодня,
Свободнее. Лучше.
И снишься ты иногда, человек из прошлого.
Стоишь,
Улыбаешься,
На себя чересчур похожий.
В снах отсутствует напрочь излишнее,
сложное, ложное.
Я не думаю,
Не извожусь –
Улыбаюсь тоже.
Знаю, минуло, исчезло
И лучше не трожь того,
Что осталось от
Вёсен размывшихся,
Лета слепящего.
Я люблю тебя, человек,
человеком из прошлого –
Частью когда-то счастливого настоящего.

Юлия ПУЧКОВА

г. Москва

Пучкова Юлия Яковлевна (Юлия Джейкоб) – родилась в Москве, окончила МПГУ, преподаёт английский язык в средней школе. Автор 6 книг на английском языке для чтения в начальной и средней школе. Золотой и серебряный лауреат конкурса «Большой финал», лауреат третьей степени Открытого фестиваля авторской песни, поэзии и визуальных искусств «Витебский листопад» в номинации «Поэзия. Стихи для детей», золотой и серебряный лауреат фестиваля «Центр Европа», серебряный призёр фестиваля «Славянские традиции» (2023), дипломант фестиваля «ЛитКузница» (2023). Победитель литературной премии им. А. С. Серафимовича в номинации «Лучший детский поэт» (2024). Публиковалась в поэтическом сборнике «Литературная карусель», журналах «Метаморфозы», «Московский базар», альманахах «Параллели», «Созвездие» и в детском журнале «Искорка».

«Под защитой синих небес...»

Кружева

Пролетела по лесу дурная молва:
Что один паучок вместо сети,
Вопреки всем порядкам на свете,
Вдохновенно плетёт кружева.
Пригласили его на Совет пауков,
Чтобы он на Высоком Совете
Откровенно и честно ответил,
Отчего и зачем он таков.
И приполз паучок и, представ пред судом,
Отвечал им совсем не спесиво:
«Кружева – это страшно красиво!
И совсем не опасно притом.
Кружевами любитесь вся мошкара –
Красоту ведь нельзя не заметить:
Налетят папы, мамы и дети
И глазуют с утра до утра».
«Ну дела! – усмехнулся пузатый паук, –
Говоришь, что совсем не опасно?
Что любятесь все? Лишь неясно,
Что же ешь на обед ты, мой друг?»
«Я могу голодать целый день или два.
Это, в общем, не так уж и сложно.
Просто сети плести невозможно,
Если можешь плести кружева».
Тут пузатый паук покрутил у виска
И с усмешкой промолвил: «Ну что же,
Он недолго протянет, похоже.
Не встречал я глупей чудака».
Все на том расползлись, лишь паук-крестовик
Прошептал: «Не печалься напрасно –
Кружева твои правда прекрасны!
Ты, пожалуйста, долго живи.
Пусть слетаются все, пусть глазееет весь свет,
Только голод, поверь мне, не шутка,
И когда будет пусто в желудке,
Приползай-ка ко мне на обед».

Поля и Толя

По полю вприпрыжку, под мышкою книжка,
В соломенной шляпе шла девочка Поля.
За ней наблюдая, траву поедая,
Стоял среди поля рогатый бык Толя.

День выдался яркий, день выдался жаркий –
Июльское солнце нещадно светило.
Вдруг девочка Поля увидела Толю,
Нахмурила лоб и на месте застыла.

«Ты, видно, упрямый! Ослушался маму! –
Быку прокричала сердитая Поля, –
Да разве же можно так неосторожно
Без шляпы в жару оставаться на поле?!»

Тут девочка Поля направилась к Толе
И шляпу ему на рога насадила.
«Макушку от зноя я книжкой прикрою», –
Быку на прощанье она сообщила.

С макушкой под книжкой по полю вприпрыжку
Домой побежала довольная Поля,
А в шляпе с рогами большими кругами
Гулял ещё долго по полю бык Толя.

Однако мы всё же в пример вам не можем
Поставить поступок заботливой Поли,
Поскольку нечасто вам выпадет счастье
Быка столь спокойного встретить, как Толя.

Синий лес

Это было не место чудес,
Не земное пристанище сказки,
Просто кончились нужные краски,
И остался некрашеный лес.

Он растёкся бесцветным пятном,
Его птица и зверь сторонились,
И бесцветные ветви клонились
В глубочайшем поклоне земном.

Небеса в оголтелую стынь
Пожалели бесцветного брата
И, спустившись на лес в час заката,
Окунули в небесную синь.

Синий цвет для пернатых родной –
Вскоре лес от их трелей проснулся,
А за птицами зверь потянулся
Заселять синий остров лесной.

Только люди сюда отродясь
Не ходили, ведь всяк с детства знает –
Синим лес никогда не бывает,
И торопятся мимо, крестясь.

И теперь это место чудес
И земное пристанище сказки –
Здесь живут и растут без опаски
Под защитой синих небес.

Екатерина ГРУШИХИНА

г. Красногорск, Московская обл.

Грушихина Екатерина Николаевна. Родилась в Москве в 1973 г. Окончила МГОУ им. Черномырдина: менеджмент и экономическая политика. По профессии – страховщик. Публиковалась в газете «Рабочая трибуна» (Москва, 1993), в альманахах «Хронометр» (Тель-Авив, 2009, 2010, 2014), «Серебряный звон» (МО, г. Красногорск, 2023), в электронной версии альманаха «ЛИТСОТЫ» (Москва, 2023). Финалист фестиваля авторской песни «Покровский собор» (Москва, 2024) в номинации «поэзия». Лауреат 1 степени X Открытого фестиваля «Муза Новороссии» в 2-х номинациях (г. Краснодар, Луганская обл., 2023). Дипломант поэтического конкурса «Снежная строка» (МОО СПР, 2023) в 2-х номинациях: проза и поэзия. Член городского литературного объединения «Звонкая строка».

«Но нет...»

Души твоей иконостас

Поэт, поэт! Мы – кроны две,
Из одного растём ствола, –
И ветви наши сплетены
В попытках истину объять.
Тонуть и кануть в естестве,
Взнуздать поэзу. Удила́
От строк кровавых солонь.
Как это больно – сочинять.

Как это больно – проникать
Ангиной рифмы в Божий глас.
Быть каждой клеточкой живым,
Быть ретранслятором псалмов.
Схоронит мудрости река
Души твоей иконостас.
Взрастёт на месте головы
Соцветье молодых умов.

Родится тот, чей светел ум,
Чей лёгок стан – потомок твой, –
Его нетленка, твой лубок –
Библейский потревожат сплин.
Случится планетарный бум,
И станут мёртвый и живой
Единой плотью. Выдал Бог
Поэтам «души–корабли».

Они плывут, они летят, –
На крыльях, или же без крыл.
Без парусов, на парусах,
По стрóкам, словно по волнам.
Венцы их кудри золотят,
Их лик серебряный застыл,
Забронзовели голоса,
Вещая истинное нам.

Ты вроде бы живой

Ты вроде бы живой, но ты один.
Алтарник – май стенает меж гардин,
О том, что Господа не поминают всуе.
Тасует время, боль твою тасует,
Стараясь от греха отгородить.

В надежде, что усóвестишься ты,
Приходят похоронные приветы.
Мол, тот усоп вчера, сегодня – этот.
Кладбищенские множатся цветы.
Друг обилечен, и твоим билетом
Кондуктор машет с горней высоты.

Ты вроде бы согласен заплатить,
Достал кошель, монетку вверх подбросил, –
Но жизнь сладка́, черешня плодоносит.
Лошадушку спешешь поворотить,

Пришпориваешь, тело прочь уносишь.
За малoverье, Господи, прости.

Из русла вышла времени река,
На ось Земли накручены столетья,
Но не стареет резвый мальчуган
С рогаткой, из квартиры сорок третьей.
Бежит среди таких же сорванцов,
Сандалии о лестницу сбивая.

А с фотографий мамино лицо –
Смеётся и глазами обнимает.

«В начале было Слово...»

А я ни петь, ни рисовать
В своих намереньях лубочных.
Садовой стала голова,
Почти Садовой-Самотёчной*.
Пустила жизнь на самотёк,
Течёт она, не зная меры,
Порог, ещё один порог.
Веслом шарашат гондольеры.
Венеция? О, если бы! –
Мечты, разбитые о быт.

А я ни петь... Зато стихи
Отбелены черёмух цветом,
Воссоздаются из трухи,
Отмолены и обогреты.
Из тех стихов, неровен час,
Венки рождаются сонетов.
А я предупреждала вас,
Что у меня таланта нету
К маханью кистью по холсту.
Но рифму чую за версту.

Хоть голова моя трещит,
От соловьиных песнотрелей,
О, Муза, строго не взыщи
С меня, лобзающей апрели, –
Построчно впрыгиваю в май.
Как хочешь, так и понимай,
Телодвижений рифмопляски.

Сижу в прогулочной коляске
Младенчиком с беззубым ртом,
Из звуков складывая слово.
А некто, Богом поцелован,
Проходит мимо. И потом,
Под стать Коровину с Брюлловым
Рисует дерево и дом,
Красотку в теле налитом,
И канделябр у изголовья.

Но нет. «В начале было Слово...»

*Садовая-Самотёчная – улица в Москве.

Екатерина БОЛЬШАКОВА

г. Москва (Зеленоград)

Большакова (Кононова) Екатерина Владимировна. Родилась и выросла в г. Вышний Волочёк. Выпускница Тверской государственной медицинской академии (по профессии – врач пульмонолог). В 2021 году награждена знаком «За мужество и доблесть в борьбе с коронавирусной инфекцией». Член литературных объединений «Рассветная Звонница» (г. Тверь) и «Вместе» (г. Вышний Волочёк), Творческой ассоциации литераторов Верхневолжья. Публиковалась в ряде коллективных поэтических сборников, в «Тверском литературном альманахе», «Невском альманахе», в журнале «Северо-Муйские огни» и др. Участник форума «Таврида» (2018), Межрегионального совещания молодых литераторов СПР в г. Ярославль (2019), Всероссийского совещания молодых литераторов СПР в г. Химки (2020, 2022), литературного семинара, организованного Центром провинциальной литературы «Глубинка» в г. Ярославль (2021). Дипломант Всероссийского литературного конкурса «Зелёный листок», лауреат II степени всероссийского литературного фестиваля-конкурса им. Евгения Гусева «Яблочный Спас» (2023), в номинации «Литература для детей». Автор книги стихов «Вдыхая жизнь».

«Улыбкой солнце в окнах расцвело...»

Весенний дождь

Весенний дождь – как первое прости
За идеальность и нечёткость линий,
За оклик еле слышный журавлиный,
Что не поможет стойкость обрести.
Мне не унять минутную тоску,
Что тянет за границы постоянства
И заполняет пустоту пространства –
Невольный сплин, доверенный листку.
Каракули в блокноте вывожу,
Стихи давно не вяжутся в куплеты
И солнце спрятано ещё в кармане лета,
Но в небо зачарованно гляжу.
Весенний дождь – последнее прощай?!
А будет ли обещанная встреча?
Подснежники проталины залечат
И в ставни громом постучится май...

Поздняя весна

Нынче выдался ветреный май,
Дождевик не пылится без дела.
Непогода уже надоела,
И весны опоздавший трамвай,
Под метанье щебечущих стай,
Еле тащит безвольное тело.

А продрогший и сонный апрель
На пороге растерянно мнётся,
Заверяя, что он не вернётся,
Что давно отзвенела капель...
Продолжает с дождями дуэль,
Утверждая, что всё обойдётся.

Неизменна вокруг суета.
Я, как водится, жду постоянства,
Буйства красок и яркость пространства,
Вспышки, пятна, разводы, цвета...
Отучает весны красота
От сезонного хулиганства.

Память

Хочется многое вспомнить, но память слепа:
Полнится мыслью засвеченных фотоальбом.
В прошлое гравием вымощена тропа,
Я убегаю туда вечерами тайком.

Я убегаю, но громче звенит тишина,
Время застыло, зависло, угасло, прошло.
Солнце, как прежде, не греет, не светит луна,
Краски поблели и дышится тяжело.
Хочется многое вспомнить, но тени давно
Здесь не живут, не осталось от них и следа.
Будто бы кадры немого кино – атрибут
Верной дороги назад, к пустоте, в никуда.
Хочется вспомнить, а может, не нужно уже
Память тревожить рефлексией брэнной души.
И оживает картинка в твоём миреже...
Прошлое – в прошлом.
Теперь настоящим дыши.

Вдохновение

Прошу тебя со мной остаться,
А вечер выпроводить вон.
Пусть монологи на абзацы
Разделит жизни метроном.
Разделит ночь, седая осень
Да смерти тощая рука...
Мой сад давно не плодоносит
И обрывается строка
Пустой неторопливой жизни,
Моих непрожитых стихов,
Рефлексии... Чернила брызжут
В межстрочье монотонных строф.
И тишина, она – награда
Исканиям моей души.
Да шёпот за калиткой сада:
«Пиши...»

Я засыпаю на твоей груди
И оставляю страхи позади.
А время полирует циферблат –
Окружность за окружностью – назад
Меня уносят радужные сны,
Туда, где дом и торжество весны.
Туда, где загостился мой покой
В реальности забытой, неземной.
Я сплю и вижу. Вижу и люблю,
Воспоминаний магию ловлю.
Как отражение меня, внутри,
Надежда засиделась до зари.
Я просыпаюсь: на душе светло,
Улыбкой солнце в окнах расцвело.

Елена КОЗЫРЬ

г. Горловка, ДНР – Россия

Козырь Елена Дмитриевна. Родилась в Горловке. Училась в Харьковском автодорожном институте. Публиковалась в альманахах «Восхождение», «Литературная Горловка», «Харьковский мост», «Нива», в журналах «Пять стихий», «Северо-Муйские огни», автор книги «Осень начинается во вторник». Член Межрегионального союза писателей (Дуганск) и Горловского литобъединения «Забой».

«Не привыкая быть одной...»

Одиночкам

Часто ищут в одиночку
Самость будущих вершин
И возможность на носочках
Дотянуться до души.

Если холодно и летом
Больно падают дожди,
Если Богу на планету
Без страданий не сойти,

Будет страждущий утешен
Вечным горем от ума.
Но всегда есть бонус пешим –
Крепкий посох и сума.

Метель на жизнь меняет взгляды

Метель на жизнь меняет взгляды,
Ломают ветки снег и лёд.
На белый холст дорожек сада
Ночь с осторожностью идёт.

Уводит снег с прозрачной шторой,
В потусторонний сумрак рам.
Звезды недогоревшей шорох
И вновь зажжённой не отдам.

Следов глубоких вереница
Водить умеет напролом.
И растревоженная птица
Черкнёт по памяти крылом.

Скорбного цвета глаза...

Скорбного цвета глаза,
Сажи чернее глазницы.
Падают на образа
Замертво люди и птицы.

Нервно зарядят дожди
В сумрак окопов и рытвин.
Боги сойдут и вожди
За полверсты от молитвы.

Тем, кто берёт на прицел,
Будет пожизненно сниться
Тот, кто под пулями цел,
То есть в «рубашке» родится.

В ореоле фонарей

Милость лета жди-не жди,
Отдана корона.
Провоцирует дожди
Белая ворона.

Впереди перекладных
Стаи фраз крылатых,
Не жалея откупных
На себя и брата,

В ореоле фонарей
Собирает птица
Под акафист тополей
Человечьи лица.

Смысл забытой простоты,
В жизненном вопросе,
До библейской наготы
Обнажает осень.

Осенних восемь строк

Клин одинокий выбивает
Печаль к исходу ноября.
Лететь пытается за стаей
Продрогший лист календаря.

И то, что грусть отнять не может,
Дождём по осени пойдёт
Сплошной царапиной по коже,
Багряной меткой в небосвод.

О вечном и нечеловечном

Кругом война, внутри, снаружи,
В обед, на завтрак и на ужин.
По будням, в праздник, до победы,
Во тьме и зареве планеты.

По венам, чатам и каналам
На мир идёт девятым валом...
И в этом пекле Вечный Лекарь
Во мне спасает человека.

Не привыкая быть одной

Не привыкая быть одной,
Я привыкаю не бояться
Стены холодной за спиной
И засыпать, и просыпаться

На территории беды,
В тисках измученной подушки,
До откровений темноты
И света огненной макушки.

На пограничье дня и дна
Левобережных нет и правых.
Но есть соломинка всегда
Для тех, кто ищет переправы.

Кристина ДЕНИСЕНКО

г. Юнокоммунаровск, ДНР – Россия

Родилась в 1983 году в Донбассе. Публиковалась в коллективных поэтических сборниках, литературно-художественных журналах, литературной периодике. Автор 7 книг. Победитель, лауреат, дипломант ряда поэтических конкурсов. Член Межрегионального союза писателей.

«Лирики вьюнок»**Выстой**

Здесь закат над полями духмяный.
Здесь полынью горчит горизонт.
Здесь художник, в стихийной сутане,
Будто пишет мой красочный сон
Золотистым лучом сквозь молитвы,
Золотистым лучом сквозь войну,
– Просто мир, просто даль, просто «Выстой»,
И я сердцем в надеждах тону.

С терриконов спускаются трели,
С колокольни – обрывистый звон.
Милый загород точно свирельным
Волшебством допьяна опоён.
Степь донецкая вспыхнула гладью,
Ковылями натянутых струн.
И на танки в окопах не глядя,
Я в тебе окунуться иду.

Растворяюсь душой без остатка
В благодати некошенных трав.
Я в объятиях солнечно-сладких
От всех бед и страстей спасена.
Золотистым лучом сквозь молитвы,
Сквозь ветра, что привычно скорбят.
Просто мир, просто даль, просто «Выстой»...
Я стихами рисую тебя.

Рисунок

Ты нарисуешь солнце на льняной стене,
И неприметный лёд безмолвия растает,
Когда моя душа с твоей наедине
Переплетётся, опоённая словами,
Когда и пасмурное сердце — звёздный май,
Нахлынувший грозой вне всяких расписаний.
В немилости у сладкой правды принимай
Меня такой, какой давно не принимали
Ни в ярких зеркалах, ни в матовых тонах
Обзорных галерей симпатии высокой.
Я остаюсь тобой одним покорена,
И в чём, не понимаю, твой коронный фокус.

Врастает зарево во мрак немых углов,
И нарисованное солнце как живое
Трепещется подбитым временем щеглом
И негасимой нежностью обиду кроет.
Вновь на бемоли рассыпается зенит,
Приятный до мурашек, вытесненных кожей.
Привязанность в мольбертной комнате звенит
Прощением на оттепель слегка похожим.
Ночное солнце огне-скрипкой плавит тишь,
И я даю тебе в знак компромисса руку.
Ты полуправдами меня заговоришь –
Я полувывдумкой опять сочту разлуку.

Вне той сказки...

Я совсем не хочу опомниться
ото сна, от весны и звонницы

маяка на рыбацкой пристани
в свете молний, во мрак влитом.
Благодать у камина медного,
будто серость тоски неведома –
трётся кот в шерстяном пожарище
мне о ноги покатым лбом.

Ретро музыка льётся плавная.
Непомерной любви приданое,
в виде блюза шарманки сказочной,
вызывает мгновенный сбой,
и то жарко до дрожи трепетной,
то мороз лютым волком вцепится
в подсознание, обречённое
на обиду и боль тобой.

Не спешат ни часы, ни парусник –
Грей в мечтах, Грей в делах по-старому,
дождь стеной, водопадом, струями
из бездонных ночных корыт...
Каждый сон жду Ассолью полночи,
каждый сон полон танго сольными –
каждый сон я боюсь опомниться
вне той сказки, где
может быть...

Лирики вьюнок

Оттепель была не белей, чем вальс,
не белей, чем стих,
и дождливый март то ли седовлас,
то ли колдовских
не приемлет чар, не приемлет нот,
и окутан тьмой...
Горечью обид кофе губы жжёт
в комнате пустой.

Тикают часы так же, как вчера
– монотонный блюз,
если Бог – любовь, если жизнь – игра,
я не удержусь,
окунусь в этюд, окунусь в туман,
в пригоршни Христа...
Серая печаль, на корню завянь,
дежавю спустя.

Лишние слова витым полотном
заслоняют ночь.
Чем пятно луны в смерче временном
может мне помочь?
Сыро до костей. Шорохи дождя
за окном тихи.
Пеплом прежних чувств пали на алтарь
чёрные стихи.

Замуж звал один, а потом другой
соискатель грёз.
Я же в браке с тем, что моей рукой
в ямбах разлилось.
Лирики вьюнок строфами цветёт
мраку напоказ...
Под моим окном бьёт копытом лёд
мартовский Пегас.

Светлана КАЗАКОВА

г. Омск

Автор 3 книг стихов и прозы. Лауреат Омского областного конкурса «России патриот» (2007), «Омские мотивы» (2010).
Дипломант VII Международного поэтического конкурса ко Дню славянской письменности и культуры (г. Шимкент, 2015).
Член творческого совета журнала «Северо-Муйские огни».

«Остановиться, оглянуться...»

Ландышевый тонкий аромат

Ландышевый тонкий аромат,
Ветра жаркого дыханье...
Я на миг забыла постулат:
Ты цветёшь, но час прощанья
Будет неизменно, ну а мы –
Малые земли частицы.
Господи! Пусть будет средь зимы
Майский сон. И пусть приснится
Ландышевый тонкий аромат...

Свидание с другом

Как безотрывно смотришь ты:
Глаза твои полны печали...
Как много утекло воды,
А мы удачливей не стали...
И жизнь испытывала нас,
Бывало, даже ежечасно,
Но мы храбрились всякий раз,
Уверовав, что жизнь – прекрасна!
Всевышний наделил сполна:
Кому – любви, кому – разлуки,
Мне – горя горького до дна,
Но для поддержки – друга руки.
Ты говоришь, что мне нельзя
Быть слабой, надо – только сильной.
И вновь глядишь: глаза в глаза
Из мрамора плиты могильной...

Над страницей последней...

Прочитают как книгу... Там я и не я:
По общим канонам и с личным уставом.
Эк, кидала, однако, судьбы колея...
Эк, искала любви сердцем таким старым...
Прочитают как книгу и выбросят прочь
Из своей головы, из своей нервной жизни,
И лишь мной не рождённая нежная дочь
Из небес вдруг дождём неожиданно брызнет
Над страницей последней...

Белое утро

Ирине Резник – омской поэтессе

Самый простой он – тетрадный –
Лист мой белый-пребелый,
Не торопясь и нескладно
Я вывожу несмело:
«Белое утро...»
Белое утро безмолвно.
Белый непуганый цвет.
Белою лентою словно

Тихо вползает рассвет...
Белый туман над полями,
Белый комок простыни,
Белое, нежное с нами,
Чёрными галками дни
Быстро летят друг за другом
/Сколько – не ведомо знать...
Сколько небесному плугу
Нашей рукою пахать?
Сколько посеется строчек?
Сколько из них прорастут?../
Бело-невинный листочек,
Ты ещё ждёшь меня тут?

А время уходит, уходит, уходит:
Уже и к морщинам как будто привык,
Но солнце закатное медленно бродит,
Дерева целую... а ты не постиг
Всей красоты этих солнц, этих лун,
Синих прожилок листа, как под кожей
Веночек наших – натянутых струн –
С музыкой ритма тамтамовой схожих.
А время уходит, уходит, уходит:
Усмешкою мудрой сползает с лица
И болью пронзительной сердце изводит
Неотвратимость начала конца...

Пусть все обиды превращаются в стихи,
Которыми не стыдно поделиться.
Ведь, в сущности, все люди не плохи.
Ведь, в сущности, важнее увидеть птицу
В обидчике, и в друге, и в себе,
Что вопреки ветрам и непогоде,
Недолговечной, в сущности, судьбе
Песнь вечной радости свою выводит.

Остановиться, оглянуться
и посмотреть со стороны,
Как ветер мира замечает
следы различной глубины.

Остановиться, оглянуться
и вещь простую вдруг понять,
Что человека измеряет –
желание его обнять.

Остановиться, оглянуться,
успеть ребёнка поддержать,
Сказать любимому, как важно
сегодня, завтра и опять
Остановиться, оглянуться...

Елена ДИЧЕНКО

г. Горловка, ДНР – Россия

Диченко Елена Вильямовна. Родилась 28 мая 1975 года в Горловке. Публиковалась в местных СМИ, альманахах и коллективных поэтических сборниках. С 1999 года является членом Горловского литературного объединения «Забой», с 2015 г. участник литобъединения авторов Донбасса «Стражи веснь». Дипломант международного фестиваля «Звезда Рождества – 2017». В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

«Только Бог нас один различает...»

Для милых в марте цветут подснежники,
связуя холод и тепло.
На тонких стеблях, такие неженки, –
ну как их снегом не замело?!

Цветёт подснежник – в снегу проталинка.
Пусть вьюга машет своим крылом.
Но лишь к любимым рука протянута
за переменчивым теплом.

И лишь к любимым душа повёрнута,
как будто к солнцу обращена!
Лишь от любимых зависит – помните –
чтоб в самом деле пришла весна.

Чтоб огонёк Небесный не погас,
не разъедала ржавчина сомненья,
да явится Бог каждому из нас
в святой особый день Богоявления.

Чтоб не роптать на избранном пути
и не свернуть с него во тьму однажды,
водой крещенской, Боже, освяти
то лучшее, на что способен каждый.

Благовещение и Пасха

В апреле душа ненадолго
касается вечности.
Такой это месяц: цветения
и возрождения.
Апрельские вехи – Начала и
Бесконечности.
Ты можешь не верить в спасенье,
но верь в обновление.

Ты можешь не верить в Мессию,
но верь человечности.
Как шарик воздушный, душа
в синеву порывается!..
Два праздника вечных –
Начала и Бесконечности.
Идя по дороге, увидишь:
она не кончается.

Сретенье

«Сретенье» – значит «Встреча».
Ключ, открывающий двери.
Встреча приводит к вере,
Вера приводит в Вечность.
Жизнь сопрягается с болью,
Но не велит отречься.

Главная в жизни встреча –
Встреча с Господней любовью.

Человек ищет небо всю жизнь,
Где б ни шёл он и кто бы он ни был.
Человек смотрит вверх, пока жив –
Потому что пришёл сюда с неба.

Даже если от неба далёк,
Поглощён добыванием хлеба
И молитвы не выучил строк –
Всё равно он пришёл сюда с неба.

Почувяв в настроенье перемену
Ты вновь из дома тёплого уйдёшь
И более прекрасную Елену
Ты, может быть, в окрестностях найдёшь.

С хозяйственной, уверенной, умелой
Построишь дом – и станешь сам иным.
А я останусь дурочкой несмелой,
В пыли блеснувшим стёклышком цветным.

В быту не нужным стёклышком цветным...
Но мир со мной ты мог увидеть ярким!

Маленькой Кассиопее

С каждым днём здесь всё больше травы,
Больше радости, меньше печали.
Только с теми, кого потеряли,
Никогда не расстанетесь вы.

Будут в Вечность они уходить,
Может быть, ни о чём не жалея...
Только с теми, кто смерти сильнее,
Сердце будет всю жизнь говорить.

Мы как волны – морские волны,
Но у каждой волны свой нор,ов,
И у каждой – короткий разум
И свои, хоть простые, чувства...

Мы как снег – миллиард снежинок!
Но у каждой снежинки – имя,
Мы на первый взгляд так похожи!
А на пристальный взгляд – различимы.

Что за сон мне приснился странный...
Но, пожалуй, ведь это правда?
Только близкие видят нас ближе.
Только Бог нас один различает.

Татьяна ВЫСОЦКАЯ

г. Горловка, ДНР – Россия

Родилась в Горловке в 1974 году. Работает библиотечкарем. Руководитель горловского поэтического клуба «Словечность». Публиковалась в альманахах «Восхождение», «Литературная Горловка», «Поэтическая номисма», в литературных журналах «Пять стихий», «Александръ», «Соть», «Графоман». Автор книги стихов «На этой маленькой Земле» (2020). За популяризацию творчества Николая Тряпкина и Василия Казанцева награждена почётной грамотой Союза писателей России (2021). В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

«Свободной стану ныне я!»

Серебро моё – суббота!
Воскресенье – золото!..

Марина Цветаева

Мне наследства – копеечка ржавая,
Крестик медный в оправе осиновой,
Да колечко на рученьку правую
С бирюзой небесно-синюю.

Но имею сокровища чудные,
У меня их богатства несметные –
Бесконечные россыпи рудные,
Дорогие слова самоцветные.

Всё рубины, сапфиры, сардониксы
И кораллы – на счастье – дарила,
Хризолиты и жёлтые ониксы,
Драгоценные зёрна берилла.

И гранаты драконьи, кровавые,
И зелёную яшму – в надежду,
Самородков, не серого гравия,
Отсыпала в карманы невеждам,

Осиянным мощной обывателям –
Тяжело ты, червонное золото!
Не попало лишь в руки старателей,
Воскресенье с субботой расколото...

Ах, воробышек, малая пташечка,
Полетели с тобою на юг!
В своей тоненькой серой рубашечке
Околеешь, мой глупенький друг.

Посмотри: здесь морозы жестокие,
Правят вьюги с метелями бал,
Ты же знаешь, чудак, белоокие,
Полетели!.. Я зря его звал.

Мне пичуга ответила смелая,
Беспородный шальной воробей:
– Ничего, что метели здесь белые,
Ты крепись и в пургу не робей!

Прислони свою буйну головушку,
Прислони мне на белую грудь.
Знаю, любишь разгульную волюшку,
Знаю, манит тебя дальний путь.

Будут песни звенеть кочевые,
Будет литься вино и печаль,
Буду свечи я жечь восковые
Пред иконой, закутавшись в шаль.

Ах, прости – ты в молитвы не веришь,
Ты забросил крестильный свой крест

И мечты, мне чужие, лелеешь,
Улетая с насиженных мест.

Но и всё же сквозь дым бесприютя,
Сквозь завесу фальшивых огней,
Когда выйдешь на злое распутье,
Вспомни, сокол мой ясный, о Ней.

Ведь Она не предаст, не обманет,
Не отринет просящего прочь
И корить, и смеяться не станет...
В заплутавшую тёмную ночь,

Когда в сердце холодной змеёю
Вдруг ужалит слепая тоска,
И сровняется небо с землёю,
И затопят моря облака,

Когда ворон бескрайней разлуки
К тебе сядет, мой друг, на плечо,
И отчаянья сильные руки
Тебя вдруг обовьют горячо,

Вспомни взгляд, и усталый, и нежный,
Полный тихой великой любви,
Бесконечной, безмерной, безбрежной,
Позови лишь Её, позови...

И не милости прошу – буду маяться.
Покаянья не ищу – поздно каяться.
Горе горькое ношу, несчастливая,
Но на долю не ропщу – терпеливая.
Повстречай, душа моя, понимание,
Утоли тоску вином на дознании.
Не сошьёшь души края ниткой грубою,
Пропоят над ней псалом, всё нелюбые.
Только им не завернуть ширь крылатую,
А мне, маясь, не уснуть – гул палатую...

Вечерние поля в росе,
Над ними — вороны...
Благословляю Вас на все
Четыре стороны!

Марина Цветаева

На все четыре стороны
Летите, птицы-вороны!
Тоску несите горькую
На север алой зорькою.
На юг – печаль огромную
На крыльях, птицы тёмные,
Несите, други верные,
Её вы в ночь химерную.
Вечерними закатами
На запад – грусть заклятую,
И на восток – уныние.
Свободной стану ныне я!

Обратная связь.....

...самая лучшая критика – это письма читателей.

Валентин Григорьевич Распутин

Слово о Журнале

Уважаемая редакционная коллегия журнала «Северо-Муйские огни»!

От себя лично и от читателей нашей библиотеки хочу выразить огромную признательность за ваше творчество. Именно за творчество, потому что создать литературное издание, которое объединяет свободных мыслителей и художников как известных, так и начинающих, не смогли бы сделать люди заурядные.

Каждый новый номер журнала – это литературная палитра, сочетающая в себе поэзию и малые жанры прозы, многоголосье думающих и пишущих людей, одни из которых уже снискали славу, а другие – делают первые шаги на писательском поприще. Но всё это очень интересно!

Само существование такого журнала и произведений, печатающихся в нём, дарят радость и надежду в то, что всё-таки не оскудевает наша земля людьми мыслящими, умеющими владеть художественным словом.

Очень приятно, что мы тоже часть авторского литературного сообщества под названием «Северо-Муйские огни», так как являемся читателями и поклонниками вашего журнала. Спасибо за каждый номер, предоставленный в дар нашей библиотеке.

Прозвонения, литературных открытий, талантливых писателей и благодарных читателей!

*Пявина Марина Александровна,
ведущий библиотекарь Кестеньгской библиотеки / Карелия, пос. Кестеньга/*

Главному редактору журнала «Северо-Муйские огни»

Здравствуйте, дорогой Виталий Яковлевич!

И вот, поддавшись захватывающим мирам вашего творческого содружества, обратилась к безотказному, опять-таки, шефу нашего журнала, известному вам Игорю Егорову с просьбой немалой: скачать мне предыдущие издания Северо-Муйских огней. Просто от читательской жадности... Тогда уже, успокоившись от первого эмоционального потрясения, буду дегустировать медленно и вдумчиво. Как хорошо! – надолго.

Теперь же радуюсь (то со вздохом, то с улыбкой) мощным текстам постоянных верных вам авторов. Нередок резонанс с теми или иными; так приходит чувство единства, дружественности, подспудной симпатии. Вспомним величайшего романтика 20-го века Антуана С-Э.: «Любить – не значит глядеть друг на друга; любить – это смотреть в одном направлении».

Отступ: и не устаю радоваться разделу «Рыбохотобзор», – ну, вот такой редут (да здравствует протест, в т.ч. рыцаря А.А.Я!) на пути массивной атаки «цифирью» на вечно человеческое: «вышли мы все из природы...»; не скудеет, оказывается, любовь неравнодушных к её судьбе! А пейзажные картины в тех рассказах! – просто Третьяковка! Авторы рубрики неустанно вселяют надежду на то, что не поднимется топор человеческого невежества рубить тот самый сук...

И ещё о надежде. Признательна вам, Виталий Яковлевич, давно, сразу по прочтении вашей повести «Старик и псы», за то бережно остановленное время, не доведённое в повествовании до логического трагедийного конца. Чуткий читатель и сам домыслит. Достадает. Или же доверится той самой надежде. Как, может быть, сказал бы герой вашей повести: Господи-то, как же и прожить-то без неё-то?

Отступ: более обострённо стала ощущать трагедийные события на Бурятской сторонке: пожары, ЧП – пропускаю через сердце.

С пожеланием светлых радостей, здоровья, творческой энергии вам, вашим близким и соратникам: Лидия Пащенко, литературный редактор журнала «Иртышъ–Омь», г. Омск.

Творческий совет журнала

Александрова Александра Александровна (Красноярск)
Астраханцев Геннадий Дмитриевич (Ангарск, Иркутская обл.)
Буров Юрий Николаевич (Санкт-Петербург)
Веколова Анастасия Юрьевна (Самара)
Головизина Ольга Павловна (Липецк)
Долбышева Ольга Николаевна (Черемхово, Иркутская обл.)
Дроздов Сергей Дмитриевич (Серпухов, Московская обл.)
Ефимова Тамара Владимировна (Северомуйск, Бурятия)
Жилкин Анатолий Михайлович (Иркутск)
Забарова Светлана Викторовна (Санкт-Петербург)
Кобелев Александр Афанасьевич (Новокукутск, Иркутская обл.)
Казакова Светлана Ивановна (Омск)
Карпов Леонид Семёнович (Кестеньга, Карелия)
Линник Ольга Владимировна (Омск)
Моргунов Юрий Михайлович (Шушенское, Красноярский край)
Мирошникова Галина Николаевна (Усть-Муя, Бурятия)
Подзарей Анатолий Иванович (Протвино, Московская обл.)
Попова Елена Алексеевна (Усть-Кут, Иркутская обл.)
Попова Евгения Владимировна (Новосибирск)
Поломошина Наталья Суреновна (Северомуйск, Бурятия)
Сайферт Ирина Алексеевна (Таксимо, Бурятия)
Смирнов Михаил Иванович (Салават, Башкортостан)
Сафиулин Максим Сергеевич (Усть-Илимск, Иркутская обл.)
Фокина Ольга Викторовна (Усть-Илимск, Иркутская обл.)
Шерстнёв Анатолий Юрьевич (Северомуйск, Бурятия)
Эхтибаров Фархад Гюлаббас-оглы (Северомуйск, Бурятия)

Секретарь правления Совета **Перемитина** (Галютева) Лилия Александровна
Председатель правления Совета **Логинова** Татьяна Борисовна

Из Устава журнала «Северо-Муйские огни»

Общие положения к Уставу

Журнал «Северо-Муйские огни» является авторским литературным изданием, ставящим себе целью духовное и творческое объединение свободных мыслителей и художников, творящих в духе любви к природе, людям, во имя процветания мирового экологического сообщества.

Цели Журнала полагаются в публикации и широком распространении подобного рода литературных произведений как известных писателей, так и начинающих, акцентирующих своё творчество на укреплении отношений природы и человека.

Журнал «Северо-Муйские огни» создан в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации и является некоммерческим изданием, объединяющим физических и юридических лиц, занимающихся литературным и другим творчеством, признающих Устав и цели Журнала.

1. Основные цели и задачи

1.1. Основные цели:

- всестороннее развитие культурных связей, сотрудничества между писательскими организациями и союзами на основе развивающихся литературных процессов в России; поддержка и развитие литературных процессов;
- укрепление взаимного сотрудничества и участие в процессах, происходящих в сферах культуры, искусства, образования, спорта;
- участие в процессах укрепления духовных ценностей гражданского общества;
- оказание творческо-практической помощи различным литературным объединениям, содействие в становлении гражданского общества и утверждение принципа социальной справедливости, содействие утверждению равноправия представителей разных национальностей, проживающих в России, взаимного уважения их интересов и ценностей;
- создание необходимых условий для свободного развития новой высокодуховной литературы на основе многонациональной языковой культуры;
- развитие и укрепление возможностей литературной деятельности для начинающих писателей.

1.2. Основные задачи:

- осуществлять любую незапрещённую законодательством России деятельность для выполнения уставных целей;
- осуществлять издательскую деятельность;
- участвовать во всех литературных процессах в любых формах их интерпретации;
- осуществлять периодическую публикацию всех форм литературных произведений;
- сотрудничать с литературными объединениями, писательскими союзами, обществами.

ISSN 2500-0276

Северо-Муйские ОГНИ

Авторский литературный журнал

Северомуйск – 2025